

Том 44, № 3
Сентябрь 2019

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель

НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 73518 от 31.08. 2018 г.
Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский

доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ», БГИИК)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

С.С. Почепцов

кандидат философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

А.Е. Новикова

кандидат юридических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

С.А. Вангородская

кандидат социологических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Борисов С.Н., доктор философских наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философии, профес-
сор (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук,
профессор (Университета Северной Кароли-
ны, США)

Власенко Н.А., доктор юридических наук,
профессор (Российский университет дружбы
народов)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Философия. Социология. Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy. Sociology. Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Мелешко Е.Д., Назаров В.Н.

«Реальное добро» как синтез морали и искусства в духовных исканиях Н.В. Гоголя. К 210-летию со дня рождения Н.В. Гоголя..... 367

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Королёва Л.Г., Сухоруких А.В.

«Цифровизация» или гуманизация образования: актуальность асиологической альтернативы..... 375

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Вангородская С.А.

Отношение к смерти в современном обществе: культурно-исторические особенности и влияние на самосохранительное поведение..... 386

Зотов В.В., Алексеенко А.И., Губанов А.В.

Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в приграничном регионе 396

Реутов Е.В., Реутова М.Н.

Ментальность жителей российской провинции: устремлённость в будущее и способы его достижения..... 410

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Контарев А.А.

Проблемы управления современными миграционными процессами в контексте некоторых общих теорий миграции 419

Римский А.В.

Молодежный экстремизм: сфера социально-правового контроля 427

Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.

«Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификация личности в условиях информационного общества..... 434

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Пересыпкина А.В., Ширманова М.Ю.

Мировоззренческие и духовно-практические условия образования целостной личности 443

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Борисов Г.А., Носков В.А., Мочалов В.С.

Политика и право как ипостаси власти: критерий регулятивного размежевания 452

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институтасоциально-политических исследований РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ Высшая школа экономики);

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор (Саратовский филиал ИГП РАН)

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Ушамирская Г.Ф., доктор социологических наук, профессор (Волжский институт экономики, педагогики и права)

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Варминско-Мазурского университета, Польша)

Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*

Корректра, компьютерная

верстка *О.Г. Томусяк*

Оригинал-макет: *С.С. Почепцов*

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;

rochepstov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 30.09.2019

Формат 60×84/8

Гарнитура Georgia, Impact

Усл. п. л. 23,3

Заказ 234

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Дата выхода журнала 30.09.2019

Подписной индекс в Объединенном

каталоге «Пресса России» – 81462

Оригинал-макет подготовлен

и тиражирован в издательском доме

«Белгород» НИУ «БелГУ»

Адрес издателя и издательства:

308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Гуторова А.Н.

О противоречивости отдельных процедур избирательного процесса по выборам глав субъектов Российской Федерации 460

Игнатьев М.Е.

Криминалистическая задача расследования – установление причин и условий, способствующих совершению преступления 467

Новикова А.Е.

Конституционно-структурная корреляция правозащитных рисков в основном законе 1918 года 474

Солдаткина О.Л.

К вопросу о применении некоторых вспомогательных методологических подходов к правовым исследованиям (на примере цифрового права) 480

Тонков Е.Е., Пожарова Л.А.

Правовое регулирование в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы 490

Тресков А.П.

Конституционная легализация принципов судебной власти: опыт американских государств 498

Яцек Залесны, Ярослав Шиманек

Ограничение законодательных полномочий парламента как предварительное условие для установления сбалансированной власти: исторические и конституционные соображения 505

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Андрейкина М.В.

Музыкальный субъект как философское понятие 513

Артюх А.В., Борисовский А.В. «Новые войны» и проблема

терроризма. Философско-антропологический анализ 519

Озаркив О.М.

Изучение корпоративной культуры: теоретико-методологические основания 525

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Щавелёв С.П.

Сообщества философов уходят в прошлое. Их заменяет сообщество ученых, мыслящих философски 533

Сведения об авторах 547

Volume 44, № 3
September 2019

SCIENTIFIC REVIEWING JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher

Belgorod National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher,
letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod,
308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77 – 73518 31.08. 2018
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

V.P. Rimskiy, Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University, Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

E.E. Tonkov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

S.S. Pocheptsov, Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible secretaries

A.E. Novikova, Candidate of law (Belgorod State National Research University)

S.A. Vangorodskaya, Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

S.N. Borisov, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

M.F. Bykova, Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

N.A. Vlasenko, Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

O.A. Volkova, Doctor of sociology, Professor (Belgorod National Research University)

A.V. Gabov, Doctor of law, corresponding member of RAS (The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences)

Belgorod State University
Scientific bulletin

Philosophy. Sociology. Law

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
Философия. Социология. Право

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Meleshko E.D., Nazarov V.N.
"Real good " as a synthesis of morality and art in the spiritual quest for N.V. Gogol. The 210th Anniversary of the Birth of N.V. Gogol..... 367

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Koroleva L.G., Suhorukhih A.V.
«Digitalization» or humanization of education: activity of asiological alternative..... 375

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Vangorodskaya S.A.
The attitude towards death in modern society: the cultural and historical features and the impact on health behavior..... 386

Zotov V.V., Alekseenko A.I., Gubanov A.V.
The stakeholders role of ethno-confessional space of public communications in harmonizing relations and averting of conflicts in the frontier region..... 396

Reutov E.V., Reutova M.N.
Mentality of the residents of the russian province: aspiration for the future and methods of its achievement..... 410

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Kontarev A.A.
Problems of contemporary migration processes managing with respect to some of generals migration theories 419

Rimskiy A.V.
Youth extremism: sphere of social and legal control..... 427

Slyusarev V.V., Khusyainov T.M.
“Digital exhibitionism”: self-identification of personality in the conditions of the information society 434

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Peresyapkina A.V., Shirmanova M.Yu.
Philosophical and spiritual and practical conditions for the formation of the whole person 443

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor
(University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

G.V. Drach, Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy, Professor
(Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor
(Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor
(Kursk State University)

Y.N. Starilov, Doctor of law, Professor
(Voronezh State University)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

A.V. Malko, Doctor of law, Professor (The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences)

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

V.N. Nazarov, Doctor of philosophy, Professor
(Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy)

C.G. Sivkov, Doctor of law, Professor
(University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

G.F. Ushomirsky, Doctor of sociology, Professor
(Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and Law)

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*
Pag Proofreading, computer imposition *O.G. Tomusyak*

Dummy layout by *S.S. Pocheptsov*

E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
pocheptsov@bsu.edu.ru

Passed for printing 30.09.2019

Format 60x84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 23,3

Order 234

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing 30.09.2019

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 81462

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"

Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

Borisov G.A., Noskov V.A., Mochalov V.S.

Politics and law as the hypostasis of power: the criterion of regulatory separation 452

Gutorova A.N.

About inconsistency of separate procedures of electoral process on elections of heads of subjects of the Russian Federation 460

Ignatiev M.E.

Forensic investigation into the causes of and conditions conducive to committing a crime 467

Novikova A.E.

Constitutional and structural correlation of human rights risks in the basic law of 1918..... 474

Soldatkina O.L.

To the question of the application of some auxiliary methodological approaches to legal research (on the example of digital law) 480

Tonkov E.E., Pozharova L.A.

Legal regulation in the conditions of digitalization of society: problems and prospects 490

Treskov A.P.

The legalization of the constitutional principles of judicial power: the experience of American States 498

Jacek Zalesny, Yaroslav Szymanek

Restrictions of the legislative powers of the Parliament as a condition for establishing a balanced authorities: historical and constitutional considerations..... 505

THESIS

Andreykina M.V.

Musical subject as a philosophical concept 513

Artyukh A.V., Borisovskiy A.V.

«New Wars» and the problem of terrorism. Philosophical and Anthropological Analysis 519

Ozarkiv O.M.

The study of corporate culture: theoretical and methodological foundations 525

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

Schavelev S.P.

Philosophical communities are going away. They are replaced by the community of scientists thinking philosophically 533

About authors 547

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 171

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-367-374

**«РЕАЛЬНОЕ ДОБРО» КАК СИНТЕЗ МОРАЛИ И ИСКУССТВА
В ДУХОВНЫХ ИСКАНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ.
К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ**

**"REAL GOOD "AS A SYNTHESIS OF MORALITY
AND ART IN THE SPIRITUAL QUEST FOR N.V. GOGOL.
THE 210TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N.V. GOGOL**

**Е.Д. Мелешко, В.Н. Назаров
E.D. Meleshko, V.N. Nazarov**

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, Тула, 300026, Ленина просп., 125

Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy,
125 Lenina St, 300026, Tula, Russia

E-mail: eilen2016@yandex.ru; sophiya@yandex.ru

Аннотация

Творчество Н.В. Гоголя, писателя загадочного и закрытого, исследовано недостаточно, особенно в контексте его религиозно-нравственных исканий, в дальнейшем предопределивших векторы духовного развития русской культуры. Отметим, что оно используется в различных политических целях, например, на Украине, где искажаются религиозно-нравственные позиции писателя и мыслителя. Авторы представляют целостный культурно-философский анализ основных этапов развития религиозно-нравственных исканий мыслителя, основанных на духовном и творческом опыте поиска реального добра: от эстетического морализма через моральное самопознание к богословскому оправданию культуры. Сделан аналитический обзор художественных и религиозно-философских произведений, таких как «Выбранные места из переписки с друзьями» (1844-1847) и «Авторской исповеди» (1847). Выделены основные позиции религиозно-нравственных исканий в творчестве Н.В. Гоголя: эстетический морализм; крушение эстетической утопии; моральное самопознание; религиозно-нравственное учительство; богословское оправдание культуры (нравственно-религиозное единство жизни, данное в «законе Христа»); идиллия праведного хозяйствования; нравственно-религиозное оправдание искусства («примирение искусства с жизнью») и др., а также идейные позиции (моральный идеал, эстетическое вдохновение, любовь – моральное действие), определяющие духовно-нравственные и эстетические замыслы концепции культуры, как содержания и смысла реального добра.

Abstract

The relevance of the research is connected with anniversary events – 210 years since the birth of the mysterious and secret writer, whose work has not been studied sufficiently, especially in the context of his religious and moral quests, which later determined the vectors of the spiritual development of Russian culture. In the modern cultural discourse the study of creativity N.V. Gogol is also relevant because it is

used for various political purposes, for example, in Ukraine, where the religious and moral positions of the writer and thinker are distorted. The purpose of this article is a holistic cultural and philosophical analysis of the main stages of the development of religious and moral quests of the thinker, based on the spiritual and creative experience of finding real good: from aesthetic moralism through moral self-knowledge to theological justification of culture. This research vector defined the objectives of the present work: an analytical review of artistic and religious-philosophical works, such as "Selected passages from correspondence with friends" (1844-1847) and "Author's confession" (1847). The result of this cultural-philosophical analysis allowed us to identify the main positions of religious and moral quests in the works of N.V. Gogol: aesthetic moralism; the collapse of aesthetic utopia; moral self-knowledge; religious and moral teaching; the theological justification of culture (the moral and religious unity of life, given in the "law of Christ"); idyll of righteous management; moral and religious justification of art ("reconciliation of art with life") and others. The novelty of the research lies in the holistic cultural and philosophical analysis, which allowed to identify ideological positions (moral ideal, aesthetic inspiration, love - moral action), which determine spiritual, moral and aesthetic ideas concepts of culture, as the content and meaning of real good.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, духовные искания, борьба со злом, реальное добро, эстетическая утопия, моральное самопознание, всеобщая вина, косвенный грех, праведное хозяйствование, этос добра.

Key words: Nikolai V. Gogol, spiritual quest, real good, aesthetic utopia, moral self-knowledge, universal guilt, indirect sin, righteous management, the ethos of good.

Н.В. Гоголь как мыслитель-моралист и учитель жизни гораздо больше закрыт от нас своим художественным творчеством, чем Ф.М. Достоевский или Л.Н. Толстой. А между тем Гоголь вплотную подошел к основным темам русской нравственно-философской мысли, предвосхитив и очертив круг духовно-нравственных идей русской культуры. Не оставив после себя цельного и стройного мирозерцания или систематического учения, он внес в развитие русской духовной мысли нечто более ценное и значимое: опыт нравственно-религиозных исканий, связанный с кардинальной переоценкой смысла творчества и духовным преображением жизни, запечатленным им в своей духовной прозе, прежде всего, в известном сборнике писем *«Выбранные места из переписки с друзьями» (1844–1847)* и *«Авторской исповеди» (1847)*. При этом необходимо учитывать, что «Гоголь не принадлежал к тем избранным, которые рождаются с любовью к Богу... Вера должна была прийти к нему другим путем, не от любви, а от страха» [Мочульский, 1995, с. 8]. Это во многом обусловило его эстетическое тяготение к образам зла и моральную потребность в обосновании идеала реального добра.

Бессилие добра

Нервом духовно-нравственных исканий Гоголя явился конфликт между его желанием «служения общему добру» и ирреальностью и безжизненностью самого идеала добра. Отсюда известные слова Гоголя из *«Записной книжки 1846 года»*: «Грусть оттого, что не видишь добра в добре...». «Гоголь, – замечает В.В. Зеньковский, – глубоко ощущал всю трагическую проблематику современного морального сознания. Моральный идеал, которым он был одержим, воспринимался им самим как нереальный и даже неестественный, как некая риторика, не имеющая опоры в естественном строе души» [1991, с. 189]. Мучительнее и резче всего несостоятельность морального идеала Гоголь переживал в центральном вопросе европейского и русского гуманизма, – в вопросе об отношении к людям, как «братьям». «Как полюбить братьев? Как полюбить людей? – спрашивает он. – Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного» [Гоголь, 1992, с. 135]. Моральный идеал оказывается бессильным, ибо в действительности душа движется не моральным, а эстетическим вдохновением. Иначе

говоря, душа человеческая вовсе не способна в нынешнем ее состоянии к подлинно моральному действию, т.е. к любви.

Не удивительно поэтому, что образы зла выглядят для Гоголя более действенными и эстетически притягательными, чем идеал добра. Не случайно в своем исследовании «Гоголь и черт» Д.С. Мережковский замечает, что для Гоголя черт есть мистическая сущность и реальное существо, в котором сосредоточилось отрицание Бога, вечное зло. Гоголь оружием смеха борется с этим реальным существом [Мережковский, 1991]. Речь здесь идет не только об эстетической притягательности, но и об опыте гоголевского зла. Как отмечал В.Н. Ильин, «Гоголь вполне и до конца вкусил и от адского огня, и от адского холода – *in caldo e in gelo*, по выражению Данте» [Ильин, 2002, с. 358]. При этом «адский опыт» Гоголя Ильин трактует как «сложную комбинацию того, что можно назвать логикой греха».

Однако эта борьба со злом, по мнению ряда исследователей, окончилась неудачей. Гоголь не смог «выдержать возложенной на него миссии – единоборства с виновниками вселенского зла» [Мейер, 2002, с. 277].

В этом смысле свою моральную сверхзадачу Гоголь видел в открытии идеала *реального, действенного добра*. Главный смысл своей книги «Выбранные места из переписки с друзьями» он усматривает в том, что она должна подвигнуть людей к «делу общего добра». «Мне хотелось, – пишет Гоголь, – показать посредством книги *идеал возможности делать добро*, потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сделать» [1984, с. 263].

Можно сказать, что для Гоголя главной проблемой его нравственных исканий стала проблема определения *условий реального добра*. Очевидно, что эта тема задает идейную проекцию и «оправданию добра» В.С. Соловьева, и «условиям абсолютного добра» Н.О. Лосского, и многим другим формам испытания добра на его духовную прочность и жизненность.

Основными вехами на пути гоголевского искания реального добра стали: 1) эстетический морализм («эстетический магизм» добра); 2) моральное самопознание; 3) религиозно-нравственное учительство; 4) богословское оправдание культуры (нравственно-религиозное единство жизни, данное в «законе Христа»); 5) идиллия праведного хозяйствования; 6) нравственно-религиозное оправдание искусства («примирение искусства с жизнью»).

Остановимся подробнее на этих ключевых моментах творческого пути Гоголя.

Эстетическая утопия: магизм красоты

Признавая первичную реальность эстетических движений души, Гоголь всем своим художественным творчеством создает своеобразную «эстетическую антропологию» (В.В. Зеньковский), в основе которой лежит вера в прекрасное, в магическое влияние и воздействие на человеческий нрав «демонической красоты», в особенности красоты женской, которую он так ярко живописал в повестях «Тарас Бульба», «Вий», «Невский портрет» и др. В повести «Невский проспект» Гоголь рассматривает феномен женской красоты как некий чудесный флер, скрывающий душевные недостатки и даже пороки, они, по мнению писателя, «становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышит в них миловидностью; но исчезни она – и женщине нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение» [Гоголь, 1984, с. 34].

Отзвук этого «магизма красоты» присутствует и в «Выбранных местах», хотя здесь он уже позитивно соединен с принципом добра, ведь женская красота – тайна, которая даже холодных и бесчувственных людей повергала к совершению бессмысленных, странных и необъяснимых поступков. Поэтому, «если уж один бессмысленный каприз красавицы бывал причиной переворотов всемирных и заставлял делать глупости наиумнейших

людей, что же было бы тогда, если бы этот каприз был осмыслен и направлен к добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно с другими женщинами!» [Гоголь, 1992, с. 47–48].

В то же самое время внутренняя разнородность и раздвоенность эстетических ощущений и моральных переживаний заставляет Гоголя усомниться в облагораживающем воздействии искусства на нравы. Характеризуя этот момент в духовном развитии Гоголя, В.В. Зеньковский замечает, что в Гоголе нарастала потребность обличения, в основе которого лежал чисто моральный пафос. Он достиг своего максимума в «эстетической утопии», представляющей собой своеобразное сочетание морализма и эстетизма. Зеньковский подчеркивает, что именно протест Гоголя, его неприятие «низменной, пошлой жизни, отвращение ко всем непорядкам», рождает желание противостоять этим ложным ценностям. В этом противостоянии смех становится для Гоголя средством борьбы со злом, с неправдой, что явилось основанием эстетической утопии Гоголя «как сочетания эстетической антропологии и напряженного морального сознания, ... веры в силу эстетических переживаний и горячей потребности воспользоваться ими для морального воздействия на русских людей». В понимании Зеньковского в этой эстетической утопии «уже не было и следа эстетического гуманизма; тут была только надежда на то, что, представив в ярких красках все мерзости жизни, можно как бы магически произвести благоприятное действие на зрителей. Это была последняя ставка на эстетизм, последний отзвук веры в мощь эстетического подъема, в целительное действие смеха, который вызывает отвращение всего, что позорит истинную красоту человека» [Зеньковский, 1997, с. 201–202].

Моральное самопознание: всеобща вина и косвенный грех

«Ставка на эстетизм» потерпела крах. Гоголь окончательно осознал полную разъединенность красоты и добра, искусства и нравственности. В «Авторской исповеди» он признал, что тот художественный восторг, который испытала публика от постановки «Ревизора», не привел к желаемой цели: исправлению нравов. Именно это разочарование в эстетических средствах воздействия на нравственность и подтолкнуло Гоголя к дальнейшему поиску пути обретения реального идеала. Это был путь религиозного обращения, в основе которого лежало *моральное самопознание*. В это время к Гоголю приходит понимание морального значения комического, что смех может «не возвести в достоинство того, что есть грех наш...» [Гоголь, 1992, с. 292]. Все это побудило Гоголя к исследованию человеческой природы и души человека в целом. В «Авторской исповеди» он пишет о том, как обратился к наблюдению и изучению души человека, сосредоточив весь свой интерес на познании тех «вечных законов», которыми движется человек и человечество вообще. В это время «книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустычника, меня занимало, и на этой дороге, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши в Нем ключ к душе человека» [Гоголь, 1992, с. 293].

Гоголь делает важное заключение, анализируя моральные чувства и качества, писателя, раскрывающего «высшие чувства и движения» героя произведения, делая важный вывод о том, что писатель должен обладать моральными качествами, прежде чем писать или воображать о них. «К этому же выводу, – пишет он, – привел меня и анализ над моею собственной душой: я увидел тоже математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению: нужно заключать в себе самом хотя бы небольшую крупицу этого, – словом, нужно сделаться лучшим» [Гоголь, 1992, с. 294]. Этот важный шаг в моральном самопознании приводит Гоголя к обостренному чувству собственной греховности, которая выражалась, как он считал, в «малодушии, слабости характера», ослабляющих силу любви, что обозначило «болезненный упрек себе во всем, что ни есть в России» [Гоголь, 1992, с. 125].

В своих размышления Гоголь приходит к двум удивительно глубоким, оригинальным и пророческим мыслям: о «*всеобщей*» вине и «*косвенном*» грехе. «Вина так теперь разложилась на всех, – пишет он, – что никоим образом нельзя сказать вначале, кто виноват более других». Связь людей во всеобщей вине приводит к измельчанию греха, к ослаблению чувства личной ответственности, что позволяет человеку творить зло «со спокойной совестью», не чувствуя личной вины за совершаемые проступки. «Грешит нынешний человек, – замечает Гоголь, – несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит не от призабиячества своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел грешить, но оттого, что не видит грехов своих. Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно» [Гоголь, 1992, с. 142]. Удивительно насколько пророческими оказались эти слова Гоголя применительно к нашему, современному состоянию нравственности, которое в постмодернистской рецепции этики описывается как состояние «*анонимной порочности*».

Гоголь пишет, что в этот период он наблюдал за собой «как учитель за учеником», не в книжном, но в нравственном значении этого слова. В нем одновременно пробуждается дух ученичества и учительства: «уча других, также учишься», – замечает он. Однако Гоголь вовсе не претендовал на то, чтобы стать «учителем жизни», как это нередко ему приписывали. Он считал, что задача каждого христианина не только в том, чтобы принимать советы, но прежде всего в том, чтобы в своей жизни уметь быть нравственным настолько, чтобы иметь право подавать советы нравственных примеров жизненного поведения. «Учить я принимал в том простом значении, в каком повелевает нам Церковь учить друг друга, и с такой же охотой принимать от других советы, с какой подавать их самому» [Гоголь, 1992, с. 319]. Именно к этому времени (1843–1844) относятся, так называемые, «учительские» сочинения Гоголя: «Правило жития в мире» и «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии». Созданию этих работ предшествовал сборник выписок в особую тетрадь из творений святых отцов и учителей церкви, в числе которых Иоанн Златоуст, Василий Великий, Ефрем Сирин, Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин и др.

В лучших традициях моралистики Гоголь разъясняет и истолковывает те духовно-нравственные состояния человека (в первую очередь состояния любви, гнева и уныния), которые получили всестороннее осмысление в опыте христианской аскезы и подвижничества. Прилагая этот опыт в качестве советов и поучений к конкретным житейским ситуациям, Гоголь подходит вплотную к пониманию природы реального добра. «Если хоть сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, – пишет он, – и если хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключение, проникнут точно любовью к России, – то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра. Сила влияния нравственного выше всяких сил» [Гоголь, 1992, с. 314].

Идея праведного хозяйствования и национальный идеал добра

Содержание и смысл реального добра Гоголь связывает с принятием «*закона Христа*», который нам дан как всеобъемлющая власть, «полнейший закон всех наших действий», который «устремлен как бы лично к тебе самому, чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности» [Гоголь, 1992, с. 314].

Для исполнения этого «всемирного и человеколюбивого закона Христа», необходимо только, согласно Гоголю, следовать высшим нравственным заповедям, построенным на «золотом правиле нравственности», когда необходимо поступать «как сам поступаешь с другими», любя и не оскорбляя других, «подавать первому руку на примиренье». Следование этому закону дает возможность «произвести много полезных дел почти на незаметном месте». В то же самое время «трудней всего на свете тому, кто не прикрепил себя к месту, не определил себя, в чем его должность: ему трудней всего применить к себе закон

Христов, которой дан на то, чтобы исполняться на земле, а не на воздухе» [Гоголь, 1992, с. 315]. Очевидно, что «реальное» добро Гоголя – это не просто добро конкретного поступка или конкретной ситуации, но именно добро конкретного *места*, того *жизненного поприща*, на котором пребывает тот или иной человек. И делать общее добро можно не просто «в обществе» или «в жизни», но именно находясь «всяк на своем месте», сколь бы незначительным и не подходящим оно для этого не казалось.

Именно из такого понимания реального добра проистекает гоголевская идея *праведного хозяйствования*, суть которой в том, что усовершенствование жизни возможно не на основе изменения существующих порядков (экономических отношений в обществе), а на основе внедрения нравственных принципов хозяйствования, хозяйственных добродетелей, таких как, трудолюбие, терпение и т.п. Это – то, о чем мечтает Чичиков, оказавшись в остроге: «Буду трудиться, буду работать в поте лица в деревне, и займусь честно, так, чтобы иметь доброе влияние и на других. Что же, в самом деле, будто я уже совсем негодный. Есть способности к хозяйству; я имею качества бережливости, расторопности и благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться» [Гоголь, 1984, с. 113–114].

Дальнейшая конкретизация идеала деятельного, реального добра потребовала от Гоголя указания на его *национальные* особенности. Реальное добро – это, своего рода, «местное», русское добро. Гоголь изучает «природу человека вообще» и «исследует общие законы души» для того, чтобы яснее понять достоинства и недостатки, высокое и низкое в *русской* природе и *русской* душе. Предметом изучения Гоголя-моралиста оказываются не просто добродетели и пороки, но добродетели и пороки *русской души*, *русского человека*. Именно в оторванности идеала добра от русской жизни и культуры Гоголь видит трагедию русского духа. Как ни странно, никто не придавал значения *главным пророческим* словам Гоголя о гибели русской земли в силу забвения того долга, тех нравственных, христианских обязанностей, которые каждый должен исполнять на своем месте. Поэтому главная задача современной жизни – «спасти нашу землю» потому, что «гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже мимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного» [Гоголь, 1984, с. 125].

Гоголь рассматривает эту власть как отступление от внутреннего морального закона, устанавливаемого Христом. В силу этого и «установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность» [Гоголь, 1984, с. 125]. Поэтому «никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников» [Гоголь, 1984, с. 125]. Борьба со злом, по мнению мыслителя, во всех сферах жизни безуспешна, «покуда не почувствовал из нас всяк, что он ... должен восстать против неправды..., вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку» [Гоголь, 1984, с. 125–126].

Идея примирения искусства с жизнью

На этой христианской почве оправдания русской жизни и русской культуры (оправдания всякого места, занимаемого человеком в жизни) и вырастает гоголевская идея «*примирения искусства с жизнью*», ставшая венцом его религиозно-нравственных исканий. Свой взгляд на религиозно-нравственный смысл искусства Гоголь изложил в письме к В.А. Жуковскому (1848). О том, какое значение он придавал этой идее, свидетельствуют его приписка к письму: «Если письмо это найдешь не без достоинств, то побереги его. Его можно будет при втором издании "Переписки" поставить впереди книги на место "Завещания", а заглавье дать ему "Искусство есть примирение с жизнью"» [Гоголь, 1984, с. 294].

Возвращаясь в этом письме к периоду своего учительства и как бы соглашаясь со своими оппонентами, Гоголь пишет: «В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассуждениями. Я должен выставлять *жизнь* лицом, а не трактовать о жизни» [Гоголь, 1984, с. 292].

Однако для того, чтобы выйти на уровень «живых образов», а не поучений, художник, по словам Гоголя, «должен воспитаться как человек и гражданин», пройдя через все ступени духовно-нравственного развития. Только тогда его искусство будет носить «успокаивающий, очищающий и примирительный» характер и о нем (искусстве) можно будет сказать: «искусство есть примирение с жизнью». «Искусство, – пишет Гоголь, – есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства, Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это *живые люди*, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не включая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиваться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в самом себе и загорелся бы желанием развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства, чтобы следы их каждый из нас отыскал в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все омрачающее благородство природы нашей. Только тогда искусство исполнит свое назначение и внесет порядок и стройность в общество!» [Гоголь, 1984, с. 293].

Таким образом, очевидно, что религиозно-нравственные искания Гоголя увенчались обретением им подлинного смысла и назначения искусства как главной духовно-преобразующей силы русской культуры, соединяющей в себе красоту, добро и Божественную правду.

Список литературы

1. Гоголь Н.В. 1992. Духовная проза. М., Русская книга: 560 с.
2. Гоголь Н.В. 1984. Мертвые души. Том второй. В кн.: Н.В. Гоголь. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М., Правда: 318 с.
3. Гоголь Н.В. 1984. Невский проспект. В кн.: Н.В. Гоголь. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., Правда: 5–39.
4. Гоголь Н.В. 1984. Письма. В кн.: Н.В. Гоголь. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., Правда: 399 с.
5. Зеньковский В.В. 1991. История русской философии. Т. 1, ч. 1. Ленинград, ЭГО: 221 с.
6. Зеньковский В.В. 1997. Н.В. Гоголь. В кн.: В.В. Зеньковский. Русские мыслители и Европа. М., Республика: 142–265.
7. Ильин В.Н. 2002. Адский холод Гоголя. Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь: Из наследия рус. эмиграции. М., Русский Мирь: 357–380.
8. Мейер Г.А. 2002. Трудный путь (Место Гоголя в метафизике российской литературы). Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь: Из наследия рус. эмиграции. М., Русский Мирь: 250–277.
9. Мережковский Д.С. 1991. Гоголь и чёрт (Исследование). В кн.: Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. М., Сов. Писатель: 213–309.
10. Мочульский К.В. 1995. Духовный путь Гоголя. В кн.: К. Мочульский. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., Республика: 7–60.

References

1. Gogol' N.V. 1992. Dukhovnaya proza [Spiritual prose]. M., Russkaya kniga: 560 p.
2. Gogol' N.V. 1984. Mertvyye dushi. Tom vtoroy [Dead Souls. Volume Two]. V kn.: N.V. Gogol'. The book is a collection of works in 8 vol. Vol. 6. M., Pravda: 318 p.
3. Gogol' N.V. 1984. Nevskiy prospekt [Nevsky Prospect]. In: N.V. Gogol'. The book is a collection of works in 8 vol. Vol. 3. M., Pravda: 5–39.

4. Gogol' N.V. 1984. Pis'ma [Letters]. In: N.V. Gogol'. The book is a collection of works in 8 vol. Vol. 8. M., Pravda: 399 p.
5. Zen'kovskiy V.V. 1991. Istoriya russkoy filosofii [History of Russian philosophy]. Vol.1. Part 1. Leningrad, EGO: 221 p.
6. Zen'kovskiy V.V. 1997. N.V. Gogol' [N.V. Gogol]. In: V.V. Zen'kovskiy. Russkiye mysliteli i Yevropa [Russian thinkers and Europe]. M., Respublika: 142–265.
7. П'ин V.N. 2002. Adskij holod Gogolya. Trudnyj put'. Zarubezhnaya Rossiya i Gogol': Iz naslediya rus. Emigracii [Gogol's Infernal Cold. Hard Way. Foreign Russia and Gogol: From the Heritage of Rus. emigration]. M., Russkij Mir": 357–380.
8. Mejer, G.A. 2002. Trudnyj put' (Mesto Gogolya v metafizike rossijskoj literatury). Trudnyj put'. Zarubezhnaya Rossiya i Gogol': Iz naslediya rus. emigracii [The Hard Way (Gogol's Place in the Metaphysics of Russian Literature). The Hard Way. Foreign Russia and Gogol: From the Heritage of Rus. emigration]. M: Russkij Mir": 250–277.
9. Merezhkovskij D.S. 1991. Gogol' i chyort (Issledovanie). [Gogol and the devil (Research)]. In: Merezhkovskij D.S. V tihom omute: stat'i i issledovaniya raznyh let [In the pool: articles and studies from different years]. M., Sov. pisatel': 213–309.
10. Mochul'skij K.V. 1995. Duhovnyj put' Gogolya. [The spiritual path of Gogol]. In: K. Mochul'skij. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. M., Respublika: 7–60.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. 2019. «Реальное добро» как синтез морали и искусства в духовных исканиях Н.В. Гоголя. К 210-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 367–374. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-367-374

Meleshko E.D., Nazarov V.N. 2019. Effect of perindopril on the quality of life with comorbidity of obesity and coronary heart disease. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 367–374. (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-367-374

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-375-385

«ЦИФРОВИЗАЦИЯ» ИЛИ ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ АСИОЛОГИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

«DIGITALIZATION» OR HUMANIZATION OF EDUCATION: ACTIVITY OF ASIIOLOGICAL ALTERNATIVE

Л.Г. Королёва¹, А.В. Сухорукых²
L.G. Koroleva¹, A.V. Suhorukhikh²

¹ Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

² Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

¹ Kursk state University,
33 Radishchev St, Kursk, 305000, Russia,

² State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: koroleva_l_g@mail.ru; suhorukikh.al@yandex.ru

Аннотация

В статье актуализируется проблематика аксиологии образования и поднимается вопрос соотношения критериев инноватики, изложенных в концептуальном ключе гуманистической парадигмы и представленных современными цифровыми стратегиями обучения, делающимися «мегатрендом» образовательной политики и нацеленными на перспективы «сетевое общества». Динамика инновационных процессов в российском образовании рассматривается с позиций новой идеологии образовательных стандартов, а также в контексте философии и аксиологии самого образовательного процесса, со стороны технологически-прикладного знания и в аспектах культуры современного социума. Отмечается наметившийся базовый принцип прямой связи российской образовательной среды, её стандартов и её целеполагания с приоритетами экономики в её новом «цифровом» качестве. Как следствие, культура подчиняется экономической продуктивности, все этические принципы обучения по умолчанию становятся релятивны, а культурогенные критерии – вторичны.

Abstract

The article actualizes the problems of axiology of education and raises the question of the ratio of the criteria of innovation: set out in the conceptual framework of the humanistic paradigm and presented by modern «digital» learning strategies that make the «megatrend» of educational policy and aimed at the prospects of «network society». The dynamics of innovative processes in Russian education is considered from the standpoint of the new ideology of educational standards, as well as in the context of the philosophy and axiology of the educational process, from the technological and applied knowledge, and finally, in the aspects of the culture of modern society. It is noted that there is a basic principle of direct connection of the Russian educational environment, its standards and its goal-setting, with the priorities of the economy in its new, «digital» quality. As a result, culture as a phenomenon becomes subordinated to economic productivity, all ethical principles of training by default become relative, and cultural criteria are secondary.

Ключевые слова: цифровизация образования, гуманистические принципы обучения, культура, инновации.

Key words: digitalization of education, humanistic principles of learning, culture, innovation.

Апологетика инновационного подхода в обучении и качество образования всё больше ассоциируются с растущими возможностями информационных технологий и быстрым развитием новейших средств коммуникационной поддержки учебного процесса. На сегодняшний день цифровизация обучения постепенно становится не просто мегатрендом образовательной политики [Мелешко, 2018], но и стратегией развития и основным конструктом государственного проектирования школы XXI века. При обосновании необходимости её создания заявляется, что динамика глобальных инновационных процессов оказывает непосредственное влияние на конкурентоспособность отдельных социальных институтов и развитие государства в целом. Следовательно, традиционный вектор развития образовательных парадигм и, в частности, сам институт школы как наиболее консервативный социальный кластер, должны быть существенно видоизменены в процессе реализации оптимально эффективного и самого современного информационного продукта в виде цифровых образовательных услуг и дистанционного обучения. При этом максимальная открытость цифрового образования как одного из компонентов цифровой среды во всё более прозрачном мире, а по сути его инструментальность, декларируется, скорее, как рекламный маркер и представляет собою стратегический маркетинговый ход, далёкий от комплексного анализа условий формирования новых качественных тенденций, ценностей и методологии реального образовательного процесса, в центре которого пока ещё остаётся уникам человека в своей ментальной и социокультурной ипостасях.

Актуализация нового этапа инновационных процессов в российском образовании, полагаем, требует последовательного и предметного их рассмотрения с позиций, во-первых, новой идеологии образовательных стандартов, во-вторых, философии и аксиологии самого образовательного процесса, в-третьих, со стороны технологически-прикладного знания, и наконец, в аспектах культуры современного социума. Причём здесь продуктивен длительный и всесторонний анализ, так как быстрота маркетинговых и директивных решений зачастую характеризует имитацию качества. Всё более очевидно, что концептуально, по нарастанию масштаба проблематики, это максимально стандартизирующий, унифицирующий, формализующий и прагматизирующий образовательную среду фактор, сводящий к минимуму не только подлинные этико-гностические тенденции просвещения, сущностные критерии знания, культурные презумпции национальной воспитательной традиции и гуманистические принципы обучения эпохи модерна, но и в целом когнитивный потенциал общества как культурно-антропогенной среды, жёстко детерминируя оцифрованное управление формированием её идентичности: в прогнозе это «online-идентичность». При этом тотальная интенсификация информационного процесса, уже неоднозначно проявляющаяся в образовательном пространстве, где межличностное взаимодействие по определению ярче всего, ведёт, по мнению ряда исследователей, к смене парадигмы взаимодействия большинства общественных структур во всех социальных сферах: это ожидаемые кардинальные изменения аксиологического, коммуникативного, культурного порядка [Марей, 2019].

Традиционный тезис о том, что образование «принципиально "работает" на будущее, предопределяя личностные качества каждого человека, его знания, ... мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а, следовательно, в конечном итоге, – экономический, нравственный, духовный потенциал общества, цивилизации в целом» [Гершунский, 1998, с. 12], сегодня изменился сущностно, став своего рода идеологемой социальной прагматики. Вообще, сложный гуманистический дискурс уходит из образовательной, культурной и даже социальной практики, уступая место оптимальной «цифре». В условиях значительной социокультурной дезорганизации и кризиса массового сознания, значи-

тельно изменившего ценности поколений, концептика поиска оптимальных инновационных форм уже принципиально иная.

С позиций философского осмысления, современному человеку, живущему в on- и offline режиме, но зачастую в отсутствии экзистенциального фактора нравственной зрелости, недостаёт именно системообразующего мировоззрения и своего ценностного центрирования в мире. Уходящая гуманистическая парадигма модерна, её философия, гносеология и образовательные критерии предлагали, по крайней мере, многовариантность когнитивного поиска, начало которого олицетворял сам человек: непознанная тайна психики, сознания, духа и языка, выводящая на онтологический уровень. Однако в наличествующей парадигме образования, в эпистемологии и науке постмодерна концепт духовности, формирующий иерархию смысложизненных ценностей и мировоззренческую цельность человеческого существа, его глубину, фактически отсутствует. В итоге человеку реально не находится места в мире, где нет его самого: он утерял себя, свой внутренний мир, он вновь потерял в бытии, он ищет в нём место пребывания, свой язык. Поиски духовного начала, своей «точки опоры» в социуме, критериев своего существования в окружающем мире в максимально сложных условиях формирования личности – всё это, без преувеличения, фундаментальная онто-аксиологическая дилемма для современного индивида, в том числе и как социального субъекта.

Нивелируя предоставленный традицией гуманистической культуры и просвещения, по сути, важнейший для человека интериоризирующий этико-гностический принцип и экстраполируя утилизирующие критерии экономической целесообразности на принципы обучения, современная инноватика «цифры» декларируют новую среду пребывания – Сеть, стимулируя обрести в ней свою идентичность и сознание. Новую «матрицу возможностей» в этой смысловой парадигме призвано осуществить цифровое образование [Кондаков, 2017].

Однако эта позиция не снимает извечного экзистенциального вопроса, если только не уводит от него: теперь человек вне культуры, лишённый, как удачно выразился А. Шюц, «своего дома», «абсолютно-интимного ядра» своего внутреннего личностного опыта, своего мировоззрения и потенциала глубинных структур своего сознания [2004, с. 80, 89, 456], – будет потерян и в бытии виртуальном. Подлинный онтологический поиск во многом остаётся актуальным концептом гуманизма, и «выразительное и говорящее бытие», по М.М. Бахтину, это предмет именно гуманитарного гнозиса, где критерием выступает «не точность познания, а глубина проникновения», причём «познание направлено на индивидуальное», а не типично-унифицированное: «это область откровений, узнаваний, сообщений», где превалируют диалогичность, «умение познать и умение выразить» [2000, с. 227, 228, 304]. Всё это природа культуры, природа духа, природа человека, причём не как объект, но как совокупность субъектов познания, морально-ценностная субъектность, ускользающая от объективации [Рорти, 1997].

Как известно, предпочитая определение «культура» понятию «дух», Г. Риккерт в своё время инициировал возможность исследования «материальной» (он закавычивал это слово) культуры, технической составляющей прогресса человечества с позиций процесса его духовного развития [1997], тогда как М. Хайдеггер, в свою очередь, делал фактически культуроцентричный вывод, что «язык есть дом бытия» и «в жилище языка обитает человек» [1993, с. 192] – причём вывод исходил из диалектики всей предшествующей гуманистической парадигмы.

В этой образной аналогии, обретя новые коммуникативные возможности, технологии и язык интернета, современный человек, казалось бы, устремлён на поиски нового, «цифрового» дома бытия. Но утерев язык культуры, понимание её фундаментальных ценностей, пренебрегая сложностью содержания гуманистических значений и гуманитарных форм, он фатально утрачивает суть общения, способность мышления и изречения, центральные коммуникативные смыслы, и такой его шаг в поисках «дома» походит на переселение из дворца в хижину.

В контексте философии образования принципы цифровизации и гуманистическая культура обнаруживают значительную аксиологическую альтернативу. Гиперинформационный контент изначально заявлен как «цифровая экономика», в которой основной прерогативой определены социальная успешность индивида и его успешная деятельность, следовательно, все этические принципы по умолчанию релятивны и культурогенные критерии вторичны. Сама культура как феномен однозначно подчинена экономической продуктивности, и виртуальное пространство в этом качестве является важнейшим социальным продуктом. Кардинальное изменение прежнего, гуманизирующего ценностного вектора в этом случае априори: человек, прежде всего, есть набор внешних связей, статусов, репутаций, самопрезентаций, компетенций. Это «инструмент» для решения социальных задач разного уровня – ценностна его тотальная экстернизация, его персональная состоятельность подразумевает идентификацию в интернет-сообществе, раннюю сетевую социализацию, высокую мобильность в коммуникационной среде.

Здесь принципиально важно отметить, что принципы гуманистического просвещения, напротив, формулировали глубинной человеческой потребностью – мировоззренческую потребность, всегдашнее стремление к построению целостной картины мира и сотворению ценностной жизненной позиции. Принципы гуманизации обучения формировали в первую очередь сакральность самопознания человека, рождение его внутреннего мира, знания-кластера, расширяющегося вовне. Красота, нравственность и всеохватность познания, совокупность категорий общечеловеческой культуры декларировались ключевыми постулатами и целями личностной рефлексии, тогда как тайна сознания, его мощь и неисчерпаемость ресурсов, наряду с потенциалом воли и экзистенцией духа, назывались фундаментальными ценностями человеческого существа, стремящегося к идеалу форм и истине убеждений, способного к преобразению мира и воспитанию себе подобных. Вдвойне значимым постулировалось то обстоятельство, что суть человеческого мировоззрения, его ядро, сопоставимое с континуумом духа, есть система иррационально ценностных суждений, превосходящих значимость даже биологической жизни и, следовательно, аксиология личности – априори метафизична.

Показательно, что аксиология человека детерминировала в онтологический приоритет гнозиса, «бытийственность» познания, перманентную ценность себя и мира. Это прекрасно охарактеризовал М.М. Бахтин: гуманистическое познание, сама по себе «образующая категория», не мыслилось вне целостности и ценности человека. В этом уникальном случае когнитивный процесс и образование «превращается в поступок ответственно мыслящего участного сознания и предстаёт как заинтересованное понимание, неотъемлемое от результата истины» [Микешина, 2002, с. 83, 85].

Существенен также тезис о том, что окружающий мир для гуманистического познания не натуралистичен по природе. Это скорее, аксиологическая сущность, детерминирующая природе человека при его восхождении к культуре своего сознания. Отсюда высокая значимость именно гуманитарного знания, предмет которого «не пространство эмпирически-фактуальных данностей, а пространство человеческих значений, ценностей, смыслов, возникающих при усвоении и освоении культуры» [Ильин, 1993, с. 80–81]. Наконец, в философии гуманистического образования детерминация материализма в формулировке «человек творец судьбы и мира» органично дополнялась демиургической метафорой сотворчества в интерпретации различных направлений идеалистического гнозиса.

Рассматривая гуманистическую парадигму и «цифровую» инноватику с позиций сопоставления непосредственно технологий получения «знаниевого» компонента, следует подчеркнуть, что в последнем случае именно технологии – «облачные», мобильные, дистанционные – «оптимально» видятся важнейшей, неотъемлемой частью обучения и даже целенаправляющим ментальным стимулом, они в обязательном порядке должны использоваться учащимися и определять изучаемый контент. В конкретике учебного процесса «традиционное» обучение всё больше критикуется как пример исключительно ретрансляционной дидактики, тогда как персональный статус учителя как незаменимой, духовно

зрелой личности на жизненном пути, по существу, сводится на нет. Во многом безапелляционно заявляется, что «цифровые ресурсы, применяемые сегодня в повседневной деятельности человека, позволяют преодолевать барьеры традиционного обучения: темп освоения программы, выбор педагога, форм и методов обучения» [Никулина, Стариченко, 2018, с. 108]. Утверждается, что только технологии «сетевого» образовательного пространства вовлекают в максимально широкий коммуникативный спектр, постоянно формируют очередную массив знаний, способствуют активной социализации, что безусловный плюс.

Однако как раз социальный формат демонстрирует сегодня самые спорные стороны информационных стратегий образования. Так, в их современном сегменте наличествует фактическая деперсонализация воспитательного и обучающего фактора, источником которого реально становится СМИ и Интернет, тогда как прежний формат воспитательных практик – родители, семья, учитель – уходит в прошлое, утрачивая своё принципиальное ценностное значение: репродукция воспитательных идей сегодня минимальна. Вследствие этого происходит нивелировка личностного начала и индивидуальной ответственности человека, его морального поступка, исчезают как ценностные категории нравственные презумпции абсолютного порядка. Фактически новый онтологический феномен, «виртуальный мир», задаёт и масштаб принципиально иного по смыслам квазисуществования человека: «как-бы-бытия», «мира-симулякра» с «реальностью» нескольких жизней, которые с лёгкостью можно изменить, переформатировать. Наконец, критическим деградационным фактором стало появление априори внеценностного «информационного продукта»: им, в релятивистское прочтении, в равной степени значимым может считаться, к примеру, и «Библия», и «Mein Kampf». И в этой связи правомерен самый главный вопрос: кем должен быть учитель в XXI веке – человеком, знающим суть вещей, или успешным разработчиком технологий?

Процесс освоения цифровых инноваций непосредственно в образовательной среде и профессиональном сообществе также не лишён внутренних противоречий. Он методологически не оформлен и в силу директивности воспринимается подчас в диаметральных оценках. Так, с одной стороны, допускается, что «преимущества, которые дает цифровое образование, в мире уже исследованы и признаны», следовательно, верно, что «Россия, перенимая опыт коллег, реализует некоторые проекты, подразумевающие использование современных технологий в обучении» [Кудлаев, 2018, с. 5].

С другой стороны, с тревогой подчёркивается характерная тенденция: «в российском интеллектуальном сообществе паразитическим образом уживаются друг с другом две идеи: ощущение собственной неповторимости и пиетет перед западными образцами». В итоге, «мы принимаем правила игры, заведомо выгодные тем, кто является их разработчиками», и «в такой системе координат многие российские образовательные организации, осознав глобализацию образовательной среды, могут начать «выстраиваться в очередь, чтобы занять место спутников в международных образовательных хабах, и в итоге превратятся в очередные сборочные площадки транснациональных корпораций». При этом отмечается, что во всех инновациях «главное это новые идеи» [Устюжанина, Евсюков, 2018, с. 11], а не их имитация. В реальности же таковых нет.

Более того, происходит прагматизация, а не аксиологизация обучения: возобладало понятие «полезное знание», «ограниченное в принципе, сфокусированное на конкретике, нацеленное на результат, приносящее немедленную экономическую выгоду», и в целом, «рыночные отношения в сфере образования чреватые угрозой вытеснения фундаментального знания на периферию» [Тютюнникова, Бервено, 2012, с. 89].

Не менее спорно технологическое совершенство «цифровой среды» и у многочисленных скептиков информационных стратегий. Профессионалы IT прямо указывают на целый ряд её изъянов: от изначального целевого фактора прибыли для всех цифровых образовательных и коммуникационных моделей для общества, в котором деньги являются мерилем всего, до ментальной и психической примитивности «сетевых пользователей»,

причём само это определение всё больше трактуется как безусловный дисфемизм [Ашманов, 2019].

Действительно, «геймификация» жизни и обучения, «игровые механики», вызывающие «поисковую активность» в цикле постоянного ожидания очередной «короткоживущей» информации, позволяют говорить об опасных тенденциях управления эмоциями в социальных сетях и дистанционных образовательных программах. Важность самостоятельно добытого, осмысленного знания, знания-размышления, значимость его полноты и усилий его приобретения, его прочности и универсальности заменён информационным контекстом с его массовостью, релятивностью, «сквозным», максимально расфокусированным поисковым вектором: появляется феномен тотального информационного потребления, связанный с лёгкостью нахождения и освоения потока сведений без их осмысления, с глобальным информативным перенасыщением.

В то время как тенденция гуманизации образования априори фундировала сложность и многомерность человека, его экзистенциала, «миров» его существования, разделяя его жизнь и его бытие аксиологией вечных смыслов, характеризуя его сознание первичностью творческой идеаторики, объясняя гениальность способностью проекции уникального мыслеобраза, «цифровые» параметры креатива, напротив, предстают, скорее, когнитивным инструментарием и своего рода «ментальным протезированием».

Критерии познания для массового восприятия также видоизменились: постоянная методологическая рефлексия, длительность осмысления идеальной сферы сознания в логике причинно-следственных связей, или её иррациональное постижение, потребность углубления и совершенствования знания – уходят в прошлое. Налицо общая деинтеллектуализация: быстрое обновление кратких информационных фрагментов, арсенал смайлов, стандарт минимума абзацев текста, не предполагающего обсуждения, – всё это нивелирует сам термин «знание», и в лучшем случае, это умения, навыки, осведомлённость, ценные компетенции. Даже без обсуждения феномена «клипового сознания», можно констатировать, что сегодня человек в принципе оптимизирован, превратившись в «операнта»: лишённый академической грамотности и развернутой письменной речи, он «озвучивает», может «услышать», «репостить» и «перепостить» – без личностной включённости, сущностного отклика и изложения смыслов.

С исчезновением приоритетных гуманистических принципов образования, первичный критерий прагматики, эффективности, технологичности и лёгкости управления, продиктованный парадигмой «цифровой среды», с лёгкостью накладывается на общую тенденцию трансформации социальной значимости человека, искусственного снижения его онтологического статуса, аксиологических смыслов его судьбы.

В ситуации, когда наилучшие предпочтения в обществе обеспечены только функционалом социальных ролей, профессиональных компетенций, биологических потребностей, «эффективность менеджмента» однозначно исключает комплексный человеческий фактор, и, с точки зрения культуры антропогенеза, это определённно инволюция. Вообще, с культурологических позиций «Homo ludens» Й. Хейзинги явно уступает место «Homo algorithmus» «сетевого общества», а на очереди «E-Homo»: новый символ симбиоза с IT-средой (термин А.С. Нариньяни) [Нариньяни, 2006].

Необходимо отметить тот факт, что гуманистическая парадигма и традиция просвещения как её гностическая составляющая изначально целеполагала гармонию человеческого существа, его рационального и иррационального начал, манифестировала гармонизацию социальной сферы с помощью лучших тенденций общемировой культуры. Постулировалось, что без культуры фактически нет и человека: символизм его знания и сознания отвергал гиперинформационное варварство. «Цифровизация» образовательной и социальной среды уже сегодня предполагает её перманентную хаотизацию, и задаёт прагматику персональной успешности в условиях неопределённости максимально далёкий от гуманизма критерий: «Я-нарциссизм» в макросоциальной глобальной среде, обладающей беспрецедентной степенью открытости [Баева, Алексеева, 2014, с. 86]. Тот факт, что ак-

сиология человека, его онто-культурный статус дезавуированы, а сакрализующее значение познавательного процесса для массового сознания исчерпано, нагляднее всего демонстрирует изменившееся отношение к книге: теперь это только «бумажный носитель».

Наблюдается непонимание нужности чтения, присутствует нелюбовь к книге, утратено отношение к ней как к «одушевлённому» предмету, учителю, аналогу просвещения, наиважнейшего знания. Для гуманистической концептики было очевидно, что только знание достойно было быть запечатлено в книгу, сакрально облечено в слово, оставлено как артефакт, и книга выступала едва ли не как антропоморфный субъект, уникал сам по себе. Новая символика цифрового аналога знания: монополия основных информационных платформ, потоков и сетевых компетенций, – обоснованно постулирует необходимость цифровой грамотности, вместе с тем порождая тенденцию навязывания ярких образов и заготовленных клише, атрофирующую способность человеческого воображения, умения самостоятельно образно мыслить и, следовательно, созидать собственное бытие.

Однако принципиально важно заметить, что подлинное знание, в частности фундаментальный политический, социально-экономический, системный научно-исследовательский гнозис: критический, теоретический и эмпирический, – в принципе не оцифрован, и таких целей не ставится. Иными словами, потребителю информационного контента подавляющая часть когнитивного ресурса не доступна априори, и такая ситуация переводит аналитический вектор в социальную плоскость, обнаруживая ростки гностической сегрегации, ценностный разрыв поколений, маркированных, соответственно, символом культуры «смысложизненного» знания и символикой максимальной информированности для накопления социального капитала.

Характерно, что с позиций аксиологии человека «цифровое» обучение в значительной степени нивелирует потребность формирования мировоззренческих принципов, с точки зрения прикладных технологий оно деформирует способность воображения и цели познавательного процесса. В социокультурном же контексте обнаруживается явное отсутствие равенства возможностей для получения фундаментального знания, что было краеугольным камнем гуманистического образования, выстроившего социум эпохи модерны. И если происходящие процессы сегодня отличает некая рекламная безапелляционность заявлений о том, как, например, «Google ломает шпиль МГУ» [Вести Ru: Бесогон TV, 2019], становится важна сущностная символика их социокультурного контекста, сигнализирующая: о «сломе» какой традиции, о ненужности какого знания и каких поколений идёт речь? То есть, не только релятивизм информационного потока сводит на нет аксиологию знания как образа целой эпохи – уходит в прошлое позиция, определяющая символизм морального звания человека, как незаменимой единицы социальной среды, сделавшегося таковым благодаря образованию и воспитанию – длительному, на уровне преодоления, возвращению культуры в себе. Следовательно, дело не в технологиях, а в ценностях: разрыва поколений нет, если неизменна суть человеческого существа, целостность его внутренней культуры, квинтэссенции его духа.

Наконец, именно широчайшие возможности «цифровизации» парадоксально завершают выстраивание самых узких «коридоров образования» в современном обществе. Сетевая структура «цифровой» среды, построенная на маркетинговых принципах, так или иначе, создает своего рода «симулякр» исключительной значимости каждого её пользователя как отдельного субъекта, его ценности как носителя информации, режиссёра обладателя знаний, и его представлений о полной включенности в социум. Однако расфокусировка единого когнитивного ресурса не означает исчезновение ресурса управления. Иерархия фундаментального знания и ценностей, также как реальная социальная иерархия и манипулятивные стратегии, остаются неизменными. Изменяются приоритеты.

На этом фоне качественное, равнодоступное для всех социальных слоев и бесплатное образование, дающее человеку глобальные знания и творческое развитие, а также гарантии востребованности в обществе, уходит в прошлое. Всё очевиднее разделение на элитное фундаментальное просвещение, на демократичное узкоспециализированное обу-

чение, делающее профессиональные способности человека элементом рынка, и, наконец, на «образование для всех», кому глобальный информационный контент «навсегда» определяет его социальную роль и место в широчайшем «сетевом гетто». Растущую тревогу вызывает фактическая недоступность целостного и критического, наполненного культурными смыслами знания, детерминированного гуманистической парадигмой, что уже сегодня отменяет социальную мобильность, в то время как возобновляемый в зависимости от текущей конъюнктуры рынка набор «цифровых» компетенций, фиксирует лишь социальные роли в стратах, всё больше соотносимых с кастами [Phillip Inman, 2018].

В завершение следует отметить, что на одно из направлений решения сложившейся ситуации указывают проходящие на фоне «сплошной цифровизации» исследования феномена «технологической детоксикации» у представителей привилегированных страт. Так очевидные, казалось бы, преимущества цифровых технологий всё чаще игнорируются ради непосредственного общения лицом к лицу. Ценностью, а значит дорогостоящим трендом и составляющей сервиса «luxury», становится живое человеческое участие, эмоциональный интеллект – именно это начинает восприниматься маркером богатства, аналогом роскоши. Показателем такого эффекта «цифрового расслоения» (для бедных – информационные технологии, для богатых – общение только с живыми людьми и самостоятельная работа только своими руками) является ключевой аспект новых концепций творческого обучения детей в программах частного образовательного кластера WeGrow, «пилотного» проекта ведущей мировой компании кеворкинга WeWork [WeWork's Conscious Entrepreneurial School, 2018].

Подведём итоги. Инновационные стратегии российского образования, декларационно оставаясь гуманизирующими, направленными на формирование личности, продолжают определяться преимущественно краткосрочными маркетинговыми решениями, в числе которых – ускоренный переход «на цифру». Система образования всячески нивелирует «человеческий фактор» ради операционно-нормативных приоритетов. Наряду с этим на второй план парадоксально уходит концептуальный базис онтологических презумпций самого человека как феномена антропо- и социогенеза и, следовательно, аксиологических категорий его становления в этом качестве – то есть всех гуманистических оснований образовательного процесса, сформированного обществом на сегодняшний день, и формирующих, в свою очередь, антропологический вектор культуры, морали и гнозиса. Нельзя отрицать, что информационные процессы с конца XX века выступают весьма важным вектором развития современной цивилизации [Тихонов, Лобанов, Иванников, 1996], и это обстоятельство в значительной степени должно определять глобальные тенденции образования. Однако не менее значимо, чтобы в основе образовательной стратегии будущего первоочередным фактором оставалась философия человека и духовно-нравственная доминанта его бытия, философия образования как аксиология гуманистической парадигмы, проецирующая для цивилизации абсолютные смыслы и важнейшие ценности её существования.

Список литературы

1. Ашманов И.С. Оцифрованный опиум. URL: <https://mediamera.ru/post/26510> (дата обращения: 18 июля 2019).
2. Баева Л.В., Алексеева И.Ю. 2014. E-HOMO SAPIENS: Виртуальный микрокосм и глобальная среда обитания. Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, 7: 86–97.
3. Бахтин М.М. 2000. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Спб., Азбука: 336.
4. Вести. Ru: Бесогон TV. Сломает ли Google шпиль МГУ? URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/787105/> (дата обращения: 18 июля 2019).
5. Вострикова Т.В. 2007. Современные информационно-коммуникативные технологии как основа информатизации гуманитарного образования. Новые технологии в образовании. Научно-технический журнал, 4 (22): 44.

6. Гершунский Б.С. 1998. Философия образования. М., Московский психолого-социальный институт: 432.
7. Мелешко В. 2018. Главный тренд российского образования – цифровизация. Учительская газета, 4. URL: <http://www.ug.ru/article/1029> (дата обращения: 18 июля 2019).
8. Днепров Э.Д. 2006. Время. Школа. Человек. Пять эпох российского образования. Первое сентября, 23: 2.
9. Нариньяни А. 2006. eНОМО: Новый человек ближайшего будущего. URL: <https://ria.ru/20060619/49731664.html> (дата обращения: 23 июля 2019).
10. Ильин В.В. 1993. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., Издательство МГУ: 163.
11. Кондаков А.М. 2017. Цифровое образование: матрица возможностей. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QNw3SUBBCY> (дата обращения: 24 июля 2019).
12. Кудлаев М.С. 2018. Процесс цифровизации образования в России. Молодой ученый, 31: 3–7.
13. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 24 июля 2019).
14. Микешина Л.А. 2002. Философия познания. М., Прогресс-Традиция: 624.
15. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. 2018. Информатизация и цифровизация образования. Педагогическое образование в России, 8: 107–113.
16. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvoAG.pdf> (дата обращения: 18 июля 2019)
17. Пензин С.Н. 1984. Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы. Воронеж, Издательство ВГУ: 188.
18. Риккерт Г. 1997. Границы естественнонаучного образования понятий. Спб., Наука: 532.
19. Рорти Р. 1997. Философия и зеркало природы. Новосибирск, Издательство НГУ: 320.
20. Тихонов А., Лобанов В., Иванников А. 1996. Время информатизации. Высшее образование в России, 2: 30–33.
21. Тютюнникова С.В., Бervено О.В. 2012. Модернизация системы образования как стратегическая цель развития в XXI веке. Экономика образования, 1: 87–89.
22. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18 июля 2019)
23. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г. 2018. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова, 1 (97): 3–12.
24. Утверждён план мероприятий по направлению «Кадры и образование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». 21.02.2018. URL: <http://government.ru/news/31428/> (дата обращения: 19 июля 2019)
25. Формирование цифровой образовательной среды образовательной организации в условиях реализации ФГОС. URL: <http://it-school.pw/formirovanie-cifrovoj-sredy-fgos/> (дата обращения: 19 июля 2019)
26. Хайдеггер М. 1993. Время и бытие. М., Республика: 447.
27. Щюц А. 2004. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., РОССПЭН: 1056.
28. Inman Phillip. Social mobility in richest countries 'has stalled since 1990s'. URL: <https://www.theguardian.com/society/2018/jun/15/social-mobility-in-richest-countries-has-stalled-since-1990s> (дата обращения: 19 июля 2019).
29. WeWork's Conscious Entrepreneurial School. 2018. URL: <https://wegrow.com> (дата обращения: 19 июля 2019).

References

1. Ashmanov I.S. Ocifrovannyj opium [The digitized opium]. Available at: <https://mediamera.ru/post/26510> (accessed 18 July 2019).
2. Baeva L.V., Alekseeva I.J. 2014. E-NOMO SARIENS: Virtual'nyj mikrokosm i global'naja sreda obitanija [E-NOMO SAPIENS: Virtual microcosm and the global environment]. Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 7: 86–97.

3. Bahtin M.M. 2000. Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [Author and hero: to the philosophical foundations of the Humanities]. Saint-Petersburg, Azbuka: 336.
4. Vesti. Ru: Besogon TV. Slomaet li Google shpil' MGU? [Will Google break the spire of MSU?] Available at: <https://mediamera.ru/post/26510> (accessed 18 July 2019).
5. Vostrikova T.V. 2007. Sovremennye informacionno-kommunikativnye tehnologii kak osnova informatizacii gumanitarnogo obrazovanija [Modern information and communication technologies as a basis of Informatization of humanitarian education]. New technologies in education. Scientific and technical journal, 4 (22): 44.
6. Gershunskij B.S. 1998. Filosofija obrazovanija [Philosophy of education]. M.: Moscow psychological and social Institute: 432.
7. Meleshko V. 2018. Glavnyj trend rossijskogo obrazovanija – cifrovizacija [The main trend of Russian education is digitalization]. Uchitel'skaya gazeta, 4. Available at: <http://www.ug.ru/article/1029> (accessed 18 July 2019).
8. Dneprov E.D. 2006. Vremja. Shkola. Chelovek. Pjat' jepoh rossijskogo obrazovanija [Time. School. Man. Five eras of Russian education]. First of September, 23: 2.
9. Narin'yani A. 2006. eHOMO: Novyj chelovek blizhajshego budushhego [eHOMO: The new man of the near future.]. Available at: <https://ria.ru/20060619/49731664.html> (accessed 23 July 2019).
10. Il'in V.V. 1993. Teorija poznaniya. Vvedenie. Obshhie problem [Theory of knowledge. Introduction. Common problem]. M., MSU publishing house: 163.
11. Kondakov A.M. 2017. Cifrovoe obrazovanie: matrica vozmozhnostej [Digital education: opportunities matrix]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=QNw3SUbDBCY> (accessed 24 July 2019).
12. Kudlaev M. S. 2018. Process cifrovizacii obrazovanija v Rossii [The process of digitalization of education in Russia]. Young scientist, 31: 3-7.
13. Marey A. Cifrovizacija kak izmenenie paradigmy [Digitalization as a paradigm change]. Available at: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (accessed 24 July 2019).
14. Mikeshina L.A. 2002. Filosofija poznaniya [Philosophy of knowledge]. M., Progress-Tradition: 624.
15. Nikulina T.V., Starichenko E.B. 2018. Informatizacija i cifrovizacija obrazovanija [Informatization and digitalization of education]. Pedagogical education in Russia. 8:107–113.
16. Pasport prioritetnogo proekta «Sovremennaja cifrovaja obrazovatel'naja sreda [Passport of the priority project «Modern digital educational environment»]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5IZYfTvOAG.pdf> (accessed 18 July 2019).
17. Penzin S.N. 1984. Kino i jesteticheskoe vospitanie: metodologicheskie problemy [Cinema and aesthetic education: methodological problems]. Voronezh, VSU Publishing house: 188.
18. Rikkert G. 1997. Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij [The boundaries of natural science education concepts]. Saint-Petersburg, Nauka: 532.
19. Rorti R. 1997. Filosofija i zerkalo prirody [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk, Publishing house NSU: 320.
20. Tihonov A., Lobanov V., Ivannikov A. 1996. Vremja informatizacii. [The time information]. Higher education in Russia, 2: 30–33.
21. Tjutjunnikova S.V., Berveno O.V. 2012. Modernizacija sistemy obrazovanija kak strategicheskaja cel' razvitiya v XXI veke [Modernization of the education system as a strategic development goal in the XXI century]. Economics of education, 1: 87–89.
22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2018 № 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 «On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation until 2024»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed 18 July 2019).
23. Ustjuzhanina E.V., S.G. Evsjukov 2018. Cifrovizacija obrazovatel'noj sredy: vozmozhnosti i ugrozy [Digitalization of the educational environment: opportunities and threats]. Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics, 1 (97): 3–12.
24. Utverzhdjon plan meroprijatij po napravleniju «Kadry i obrazovanie» programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii». 21.02.2018. [The plan of measures in the direction of «Personnel and

education» of the program «Digital economy of the Russian Federation» was approved. 21.02.2018]. Available at: <http://government.ru/news/31428/> (accessed 18 July 2019).

25. Formirovanie cifrovoj obrazovatel'noj sredy obrazovatel'noj organizacii v uslovijah realizacii FGOS [Formation of the digital educational environment of the educational organization in the conditions of implementation of GEF]. Available at: <http://it-school.pw/formirovanie-cifrovoj-sredy-fgos/> (accessed 19 July 2019).

26. Hajdegger M. 1993. Vremja i bytijo [Time and being]. M., Republic: 447. (in Russian)

27. Shhjuc A. 2004. Izbrannoe: mir, svetjashhijsja smyslom [Favorites: the world, glowing sense]. M., ROSSPEN: 1056.

28. Inman Phillip. Social mobility in richest countries 'has stalled since 1990s'. URL: <https://www.theguardian.com/society/2018/jun/15/social-mobility-in-richest-countries-has-stalled-since-1990s> (дата обращения: 19 июля 2019).

29. WeWork's Conscious Entrepreneurial School. 2018. URL: <https://wegrow.com> (дата обращения: 19 июля 2019).

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Королёва Л.Г., Сухоруких А.В. 2019. «Цифровизация» или гуманизация образования: актуальность асиологической альтернативы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 375–385. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-375-385

Koroleva L.G., Suhorukhih A.V. 2019. «Digitalization» or humanization of education: activity of asiological alternative. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 375–385. (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-375-385

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314.42:316.4.06

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395

**ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
И ВЛИЯНИЕ НА САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

**THE ATTITUDE TOWARDS DEATH IN MODERN SOCIETY:
THE CULTURAL AND HISTORICAL FEATURES
AND THE IMPACT ON HEALTH BEHAVIOR**

**С.А. Вангородская
S.A. Vangorodskaya**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Vangorodskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье описаны пять этапов многовековой эволюции коллективных установок в отношении смерти, выделенные Ф. Арьесом. На основе классификации К. Юнга проанализированы две группы причин, определяющих положительное отношение человека к смерти. Отмечена противоречивая роль религии в формировании экзистенциальных установок личности. Показано влияние на восприятие смерти сложившихся в древности представлений об идеальной продолжительности жизни. Представлены результаты исследований общественного мнения по вопросу легализации эвтаназии в России. Несмотря на многочисленные попытки осмысления темы смерти, отношение к ней в современном обществе остается крайне противоречивым, овеянным множеством мифов и предрассудков. Сделан вывод о необходимости изучения факторов, детерминирующих отношение к смерти в современном обществе как необходимого условия для формирования оптимальных моделей самосохранительного поведения населения России.

Abstract

The article deals with the problem of attitude to death, which is one of the determinants of self-preservation behavior. Five stages of the centuries-old evolution of collective attitudes towards death, identified by F. Arjes, are Described. Based on the classification of C. G. Jung analyzed two groups of the reasons for the positive relation of man to death. The contradictory role of religion in the formation of existential attitudes is noted. The influence on the perception of death formed in ancient ideas about the ideal life expectancy. The results of public opinion research on the legalization of euthanasia in Russia are presented. It is noted that, despite numerous attempts to comprehend the theme of death, the attitude to it in modern society remains extremely contradictory, covered with many myths and prejudices. It is concluded that it is necessary to study the factors determining the attitude to death in modern society as a necessary condition for the formation of optimal models of self-preservation behavior of the Russian population.

Ключевые слова: самосохранительные установки, продолжительность жизни, смерть, отношение к смерти, эвтаназия, самосохранительное поведение.

Key words: self-preservation attitudes, life expectancy, death, attitude to death, euthanasia, self-preservation behavior.

Тенденция к увеличению продолжительности жизни и старения населения развитых стран, характерная для последнего столетия и обусловленная, в первую очередь, совершенствованием медицинских технологий и ростом качества жизни, актуализировала проблему отношения к смерти, поскольку все сознательные усилия отдельного человека и общества в конечном счете направлены если не на ее предотвращение, то на максимальное «оттягивание» и повышение «комфортности» периода, предшествующего ее наступлению.

Восприятие смерти на различных этапах развития общества во многом предопределяло поведение людей в отношении своего здоровья и желание (или нежелание) сознательно увеличивать срок своей жизни. Первый опыт изучения самосохранительных установок (т.е. установок на определенные сроки жизни) был предпринят в конце 60-х гг. XX века в рамках танатологии – науки о смерти, а первые исследования самосохранительного поведения в нашей стране рассматривали данный феномен не только как имеющий отношение к здоровью, но и как опосредующий жизнь и смерть в целом [Антонов, 2005]. И хотя в фокусе внимания исследователей оказались преимущественно позитивные формы самосохранительного поведения, в своих выводах И.А. Антонов и коллеги акцентировали внимание на том, что потребность личности в самосохранении в определенных случаях может привести «к отказу от телесного существования» [Антонов, 2005], то есть к осознанному выбору в пользу смерти.

Необходимо отметить, что, при всех масштабах изученности темы смерти, она до настоящего времени остается «тематически однополярной» [Мохов, 2016, с. 172], достаточно табуированной и требующей дополнительного осмысления. Это, в значительной степени, обусловлено разрушением традиционных институтов социализации смерти, и ломкой экзистенциальных стереотипов, происходящих под влиянием трансформаций современного общества и формирующих такое отношение современного человека к смерти, которое А. Strauss обозначил как «парадоксальное» [Strauss, 1993, p. IX].

Выступая в качестве квинтэссенции человеческой жизни и индикатора цивилизованности общества, отношение к смерти за время существования человеческой цивилизации претерпело значительные изменения. Существенный интерес представляет теория французского ученого Ф. Арьеса, который выделил пять этапов многовековой эволюции отношения к смерти [Арьес, 1992, с. 37-494].

Первый этап – состояние «прирученной смерти» (девиз – «мы все умрем»), преобладающее в первобытнообщинных и рабовладельческих обществах, и характеризующееся отношением к человеку как части природы, а к умиранию – как к части круговорота природы. Исходя из этого, смерть понималась как естественное состояние, которому невозможно противостоять и нужно просто принять как должное. Философское отношение к смерти как к чему-то неизбежному нашло отражение в фольклоре многих стран: «Смерти бояться – на свете не жить», «Всем там быть: кому раньше, кому позже», «Бойся жить, а умирать не бойся!».

Второй этап эволюции восприятия смерти – «смерть своя», преобладающий в средневековых обществах и позволяющий воспринимать смерть как личную ношу и дело личного подвига.

Третий этап – «смерть далекая и близкая» связанный с эпохой великих географических открытий (где можно было найти «смерть далекую») и раннебуржуазных революций. Содержанием этого этапа стала установка на то, что, несмотря на возможность долгой жизни, продолжительность которой может достигать 60-100 лет («смерть далекая»), смерть все время находится близко (гибель от чумы и других болезней) – «смерть близкая».

Четвертый этап – «смерть твоя», связанный с эпохой Нового времени и повышением роли семьи (которая становится эмоциональным оплотом личности), и, как следствие,

– болезненным восприятием смерти близких людей, уход которых переживается человеком более тяжело, нежели собственная смерть.

Пятый этап – «смерть перевернутая», характерный для современных обществ, когда смерть становится «медикализированной», «извращенной» и говорить о ней становится неприличным.

При общей универсальности данной периодизации, оказавшей большое влияние на общество в плане рефлексии «по поводу эпистемологических границ и возможностей» [Мохов, 2016, с.185], в каждом обществе существует своя специфика отношения к смерти, выступающая в качестве своеобразного эталона характера цивилизации [Гуревич, 1992, с.6] и обусловленная совокупностью воздействия множества факторов (социально-экономических, культурно-исторических, религиозных и т.д.).

Изучая проблемы танатологии посредством сновидений, архетипов и мифов, К. Юнг выделял две группы причин, определяющих положительное отношение человека к смерти:

1) восприятие смерти как средства окончания мучений (когда «жизнь настолько ужасна, что в конце концов радуешься ее завершению»);

2) вера в существование загробного мира, лежащая в основе большинства религиозных конфессий и делающая вторую половину жизни столь же целенаправленной, как и первую [Юнг, 2007, с. 175].

Характеризуя вторую группу причин, необходимо отметить, что понятия религии и смерти являются не только взаимосвязанными, но и взаимообусловленными: с одной стороны, «смерть не может рассматриваться вне религиозного контекста» [Рогозин, 2014, с. 20], а, с другой – именно коллективные реакции на смерть были положены в основу всех мировых религий [Palgi, Abramovitch, 1984, p. 387]. Об этом же писал И. Ялом в своей работе «Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти»: «Жить, постоянно осознавая собственную смертность, нелегко. Это все равно, что пытаться вглядываться в солнце [...] поэтому мы изобретаем способы смягчить страх смерти. Мы [...] придумываем целые защитные ритуалы и придерживаемся нерушимой веры в чудесного спасителя. [...] В конечном итоге именно страх смерти лежит в основе всех религий, и каждая из них по-своему стремится смягчить боль осознания конечности бытия» [Ялом, 2015, с. 16].

Между тем, взаимосвязь между религиозностью (как обобщенной характеристикой религиозных убеждений) и отношением к смерти достаточно противоречива. С одной стороны, вера в вечную жизнь смещает акцент в сторону посмертного существования, и фактически освобождает человека от страха смерти [Андреева, Феньвеш, 2013, с. 34], а, с другой – сама идея «посмертного воздаяния» провоцирует страх перед смертью и загробной жизнью, и этот страх становится препятствием к наслаждению жизнью земной: «будь то ад или рай, но сама неизвестность уже порождает страх» [Герасимова, 2015, с. 237]. В работе L. Ellis и E.A. Wahab [Ellis, Wahab, 2013] приведены результаты анализа 84 исследований, 27 из которых продемонстрировали прямую корреляцию между религиозностью и страхом смерти, 40 – обратную, а 32 – вообще не выявили никакой связи между этими переменными [Ellis, Wahab, 2013, p. 149].

Тем не менее, влияние религии на экзистенциальные установки личности трудно переоценить. По мнению ряда авторов, сама идея бессмертия стала попыткой человеческого сознания «снять абсурд смерти» [Данильченко и др., 2007, с.32] посредством осмысления этих понятий. В этом плане вера выступает как «своеобразный буфер, блокирующий или задерживающий опасения перед смертью» [Рогозин, 2013, с. 116], а «ценность жизни в этом случае выступает не самоцелью, а средством к [...] обретению духовного бессмертия» [Баева, 2003, с.79].

Результаты сравнительных исследований, проведенных в последние годы, показали, что в России и других странах бывшего социалистического лагеря влияние религиозности на различные аспекты жизнедеятельности населения существенно снизилось [Rudnev M., Savelkaeva A., 2018]. По мнению Е.А. Клевиной и А.Е. Пескова, во многом именно утрата традиционных ценностей (и, в первую очередь, ценностей религиозного мировоз-

зрения), организующих человеческую жизнь на ранних этапах развития и помогавших справиться с неизбежностью смерти, привели к тому, что «убеждение в последующей посмертной жизни стало непопулярно», а сама смерть стала «мощнейшим травмирующим фактором» [Кленина, Песков, 2014, с. 109].

Трансформация мировоззренческих парадигм на протяжении XX века привела к вытеснению темы смерти из коллективного сознания. Как отмечают P. Palgi и H. Abramovitch, смерть воспринимается современным человеком как «удел старых» и очень отдаленная перспектива (так как значительное число людей умирает вне дома), что, в свою очередь, порождает надежду на нахождение технологических решений этой «проблемы» и купирует излишне серьезное отношение к ней [Palgi, Abramovitch, 1984, р. 403]. Как справедливо отметил А.В. Юревич, «в обществе, где доминирует культ молодости, здоровья и жизни, попросту нет места для размышлений о смерти» [Юревич, 2018, с. 123].

Переходя ко второй группе причин, детерминирующих, по мнению К. Юнга, положительное отношение к смерти, необходимо отметить, что восприятие смерти как абсолютного блага, призванного избавить человека от страданий, сформировалось еще на заре человеческой цивилизации. Так, один из древнеславянских мифов повествует о тех временах, когда на свете «не было смерти, но жили одноглазые песиголовцы» [Левкиевская, 2000, с. 157], которые издевались над людьми. Желая спастись от мучений, чинимых этими чудовищами, люди обратились за помощью к Богу, и он «послал смерть с косой». Можно предположить, что именно с того времени пошло восприятие смерти как «избавительницы» от страшных мучений, сопровождающих человека на протяжении всей жизни, и усугубляющихся болезнями и немощью в последний период жизни («Придет старость – придет и слабость», «От старости зелье – могила», «Умрется – все минется»).

Существенное влияние на восприятие смерти как средства избавления от страданий оказали сформированные в древности представления об идеальной продолжительности жизни. Так, например, в соответствии с воззрениями древних славян, наряду с «неизжитым» веком (когда человек умирал в молодом возрасте от болезней или внешних причин) и правильной смертью (то есть, естественной смертью от старости) существовал и век «пережитой», когда человек жил значительно дольше своих сверстников. В своих поверьях славяне наделяли долгой жизнью колдунов и ведьм, демонстрируя тем самым их способность отбирать жизненную силу у других людей, укорачивая их жизнь. Исходя из этого, долгая человеческая жизнь воспринималась как аномалия, а сами долгожители считались «заедающими чужой век» и, поэтому, опасными для окружающих [Левкиевская, 2000, с. 214].

На протяжении всей жизни человек свыкался с мыслью о том, что он должен будет умереть в «свое время» («Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай!», «Через старых и молодым житья нет», «Живи, живи, да и помирать собирайся (да и помри)», «Живи, да не заживайся!»). Это не только нивелировало ценность индивидуальных усилий по сохранению здоровья и увеличению продолжительности жизни, но и формировало восприятие слишком долгой жизни как наказания («Плакаться станешь, Бог больше жить заставит», «Бога прогневишь, и смерти не даст», «Старость не радость, а пришибить некому»).

Автор теории старения организма И.И. Мечников в работе «Этюды оптимизма» описывает отношение к старикам в некоторых «диких» племенах, разрешающих вопрос о старости «самым простым образом» – убивая стариков, поедая их, или бросая «на произвол судьбы в том случае, когда они не могут ходить» [Мечников, 1988, с. 20]. Иной статус пожилых людей в цивилизованных странах И.И. Мечников связывает с «вмешательством возвышенных чувств», при этом замечая, что и там на людей преклонного возраста «смотрят, как на тягостную обузу, потому что они не могут быть полезными ни в семье, ни в обществе. Не считая вправе избавиться от них, все же желают их смерти и удивляются, почему так долго не наступает желанный конец» [Мечников, 1988, с. 21].

Будучи убежденным в том, что «сознание неизбежности смерти, которого лишены животные [...] делает людей несчастными», И.И. Мечников видел задачу науки в том,

чтобы довести жизнь «до момента наступления инстинкта естественной смерти, когда не будет страха перед неизбежностью конца» [Мечников, 1988, с. 10]. Подобной позиции придерживался также К. Юнг, считавший, что восприятие смерти как цели, к которой нужно стремиться, гораздо полезнее для «душевной гигиены» человека, чем сопротивление ей, которое является «чем-то нездоровым и ненормальным, потому что делает вторую половину жизни бесцельной» [Юнг, 2007, с. 176].

И здесь нельзя не затронуть еще один аспект, оказывающий непосредственное влияние на трансформацию отношения к смерти в современном обществе. Речь идет о новейших достижениях в области медицины, которые, с одной стороны, допускают саму идею «возможности избегания смерти», формируя в общественном сознании восприятие жизни как предмета торга, а, с другой – дают надежду на возможность приблизить смерть в случае необходимости. По справедливому замечанию А.В. Андреевой и Т.А. Феньвеш, «именно прогресс медицинских технологий приводит к разрушению традиционных институтов социализации смерти, к разрушению культового уклада ее восприятия» [Андреева, Феньвеш, 2013, с. 33], а сам процесс умирания делает более одиноким, более механистичным и более бесчеловечным [Kubler-Ross, 1975].

Ссылаясь на слова Б. Акунина о том, что «фактически современный человек давно уже лишился права на естественную смерть», А.В. Белокрыльцева отмечает: «Сегодня мы не живем естественной жизнью, и не умираем естественной смертью» [Белокрыльцева, 2013, с. 101]. Положение осложняется тем, что повышение продолжительности жизни населения развитых стран сопровождается увеличением масштабов таких заболеваний (болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, злокачественные новообразования, старческая деменция), до которых люди в прошлом просто не доживали, и которые формируют в коллективном сознании образ «переходного периода» между жизнью и смертью, наполненного физическими и психологическими страданиями. По мнению М.Э. Елютиной, тревоги, связанные с «продолжением умирания» и вероятностью стать непосильным бременем для своих родных и близких, относятся к числу самых распространенных «танатических тревог», испытываемых пожилыми людьми [Елютина, 2015, с. 116].

Результаты качественного исследования, проведенного нами осенью 2018 года в Белгородской области (N=35) позволили сделать вывод о том, что, наряду с увеличением степени личной ответственности за сохранение и укрепление индивидуального здоровья, в коллективном сознании преобладают установки на недолгую, но здоровую жизнь и спокойное, рациональное отношение к смерти как к средству избавления от неизбежных физических и моральных страданий. Отвечая на вопрос «Какие причины заставляют Вас хотеть (или не хотеть) жить как можно дольше?», большинство участников отказались от долгой жизни, мотивируя это тем, что не хотят в старости стать обузой для близких: «Если ты видишь хорошо, двигаешься сам, то – да. Но если ты лежишь, и кому-то создаешь неудобства, то тогда лучше умереть» (жен., 22 года, студентка); «Не хочу обременять своих детей, не хочу стать похожей на ребенка, за которым нужно ухаживать» (жен., 21 год, студентка); «Для своей семьи не хочется быть балластом. Будешь, как овощ, сидеть...» (муж., 24 года, безработный); «Если голова будет соображать, и сама себя обслуживать буду... Чтобы никому не быть в тягость» (жен., 77 лет, пенсионер); «Нет, я не хочу дожить до 100 лет, потому что ...к старости я буду менее энергична, буду себя плохо чувствовать, вылезут всякие болячки. Я не хочу жить до 100 лет в болях, муках...» (жен., 21 год, студентка).

В этой связи вполне закономерно выглядит расширение масштабов и рост популярности во всем мире движения по легализации эвтаназии, под которой принято понимать «прерывание жизни неизлечимо больного по его собственному запросу или запросу его представителей» [Руднев, 2019, с. 73], и которая, по словам В.А. Рыбина, «выступает как одно из выражений нарастающей в современном обществе «автономии личности на неограниченную самодетерминацию в отношении собственной жизни» [Рыбин, 2006, с. 16].

В 2018 году мир облетели слова 104-летнего ученого из Австралии Дэвида Гудолла, который последние 20 лет жизни был членом организации Exit International, ведущей борьбу за легализацию эвтаназии во всем мире, а в мае 2018 года принял решение о добровольном уходе из жизни: «В моём возрасте человек хочет быть свободным, чтобы выбрать смерть и подходящее для неё время. Я больше не хочу продолжать жить, я счастлив, что у меня есть шанс покончить с этим» [Осина, 2019].

В 2012 году социологи ФОМ провели опрос россиян, в ходе которого 32 % респондентов высказывались в пользу официального разрешения эвтаназии в России, столько же – против, а 36 % – не смогли определить свою позицию [Право на смерть..., 2012]. Столь неоднозначные результаты опроса, по мнению Г.Р. Алабердеевой, можно объяснить противоречивыми и хаотичными представлениями современного человека о смысле и ценности жизни, а также тем, что «проблема эвтаназии затрагивает глубинные духовные структуры личности и заставляет задуматься над тем, чему ранее человек не придавал значения» [Алабердеева, 2013, с. 142].

В ходе исследования, проведенного М. Рудневым в 2014 году, уже 49 % из числа опрошенных россиян высказали резко отрицательное отношение к эвтаназии, приравнивая помощь в прерывании жизни к убийству, а 58 % высказались против того, чтобы людям «позволили умирать по их воле» [Руднев, 2019, с. 80].

Подобные результаты были получены в ходе исследования, проведенного ВЦИОМ в феврале 2019 года, когда каждый второй житель России высказался в пользу легализации эвтаназии только с одной целью: для прекращения жизни людей, страдающих неизлечимым заболеванием, сопровождающимся сильными страданиями [Эвтаназия..., 2019]. В остальных случаях россияне продемонстрировали отрицательное отношение к эвтаназии, считая недопустимым разрешать ее всем желающим после 60 лет (против этого высказались 81 % из числа опрошенных) и тем более всем желающим, перешагнувшим совершеннолетний рубеж (89 % опрошенных).

Отдельного внимания заслуживает заложенное в российской культуре пренебрежение к смерти и, как следствие, программирование сознания на «короткую, но яркую и героическую» жизнь. По мнению В.В. Бочарова, именно наличием подобных установок, которые являются частью «культурного кода» русского народа, можно объяснить иррациональное отношение россиян к своему здоровью, проявляющееся и в злоупотреблении алкоголем, и в безответственном поведении на дорогах, и в предпочтении экстремальных форм туризма и т.д. [Бочаров, 2017, с. 162]

Связывая стремление к более яркой жизни с неосознанным пониманием «ее конечности, невозможности достижения бессмертия», Л.В. Баева отмечает, что «ценности удовольствия, ценности мгновенного, неповторимого [...] косвенно связаны со стремлением к насыщению жизни сильными переживаниями, способствующими возвышению ее качества» и «свидетельствуют о том, что их субъект пытается [...] если не продлить жизнь во времени, то умножить ее качество и увеличить в «объеме»» [Баева, 2003, с. 81]. Именно этим можно объяснить тот факт, что «человек нашего секулярного и гедонистического века, боясь смерти, постоянно и часто бесцельно рискует жизнью» [Лексин, 2010, с. 125]. Такого же мнения придерживается и В.В. Козлов, утверждающий, что именно «страх смерти толкает современного человека [...] в предельный гедонизм и стремление всеми силами взять от жизни все, что можно, не считаясь при этом ни с чем и ни с кем» [Козлов, 2015, с. 67]. При этом, сама тема смерти оказывается вытесненной на периферию общественного сознания, а мысли о смерти расцениваются, как бегство от реальности и проявление слабости. Это диктует необходимость поиска дополнительных механизмов, которые смогут заполнить «экзистенциальный вакуум» и взять на себя психотерапевтическую функцию в вопросе осмысления смерти.

Подводя итог всему выше сказанному, необходимо отметить следующее. Несмотря на многочисленные попытки осмысления темы смерти, отношение к ней в современном обществе остается крайне противоречивым, овеянным множеством мифов и предрассуд-

ков. С одной стороны, выступая в качестве культурной универсалии и базового культуротворческого мотива [Даренский, 2016, с. 63], смерть является источником внутреннего развития как отдельного индивида, так и общества в целом. С другой стороны, именно вытесненный из сознания страх смерти является одной из причин различных фобий, психически расстройств и саморазрушительных форм поведения. Применительно к реалиям российского общества, проблема отношения к смерти приобретает особую остроту, поскольку реализуемые государством меры по увеличению продолжительности жизни населения разбиваются о коллективные установки на «недолгую, но яркую» жизнь, определяющие стратегии поведения значительной части россиян.

Исходя из этого, изучение факторов, оказавших и продолжающих оказывать влияние на отношение к смерти в российском обществе, представляется нам крайне важным именно с точки зрения формирования оптимальных моделей самосохранительного поведения населения России. При этом в качестве первоочередной задачи нам видится определение тех факторов, воздействие на которые со стороны государства позволит в кратчайшие сроки переориентировать индивидуальное и общественное сознание на долгую здоровую жизнь. А, учитывая данные исследований, согласно которым «люди живут тем дольше, чем дольше им удастся сохранять материальную независимость и полезность для других людей» [Белокрыльцева, 2013, с. 104], становится очевидным, что без существенного улучшения качества жизни населения России трансформация отношения к смерти в современном российском обществе вряд ли возможна.

Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект № 28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

Список литературы

1. Алабердеева Г.Р. 2013. Отношение к эвтаназии (опыт анализа общественного мнения). Социологические исследования, 5 (349): 141–144.
2. Андреева А.В., Феньвеш Т.А. 2013. Смерть как социальный феномен. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. II. Тамбов, Грамота, 1 (27): 33–36.
3. Антонов А.И. 2005. Микросоциология семьи. М., ИНФРА-М, 368.
4. Арьес Ф. 1992. Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. М., Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 528 с. (Ariès P. 1977. L'Homme devant la mort: La mort ensauvagée, Seuil, 343).
5. Баева Л.В. 2003. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии. М., Прометей. МПГУ: 240 с.
6. Белокрыльцева А.В. 2015. Смерть как информационный повод. Отечественные записки, 5 (56): 94–104.
7. Бочаров В.В. 2017. Молодость и старость в традиционной русской культуре (о книге Григорьевой И.А. и др. «Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем»). Социологические исследования, 1: 159–163.
8. Герасимова В.Ю. 2015. Отношение к старости через призму отношения к смерти. Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология, 2: 226–249.
9. Гуревич А.Я. 1992. Предисловие. В кн.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., Прогресс: 5–31.
10. Данильченко С.А., Кадыров Р.В., Кулешов В.Е. 2007. Отношение к смерти и бессмертию на войне. Монография. Владивосток, ТОВМИ им. С.О. Макарова, 113.
11. Даренский В.И. 2016. Смерть как ценность культуры. Международный журнал исследований культуры, 2 (23): 62–73.
12. Елютина М.Э. 2015. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги. Социологические исследования, 10: 111–119.

12. Клемина Е.А., Песков А.Е. 2015. Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры. Вестник Астраханского государственного технического университета, 1 (59): 73–77.
13. Козлов В.В. 2015. Смерть как феномен мышления и познания жизни человеком. Известия Иркутского государственного университета. Психология, 13: 62–70.
14. Левкиевская Е. 2000. Мифы русского народа. М., ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»: 528 с.
15. Лексин В.Н. 2010. Умереть в России. Мир России, 4: 124–161.
16. Мечников И.И. 1988. Этюды оптимизма. М., Наука: 328 с.
17. Мохов С.В. 2016. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX, 3 (86): 171–188.
18. Осина М. 2019. «Жить и умереть с достоинством»: что такое эвтаназия и «ассистированное самоубийство». Диалог: Интервью–Агентство, 30 января. URL: <https://topdialog.ru/2019/01/30/zhit-i-umeret-s-dostoinstvom-chto-takoe-jevtanazija-i-asisstirovannoe-samoubijstvo/> (дата обращения: 13 июня 2019)
19. Право на смерть: допустима ли эвтаназия? Что думают россияне о возможности разрешить эвтаназию в нашей стране. 2012. Фонд Общественное Мнение. 5 июня. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10469> (дата обращения: 13 июня 2019).
20. Рогозин Д. 2014. Как возможен осмысленный разговор о смерти. Социокультурные исследования, 1 (103): 18–31.
21. Рогозин Д.М. 2013. Социология смерти. Отечественные записки, 5 (56): 109–118.
22. Руднев М.Г. 2019. Нормативные взгляды россиян на эвтаназию и смежные практики: поиск детерминант. Социологический журнал, Т. 25, 1: 72–97.
23. Рыбин В.А. 2006. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 41 с.
24. Эвтаназия: за и против. 2019. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3875 от 11 февраля. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9553> (дата обращения: 11 июня 2019).
25. Юревич А.В. 2018. Психологические аспекты отношения к смерти. Ярославский педагогический вестник, 1: 123–132.
26. Юнг К. 2007. Проблемы души нашего времени. М., Академический проект, 280.
27. Ялом И. 2015. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти : пер. с англ. А. Петренко, Э. Мельник. 3–е изд. М., Изд-во «Э», 384. (Irvin D. Yalom. 2009. Staring at the Sun. Overcoming the Terror of Death. John Wiley & Sons Limited, 306).
28. Ellis, L., Wahab, E.A. 2013. Religiosity and fear of death: A theory-oriented review of the empirical literature. Review of Religious Research. Vol. 55, 1: 149–189.
29. Kubler-Ross, E. 1975. Death: The Final Stage of Growth. New Jersey: Prentice-Hall, 175 p.
30. Palgi P., Abramovitch H. 1984. Death: A cross-cultural perspective. Annual Review of Anthropology, 13: 385–417.
31. Rudnev M., Savelkaeva A. 2018. Public Support for the Right to Euthanasia: Impact of Traditional Religiosity and Autonomy Values Across 37 Nations. International Journal of Comparative Sociology. Vol. 60, 4: 301–318.
32. Strauss A. 1993. Foreword. The sociology of death / ed. by D. Clark. Oxford: Blackwell Publishers, 9–10.

References

1. Alaberdeeva G.R. 2013. Otnoshenie k evtanazii (opyt analiza obshchestvennogo mneniya) [Attitudes (experience in the analysis of public opinion)]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 5 (349): 141–144.
2. Andreeva A.V., Fen'vesh T.A. 2013. Smert' kak sotsial'nyy fenomen [Death as a social phenomenon]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 2–kh ch. Ch. II. Tambov, Gramota, 1 (27): 33–36.
3. Antonov A.I. 2005. Mikrosotsiologiya sem'i [Microsociology of the family]. Moskow, INFRA–M, 368 p.

4. Ar'ès F. 1992. Chelovek pered litsom smerti [Man in the face of death]. Per. s fr. Moskva, Izdatel'skaya gruppya «Progress» – «Progress–Akademiya», 528 p. (Ariès P. 1977. L'Homme devant la mort: La mort ensauvagée, Seuil, 343).
5. Baeva L.V. 2003. Tsennostnye osnovaniya individual'nogo bytiya: Opyt ekzistentsial'noy aksiologii [Value bases of individual existence: Experience of existential axiology]. Moskva, Prometei. MPGU, 240 p.
6. Belokryl'tseva A.V. 2015. Smert' kak informatsionnyy povod [Death as an informational occasion]. Otechestvennye zapiski, 5 (56): 94–104.
7. Bocharov V.V. 2017. Molodost' i starost' v traditsionnoy russkoy kul'ture (o knige Grigor'evoy I.A. i dr. «Pozhilye v sovremennoy Rossii: mezhdru zanyatost'yu, obrazovaniem i zdorov'em») [Youth and old age in traditional Russian culture (about the book by Grigorieva I. A. and others "the Elderly in modern Russia: between employment, education and health")]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1: 159–163.
  - a. Gerasimova V.Yu. 2015. Otnoshenie k starosti cherez prizmu otnosheniya k smerti [Attitude to old age through the prism of relations to death]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya, 2: 226–249.
8. Gurevich A.Ya. 1992. Predislovie [Preface]. V kn.: Ar'ès F. Chelovek pered litsom smerti. Moskva, Progress: 5–31.
9. Danil'chenko S.A., Kadyrov R.V., Kuleshov V.E. 2007. Otnoshenie k smerti i bessmertiyu na voyne [Attitude to death and immortality in war]. Monografiya. Vladivostok, TOVMI im. S.O. Makarova, 113 p.
10. Darenskiy V.I. 2016. Smert' kak tsennost' kul'tury [Death as a cultural value]. Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury, 2 (23): 62–73.
11. Elyutina M.E. 2015. Pozhilye lyudi: otnoshenie k smerti i tanaticheskie trevogi [The elderly: relationship to death anxiety and tematicheskie]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 10: 111–119.
12. Klenina E.A., Peskov A.E. 2015. Otnoshenie k smerti kak uslovie formirovaniya razlichnykh tipov kul'tury [Attitude to death as a condition for the formation of different types of culture]. Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 1 (59): 73–77.
13. Kozlov V.V. 2015. Smert' kak fenomen myshleniya i poznaniya zhizni chelovekom [Death as a phenomenon of thinking and cognition of human life]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya, V. 13: 62–70.
14. Levkievskaya E. 2000. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian people]. Moskva, OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: 528 p.
15. Leksin V.N. 2010. Umeret' v Rossii [To die in Russia]. Mir Rossii, 4: 124–161.
16. Mechnikov I.I. 1988. Etyudy optimizma [Sketches of optimism]. Moskva, Nauka: 328 p.
17. Mokhov S.V. 2016. Smert' kak problema issledovaniya v sotsial'noy i istoricheskoy antropologii: genezis idey [Death as a problem of research in social and historical anthropology: Genesis of ideas]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. V. XIX, 3 (86): 171–188.
18. Osina M. 2019. «Zhit' i umeret' s dostoinstvom»: chto takoe evtanaziya i «assisitirovanoe samoubiystvo» [«Live and die with dignity»: what is euthanasia and «assisted suicide»]. Dialog: Interv'yu–Agentstvo, 30 yanvarya. URL: <https://topdialog.ru/2019/01/30/zhit-i-umeret-s-dostoinstvom-cto-takoe-jevtanazija-i-assisitirovanoe-samoubijstvo/> (data obrashcheniya: 13 iyunya 2019).
19. Pravo na smert': dopustima li evtanaziya? Chto dumayut rossiyanе o vozmozhnosti razreshit' evtanaziyu v nashey strane [The right to death: is euthanasia acceptable? What do Russians think about the possibility of allowing euthanasia in our country]. 2012. Fond Obshchestvennoe Mnenie. 5 iyunya. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10469> (data obrashcheniya: 13 iyunya 2019).
20. Rogozin D. 2014. Kak vozmozhen osmyslennyy razgovor o smerti [How is a meaningful conversation about death possible]. Sotsiokul'turnye issledovaniya, 1 (103): 18–31.
21. Rogozin D.M. 2013. Sotsiologiya smerti [Sociology of death]. Otechestvennye zapiski, 5 (56): 109–118.
  - a. Rudnev M.G. 2019. Normativnye vzglyady rossiyan na evtanaziyu i smezhnye praktiki: poisk determinant [Normative views of Russians on euthanasia and related practices: search for determinants]. Sotsiologicheskiy zhurnal, V. 25, 1: 72–97.

22. Rybin V.A. 2006. *Filosofskie osnovaniya problemy evtanazii: metodologicheskii analiz* [Philosophical foundations of the problem of euthanasia: methodological analysis]. Avtoref. dis. .... d–ra filos. nauk. Ekaterinburg, 41 p.

Evtanaziya: za i protiv [Euthanasia: pros and cons]. 2019. Press–vypusk VTsIOM № 3875 ot 11 fevralya. Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9553> (data obrashcheniya: 11 iyunya 2019).

Yurevich A.V. 2018. *Psikhologicheskie aspekty otnosheniya k smerti* [Psychological aspects of attitude to death]. Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik, 1: 123–132.

Yung K. 2007. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time]. Moskow, Akademicheskii proekt, 280 p.

Yalom I. 2015. *Vglyadyvayas' v solntse. Zhizn' bez strakha smerti* [Peering into the sun. Life without fear of death]: per. s angl. A. Petrenko, E. Mel'nik. 3–e izd. Moskow, Izd–vo «E», 384 p. (Irvin D. Yalom. 2009. *Staring at the Sun. Overcoming the Terror of Death*. John Wiley & Sons Limited, 306).

Ellis, L., Wahab, E.A. 2013. *Religiosity and fear of death: A theory–oriented review of the empirical literature*. Review of Religious Research. Vol. 55, 1: 149–189.

Kubler–Ross, E. 1975. *Death: The Final Stage of Growth*. New Jersey: Prentice–Hall, 175.

Palgi P., Abramovitch H. 1984. *Death: A cross–cultural perspective*. Annual Review of Anthropology, 13: 385–417.

Rudnev M., Savelkaeva A. 2018. *Public Support for the Right to Euthanasia: Impact of Traditional Religiosity and Autonomy Values Across 37 Nations*. International Journal of Comparative Sociology. Vol. 60, 4: 301–318.

Strauss A. 1993. Foreword. *The sociology of death* / ed. by D. Clark. Oxford: Blackwell Publishers: 9–10.

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Вангородская С.А. 2019. *Отношение к смерти в современном обществе: культурно-исторические особенности и влияние на самосохранительное поведение*. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 386–395. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395

Vangorodskaya S.A. 2019. *The attitude towards death in modern society: the cultural and historical features and the impact on health behavior*. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 375–395 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395

УДК 316.775

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409

РОЛЬ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ КОНФЛИКТОВ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ**THE STAKEHOLDERS ROLE OF ETHNO-CONFESSIONAL SPACE OF PUBLIC COMMUNICATIONS IN HARMONIZING RELATIONS AND AVERTING OF CONFLICTS IN THE FRONTIER REGION****В.В. Зотов, А.И. Алексеенко, А.В. Губанов
V.V. Zotov, A.I. Alekseenko, A.V. Gubanov**Курская академия государственной и муниципальной службы,
Россия, 305044, г. Курск, ул. Станционная, 9Kursk Academy of State and Municipal Service,
9 Stantsionnaya St, Kursk, 305044, Russian

E-mail: om_zotova@mail.ru; alex-2-alex@yandex.ru, aleksandrgubanov1@mail.ru

Аннотация

Минимизация деструктивности интенсификация этнической и культурной фрагментации регионального сообщества предполагает разработку диалого-партнёрской модели публичной коммуникации между представителями заинтересованных сторон этноконфессионального пространства публичных коммуникаций. Для теоретического осмысления феномена данного пространства используются эвристические возможности концепции менеджмента публичных ценностей и таких её основных понятий, как публичные ценности, пространство публичных коммуникаций, заинтересованные стороны и публичная сфера. Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и порождении конфликтов в приграничном регионе раскрывается на основе данных, полученных с применением метода экспертного опроса в форме анкетирования и интернет-опроса социальной сети «ВКонтакте». Авторы пришли к выводу, что общественное мнение связывает порождение этноконфессиональных конфликтов с деятельностью таких представителей заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации, а разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений населению и экспертам видится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. В этих условиях крайне важна организация диалога и партнерства между всеми акторами этноконфессионального пространства публичной коммуникации. При понимании важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством, большинством из участников экспертного опроса указывается на слабый уровень организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций.

Abstract

Today, minimization of the destructiveness of the intensification processes of ethnic and cultural fragmentation is required at the regional community level. This involves the development of a dialogue-partner model of public communication between stakeholders of the ethno-confessional space of public communications. Heuristic possibilities of the concept of management of public values are used for theoretical understanding of the phenomenon of this space. The study uses concept of public values, public communication space, stakeholders and the public sphere. The role of stakeholders of the ethno-confessional space of public communications in the harmonization of relations and the generation of conflicts in the border region is revealed on the basis of data obtained using the expert survey method in

the form of questionnaires and an online survey of the VKontakte social network. As a result of the survey, the authors came to the conclusion that public opinion connects the generation of ethno-confessional conflicts with the activities of such representatives of stakeholders as nonprofit organizations created on a national basis, national diasporas and religious organizations, and public and experts is seen the resolution of problems of interethnic and interethnic relations not in the space of public communications, but in the law enforcement sphere. Under these conditions, the organization of a dialogue and partnership between all actors of the ethno-confessional space of public communication is extremely important. In understanding the importance of interaction between civil society structures and the state, the majority of the participants of the expert survey indicate a weak level of organization of such contacts in the space of public communications.

Ключевые слова: пространство публичных коммуникаций, приграничный регион, стейкхолдеры, этноконфессиональные отношения, национальная политика.

Key words: space of public communications, frontier region, stakeholders, ethno-confessional relations, nationality policy.

Введение

Приграничные территории как часть территории государства, прилегающей к государственной границе, призваны выполнять контактную и барьерную функции [Шувалов, 1982]. При этом самоочевидно, что барьерная и контактная функции, по выражению В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского, являются «оппозитными функциями» [Дергачёв, Вардомский, 2004]. Усиление одной из них может происходить только за счет ослабления другой.

Безусловно, регионы Российской Федерации играют немаловажную роль в процессе приграничного межрегионального сотрудничества, способствуя повышению прозрачности границ, сближению проживающих на приграничных территориях людей и формированию предельно благоприятных условий для торговли, культурного обмена, регионального туризма. Но открытость границ несет в себе угрозы для национальной безопасности. Это особенно актуально в приграничных моноэтнических регионах, население которых из-за интернационализации хозяйства и всей общественной жизни, роста международных и внутригосударственных миграций, увеличения числа смешанных браков становится все более разнородным по этническому составу, культуре и образу жизни. Интенсификация этнической и культурной фрагментации регионального сообщества, которая накладывается на рост внутренних дезинтегрирующих обстоятельств (низкие доходы населения, плохое материальное благосостояние жителей, высокие цены на товары первой необходимости и коммунальные услуги, высокий уровень безработицы и опасение потерять работу большей части занятого населения, плохое здоровье и трудности с лечением, проблемы организации транспортного обслуживания, плохое жилье и ухудшение жилищных условий), выступает фактором, способствующим порождению межнациональных и межконфессиональных конфликтов и, как следствие, ведущим к снижению способности приграничного региона выполнять барьерную функцию. А это предполагает разработку модели диалого-партнёрской коммуникации между представителями всех заинтересованных сторон, направленной на минимизацию деструктивности обозначенного выше фактора. Первым шагом к созданию такой модели должно стать определение роли стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в приграничном регионе.

Методология и методика исследования

Сегодня основным инструментом государственной национальной политики в Курской области является совокупность мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, региональной стратегии государ-

ственной национальной политики и подпрограммы государственной программы Курской области «Развитие культуры в Курской области». Но гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений и предотвращение экстремистских проявлений в этой сфере требует не только активных действий со стороны органов власти, но налаживания конструктивного диалога и партнерства между представителями заинтересованных сторон. Отметим, что в регионе существует ряд нормативных документов, создающих такие диалоговые площадки, например, в виде постоянно действующей рабочей группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области (Постановление Губернатора Курской области № 196-рг от 30.03.2011) или Межведомственной комиссии по межнациональным отношениям в Курской области (Постановление Губернатора Курской области № 38-рг от 29.01.2014).

Несмотря на значительные шаги, предпринятые в сфере управления этноконфессиональными процессами, государственная политика на региональном уровне требует переосмысления на основе современных научных концепций. Такой новой теоретико-методологической основой региональной национальной политики призвана стать концепция менеджмента публичных ценностей, которая противостоит экономическому подходу к публичному управлению и вводит ряд императивов, пересматривающих вопросы отношений государства и общества в части формирования целей социально-экономического развития [Тютин, 2014]. Данная концепция ориентирует власть на углубление взаимодействий с заинтересованными сторонами, формирование условий для их участия в вопросах публичного характера [Публичные ценности и ..., 2014; Волкова, 2014; Слатинов, 2016]. Её ключевыми понятиями являются *публичные ценности, пространство публичных коммуникаций, заинтересованные стороны и публичная сфера*.

Публичные ценности – это ценности, воспринимаемые как универсальные, способствующие развитию всего сообщества, поэтому служащие ориентиром для государства в реализации его политики. Разделяемые властью и обществом ценности способны направлять национальную политику по пути гармонизации этноконфессиональных отношений в случае, если ценности, которым привержены власть и общество, сходны. Они служат основой обеспечения консенсуса по поводу прав, преимуществ и прерогатив, которые представители различных национальностей и их общности должны (или не должны) иметь. На их основе идет публичное обсуждение регуляторных мер государства. Выражая свое мнение, *«граждане дают дополнительную информацию органу государственной власти, применяя которую он способен улучшить регуляторную среду, состоящую из уже принятых и еще разрабатываемых нормативно-правовых актов»* [Волкова, 2017, с. 43]. Одновременно с этим включение населения в управленческий процесс даёт возможность власти разделить ответственность в случае социальной катастрофы [Бабинцев, 2017, с. 34].

Определяя понятие «публичные коммуникации», западные учёные акцентируют внимание на их открытости (передача и получение информации), доступности (доступ для каждого члена общества) и ориентации на общественные интересы (социальная значимость информации) [Уилби, 2012]. Как далее пишет П. Уилби, публичным статусом обладает та информация, которую полезно знать любому члену общества, то есть это сообщение для информирования аудитории по общественно значимым проблемам.

Таким образом, публичные коммуникации – это передача и приём социально-значимой информации, доступ к которой обеспечивается для каждого члена общества, с одновременным приданием ей публичного статуса. Отметим, что семантика понятия «публичное» раскрывается в двух аспектах: видимое – то, что открыто или доступно другим, противопоставлено тому, что скрыто или удалено из вида (и что тем самым образует «приватное»), и коллективное – то, что коллективно или влияет на интересы коллектива, в противоположность индивидуальному (частному) [Weintraub, 1997, p. 15].

Публичные коммуникации – это множество медиаканалов, объединяющее органы власти и стейкхолдеров гражданского общества для диалога и партнёрства по вопросам, имеющим общественный интерес [Зотов, Бабинцев и др., 2017, с. 62] В этом контексте

публичная коммуникация предполагает формирование определённого публичного (общественного) пространства, в пределах которого происходит определённый общественный дискурс между акторами системы социальной коммуникации для обеспечения чёткой артикуляции общественной позиции по соответствующему вопросу.

По определению Ю. Хабермаса, *«публичная сфера – это та сфера социальной жизни, где формируется общественное мнение, это арена, форум публичного дискурса по поводу социально-политических проблем жизни и развития общества»* [Habermas, 2013, p. 231]. Поэтому публичная сфера *«касается коммуникативных интересов, присущих любому обществу в целом, которые трансформируются в конкретные практические действия, направленные на реализацию целей, которые разделяются всеми его членами»* [Habermas, 2013, p. 232]. Публичная сфера – это сфера общественной жизни, в рамках которой могут осуществляться дискуссии по общественно значимым вопросам, приводящие к образованию информированного общественного мнения.

Тем самым, по сравнению с понятием «публичные коммуникации» понятие «публичная сфера» оказывается более широким, включающим и общественную деятельность, и общественные ценности. Публичная коммуникация является инфраструктурной основой для публичной сферы. Эффективные публичные коммуникации доставляют информационные сообщения между стейкхолдерами через различные средства массовой коммуникации. Пространство публичных коммуникаций представляет собой совокупность всех источников, каналов и приемников информации, способствующих устойчивому упорядоченному информационному процессу, в котором так или иначе (в том числе потенциально) может принимать участие актор. Это, прежде всего, традиционные массмедиа, далее – интернет, а совсем недавно – социальные медиа, такие как Twitter и Facebook, которые расширили спектр каналов, доступных для эффективной публичной коммуникации. При этом отметим, что социальные медиа всё чаще оцениваются не как приватное место общения, а как публичное. Сегодня в пространство публичных коммуникаций буквально ворвались сетевые сообщества, позволяющие координировать совместную деятельность своих пользователей [Реутов, Колпина, Реутова, 2018; Зотов, Губанов, 2019]. Различные сетевые сообщества таким способом создают слабо структурированные многомерные сообщества, члены которых обладают качеством множественной принадлежности и очень высокой мобильности [Шарков, 2014, с. 23]. Они являются рассредоточенными сообществами со сравнительно сложными самоорганизующимися связями. Именно в сетевых сообществах и идет процесс создания групп, объединенных общими интересами и межличностными связями, которые способны заявить о себе и потребовать от властных структур дать ответы на действительно актуальные вопросы [Бабинцев, Шаповал, 2018].

Пространство публичных коммуникаций не гомогенно, а состоит из множества подсфер, которые функционируют самостоятельно, хотя и связаны друг с другом. Одним из таких пространств является этноконфессиональное пространство публичных коммуникаций, представляющее собой совокупность медиаканалов, объединяющих основных стейкхолдеров с целью решения общественно значимых вопросов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. При этом этноконфессиональный дискурс отвоёвал себе значительный сегмент в Интернете, а сетевая коммуникация стала играть одновременно интегрирующую и дезинтегрирующую функции, целью которых являются поиск единомышленников в глобальной сети и их консолидация [Ачкасова, Трохинова, 2018]. Поэтому ключевой задачей социально- сетевого управления как конфигурирования в публичном пространстве коммуникаций диалого-партнерской сети представителей заинтересованных сторон становится обеспечение гармонизации этноконфессиональных отношений и предотвращения проявлений экстремизма.

Внедряемая концепция менеджмента публичных ценностей затрагивает, в первую очередь, систему коммуникаций органов власти с представителями заинтересованных сторон. Поэтому в настоящее время основой публичного управления признают сети, создающиеся государством и состоящие из стейкхолдеров [Сморгунов, 2014].

Под заинтересованными сторонами понимаются акторы публичной сферы, которые испытывают на себе влияние решений и действий субъекта управления либо сами оказывают на него воздействие. Термин «заинтересованная сторона» пришёл с Запада и является вольным переводом английского stakeholder. Впрочем, в российском научном сообществе все чаще используют прямую кальку с английского языка. При этом стейкхолдеров следует отличать от общественности как активной части общества, выражающей его мнение. Заинтересованные стороны призваны играть значимую роль в решении ценностных споров в межнациональной и межконфессиональной сфере. При этом их участие должно быть специально организовано, что достигается за счёт их вовлечения в процесс выработки и реализации решений в вышеуказанной сфере.

Центральными этапами этого процесса являются:

- 1) признание – определение основных заинтересованных сторон;
- 2) представление – выявление мнения и ожиданий стейкхолдеров в отношении необходимых шагов по предотвращению конфликтов и гармонизации отношений;
- 3) согласование – интеграция ожиданий стейкхолдеров в публичные ценности;
- 4) вовлечение – привлечение групп стейкхолдеров к активному диалогу и партнерству;
- 5) удовлетворение – удовлетворение ожиданий представителей заинтересованных сторон от получаемого результата.

Для получения достоверной и обоснованной информации о роли заинтересованных сторон в построении этноконфессиональных отношений приграничного региона был осуществлен экспертный опрос среди наиболее компетентных, обладающих глубокими знаниями о предмете исследования специалистов. К числу таких были отнесены представители органов федеральной и региональной государственной власти, органов местного самоуправления, диаспор и общественных организаций, науки и образования. Общее количество экспертов – 100 человек.

Результаты экспертного опроса были дополнены данными интернет-опроса. Последний был произведен в апреле 2019 года среди пользователей социальной сети «ВКонтакте» как интернет-платформе, имеющей высокую популярность среди интернет-пользователей (охват более 46 млн человек) и универсальность охватываемой аудитории (69 % аудитории в возрасте от 18 до 34 лет при соотношении мужчин и женщин 44 к 56 %), а также оснащенную специальным функционалом для проведения опроса и последующего анализа мнений пользователей. Для данной сети возможность повторного участия в опросе появляется только при смене используемого аккаунта. На каждый из представленных вопросов ответили около 500 пользователей.

Результаты исследования и обсуждение

Сегодня в Курской области нет явно конфликтной ситуации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Об этом свидетельствует то, что 88 % опрошенных экспертов не ожидают открытых конфликтов на этнической почве в регионе своего проживания в ближайшее время, а также их благоприятная оценка ситуации с межнациональными и межконфессиональными отношениями (см. таблицу).

Полученные данные согласуются с данными других исследований по Курской области [Анциферова, 2016], и при этом область выглядит даже более благополучной в сравнении с некоторыми другими приграничными регионами Российской Федерации [Завьялова, 2014; Максимова, Гончарова, Омельченко, 2015; Проказина, Исаев, 2015; Омельченко, Максимова и др., 2017].

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете ситуацию с межнациональными и межконфессиональными отношениями?» в зависимости от степени близости к респонденту, %
Distribution of answers to the question “How do you assess the situation with interethnic and interfaith relations?” depending on the degree of proximity of events to the respondent, %

Масштаб территории	Оценка ситуации			
	Бесконфликтная	Нейтральная	Напряженная	Конфликтная
1. В России	28	42	29	1
2. В Курской области	46	50	3	1
3. В месте проживания	58	38	3	1

Полученные данные согласуются с данными других исследований по Курской области [Анциферова, 2016], и при этом область выглядит даже более благополучной в сравнении с некоторыми другими приграничными регионами Российской Федерации [Завьялова, 2014; Максимова, Гончарова, Омельченко, 2015; Проказина, Исаев, 2015; Омельченко, Максимова и др., 2017].

Безусловно, конфликтная ситуация в большинстве случаев складывается как результирующая составляющая комплекса причин и условий. Но история убедительно показывает, что предотвращение конфликтов на ранней стадии возможно только в условиях диалога и партнерства всех заинтересованных сторон. Организация пространства этноконфессиональной публичной коммуникации – важный фактор консолидации российского общества на уровне его регионов и снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов. Поэтому в ходе проводимого исследования была предпринята попытка выделить основных стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций.

На уровне региона к ним были отнесены следующие:

1. Региональные органы власти, в том числе исполнительные органы субъектов РФ, администрации муниципальных районов, сельских и городских поселений.

2. Федеральные органы, действующие на территории региона, в том числе правоохранные и правозащитные органы в лице управления по вопросам миграции МВД России по субъекту РФ, Центр по противодействию экстремизму МВД России по Курской области, Отделы МВД России по муниципальным районам, Федеральная служба безопасности, а также Федеральное агентство по делам национальностей.

3. Медиаторы в лице межведомственной комиссии по межнациональным и межконфессиональным отношениям и рабочей группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области.

4. Структуры гражданского общества, представленные политическими партиями, религиозными объединениями, некоммерческими организациями, созданные по национальному признаку, молодежные объединения и казачество.

5. Массмедиа в лице федеральных, региональных и местных периодических изданий, теле- и радиоканалов, транслируемых на территории региона.

6. Местное сообщество, в том числе лидеры общественного мнения, представители национальных диаспор и землячеств.

7. Высшие учебные заведения, ведущие подготовку иностранных студентов.

Относительно последних следует отметить, что в условиях моноэтничности региона численность иностранных студентов достаточно велика. Так, например, Курский государственный медицинский университет имеет более 2 500 обучающихся из других стран, Юго-западный госуниверситет – более 700, Курский государственный университет – более 300 человек. Отсюда, безусловно, их надо учитывать в качестве стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций.

Как видно из данных, представленных на рисунке 1, опрошенные эксперты признают, что наибольший вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений вносят

силовые структуры: Федеральная служба безопасности и Центр по противодействию экстремизму МВД по Курской области, отделы МВД России по муниципальным районам. Затем эксперты отмечают роль Администрации Курской области, и только на третьих позициях оказались представители медиаторов: межведомственная комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям и рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области. В то же время вклад таких важных субъектов сохранения межнационального мира и согласия, как массмедиа, администрации поселений и некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, экспертами был оценен значительно ниже.

Отметим, что среди тех, кто вносит вклад в порождение конфликтов, помимо политических партий и некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку, эксперты назвали также и силовые структуры: Федеральную службу безопасности и Управление по вопросам миграции МВД России.

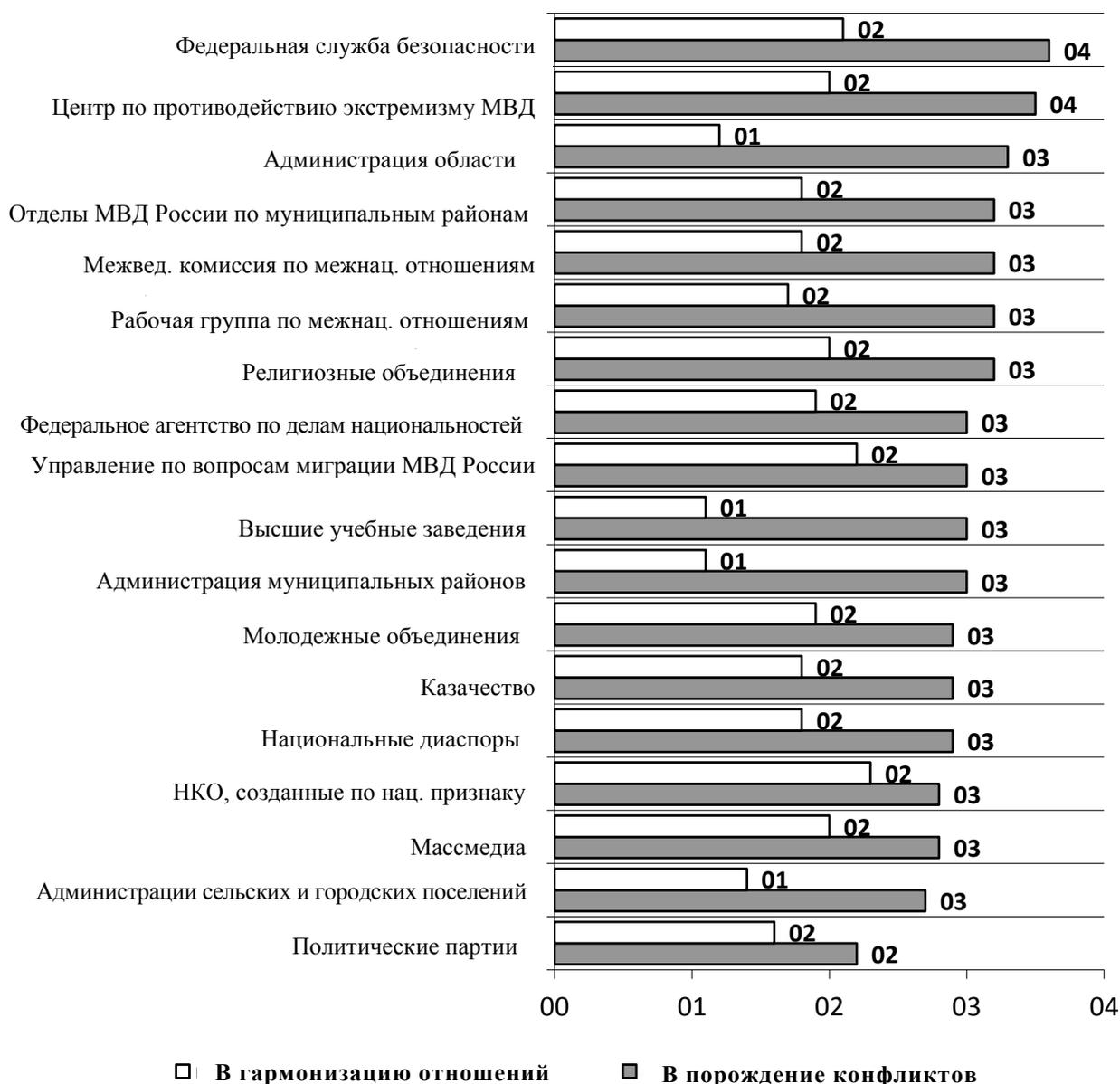

Рис. 1. Экспертная оценка по 10-бальной шкале роли стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и порождении конфликтов
 Fig. 1. Expert assessment of a role of stakeholders of ethno-confessional space of public communications in relations harmonization and in causing conflicts on a 10-ball scale

Из-за особенностей интернет-опроса представители заинтересованных сторон были разделены на структуры, которые представляют 1) власть или аффилированы с нею и 2) гражданское общество. В отношении первых был задан вопрос: «Какие из органов власти ведут наиболее активную работу в сфере межэтнических и межнациональных отношений в нашем регионе?». Его результаты представлены на рис. 2. В интернет-опросе пользователи главные позиции среди органов власти, ведущих наиболее активную работу в сфере межэтнических и межнациональных отношений в нашем регионе, заняли силовые структуры (Федеральная служба безопасности, отделы МВД России по муниципальным районам и Центр по противодействию экстремизму МВД по Курской области), а также Администрация области.

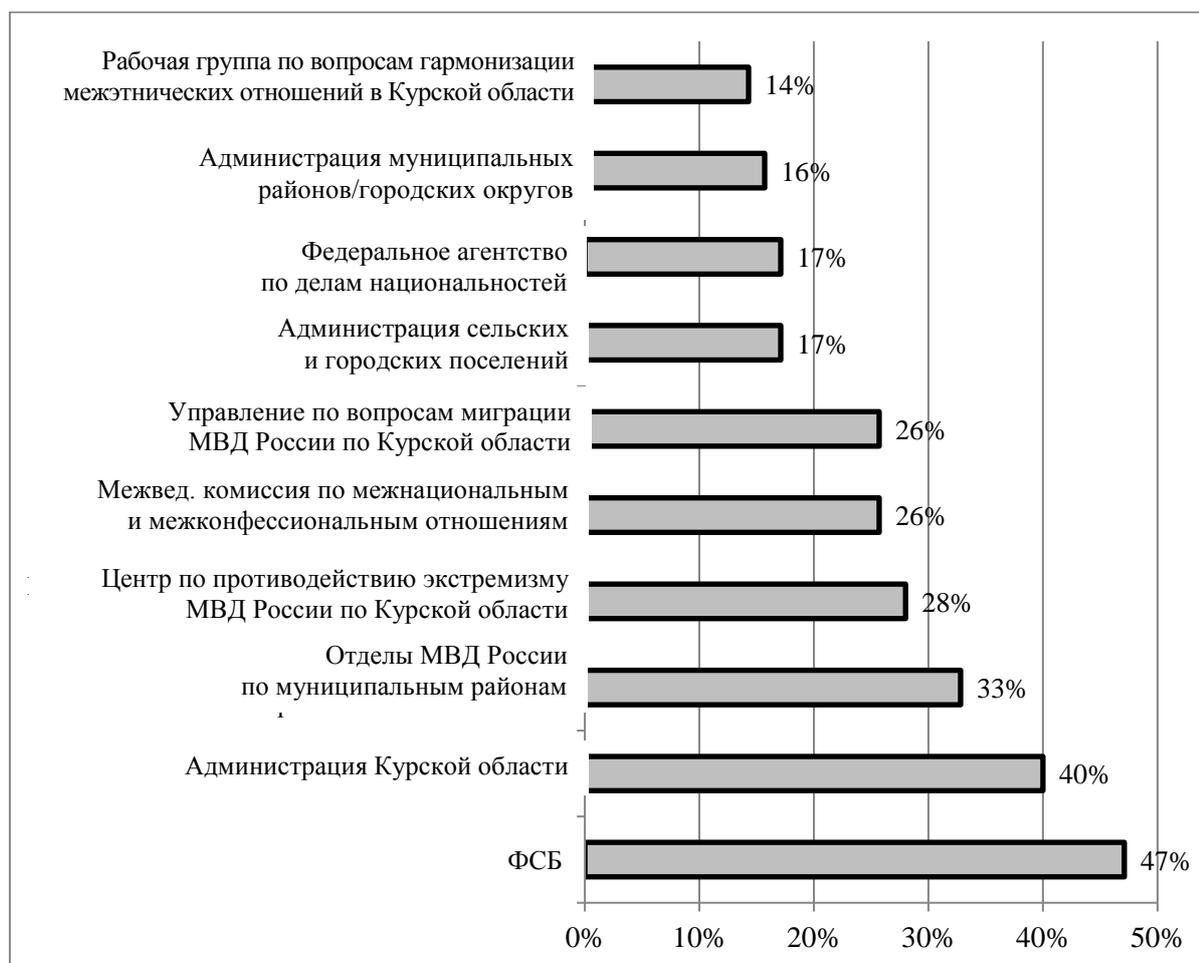

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из органов власти ведут наиболее активную работу в сфере этноконфессиональных отношений в нашем регионе?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question “Which authorities are the most active in the sphere of ethno-confessional relations in our region?”

Следовательно, можно утверждать: в общественном сознании сложилось мнение о том, что разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений (предотвращение конфликтов и гармонизация контактов) находится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. А представители данной сферы, во-первых, прибегают к силовым методам и средствам решения возникающих конфликтов и соответственно восстановлению правопорядка, а во-вторых, работают на предупреждение (профилактику) развития конфликтов. Возможно, что в условиях приграничного региона можно найти определенное разумное «оправдание» общественному мнению о важности деятельности правоохранительных органов в этноконфессиональной сфере, поскольку одной из их центральных функций является функция охраны, защиты и сохранения целост-

ности, жизнеспособности страны, защиты интересов граждан, оказания противодействия всевозможным негативным воздействиям как внешнего, так и внутреннего характер. Но нельзя забывать, что подчас формы и методы государственной борьбы с экстремизмом сами становятся факторами активизации конфликтов на национальной почве.

В то же время отнюдь не следует противопоставлять силовую составляющую деятельности государства усилиям структур гражданского общества, его отдельных членов, направленным на утверждение и поддержание гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе. Только при наличии соответствующего этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, выполняющих задачи по консолидации общества, могут быть гарантированы стабильность регионального сообщества, его успешное развитие.

В связи с этим участникам интернет-опроса были заданы вопросы, которые ориентированы на выявление мнения о вкладе представителей заинтересованных сторон в порождение конфликтов и гармонизацию отношений в этноконфессиональной сфере (рис. 3). Результаты опроса показали, что респондентами признается наибольший вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений за молодежными объединениями и высшими учебными заведениями, которые призваны проводить систематическую работу по воспитанию молодого поколения в духе терпимости к национальным и религиозным различиям населения страны, региона, поселения.

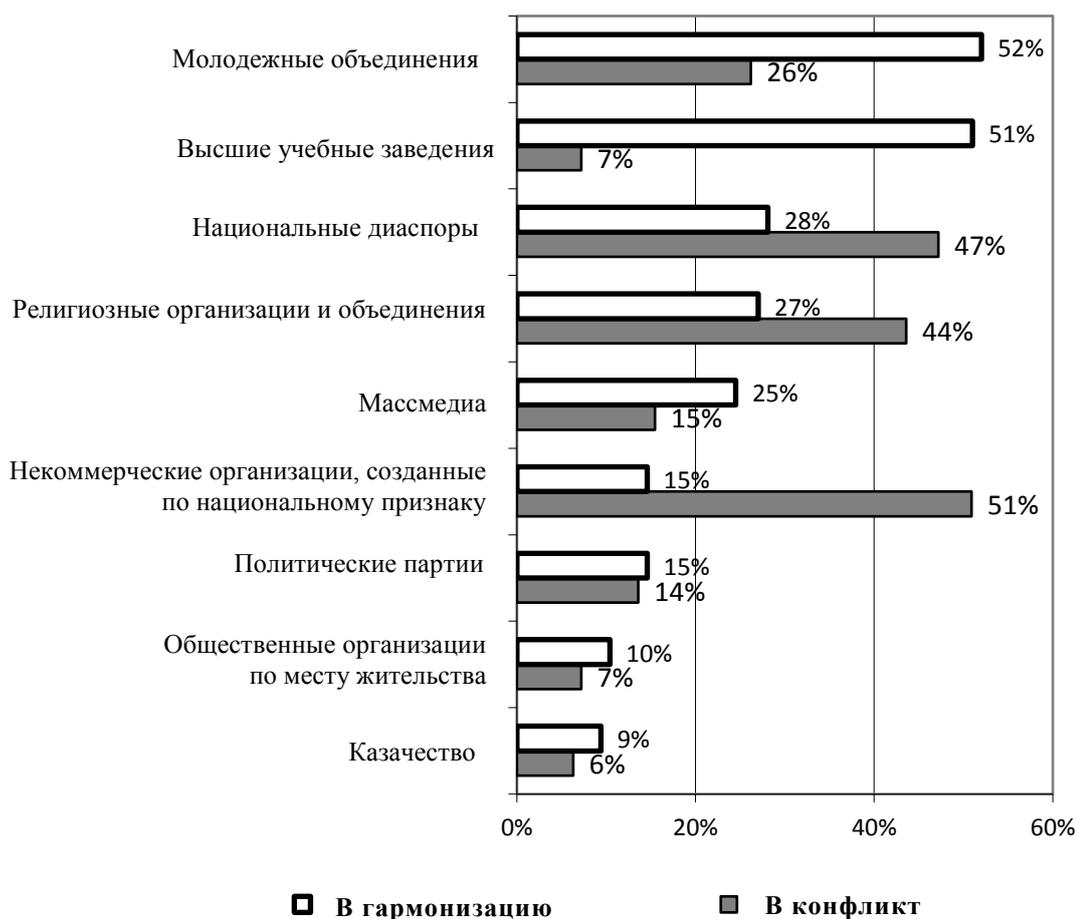

Рис. 3. Мнение респондентов о вкладе основных заинтересованных сторон в порождение конфликтов и гармонизацию отношений в этноконфессиональной сфере
 Fig. 3. Opinion of respondents about the contribution of major stakeholders to the generation of conflicts and harmonization of relations in the ethno-confessional sphere

По мнению респондентов, наибольший вклад в развитие этноконфессиональных конфликтов вносят такие представители заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации. Можно предположить, что в условиях моноэтничности региона (а в Курской области 96 % жителей – русские) сама попытка объединения граждан по национальному или конфессиональному признаку воспринимается недружелюбно.

В этих условиях крайне важно организовать диалог и партнерство между всеми акторами этноконфессионального пространства публичной коммуникации. Но, к сожалению, эксперты указывают, что при важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством уровень организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций достаточно слабый (рис. 4).

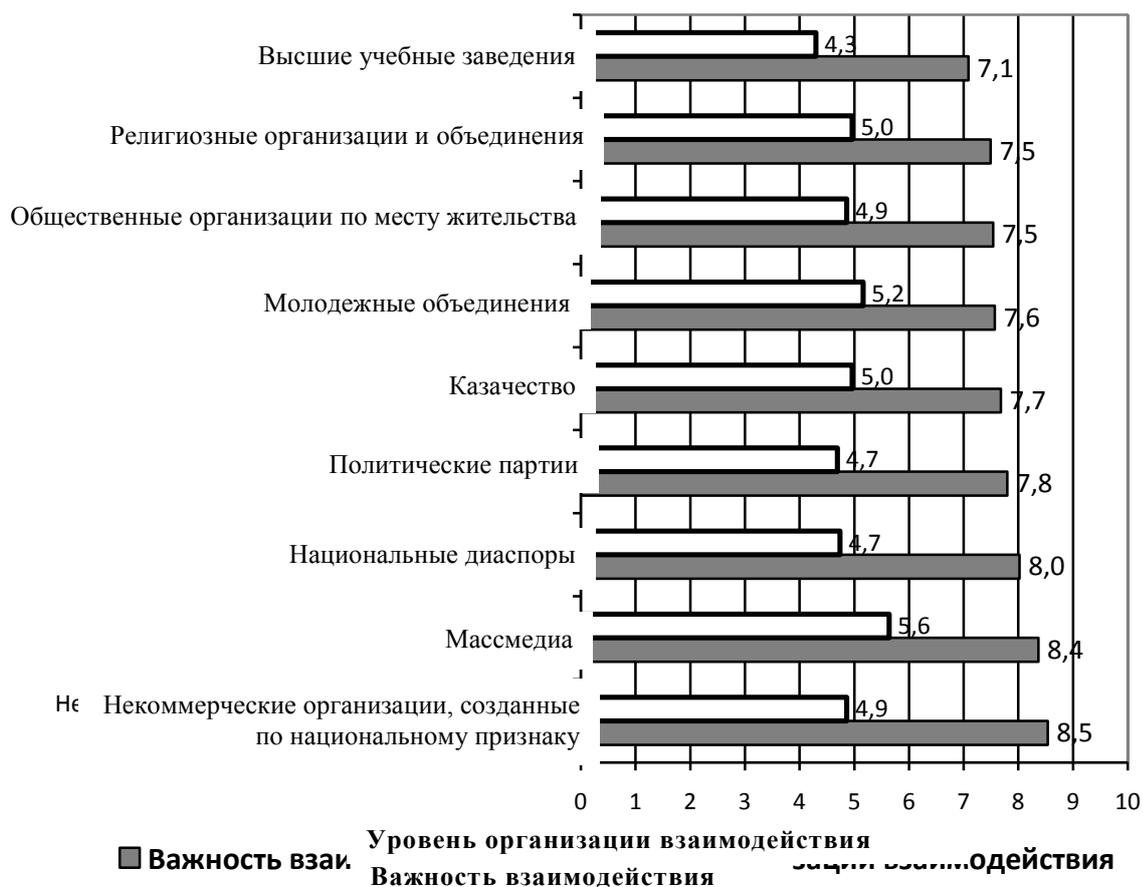

Рис. 4. Экспертная оценка по 10-ти бальной шкале важности уровня организации взаимодействия органов власти с заинтересованными сторонами по вопросам этноконфессиональных отношений

Fig. 4. Expert assessment on a 10-point scale of importance and level of organization of interaction of government bodies with stakeholders on issues of ethno-confessional relations

Но следует отметить следующее: мнение экспертов и респондентов интернет-опроса о важности структур гражданского общества как заинтересованных сторон в решении проблемных вопросов в сфере этноконфессиональных отношений в определенной мере не совпадает. Хотя, возможно, в данном случае свою роль сыграла форма вопроса, но тем не менее результат опроса заслуживает внимания. По мнению экспертов, наиболее важным представляется упорядочивания процесса взаимодействия с некоммерческими организациями, созданными по национальному признаку (8,5 балла из 10), массмедиа (8,4 балла) и национальными диаспорами (8,0 балла). В то же время респондентами, опрошенными в онлайн-режиме, на первое место были поставлены моло-

дежные движения (58,3 %), и только затем – национальные диаспоры и религиозные объединения (рис. 5). А поскольку высшие учебные заведения занимают четвертую позицию в результатах данного опроса, то можно предположить, что население и представители экспертного сообщества (а его представляли сотрудники органов федеральной и региональной государственной власти, органов местного самоуправления, общественных, научных и образовательных организаций) по-разному видят возможность гармонизации этноконфессиональных отношений. Население в большей мере склонно к варианту «правильного котла», в рамках которого происходит формирование общероссийской и региональной идентичности, а эксперты – к варианту выстраивания диалога и партнерства с представителями других национальностей и конфессий.

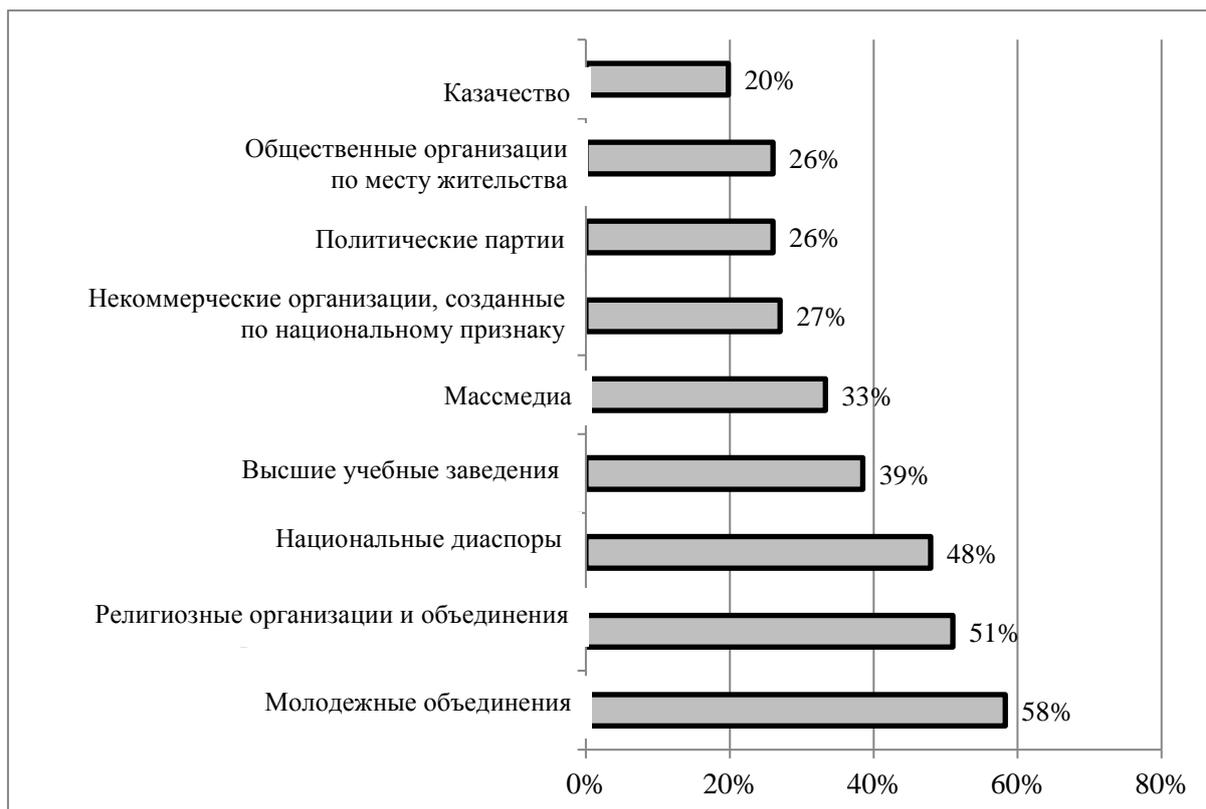

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, взаимодействие органов власти с какими общественными структурами является наиболее важным при решении проблемных вопросов в сфере этноконфессиональных отношений?»

Fig. 5. Distribution of answers to the question "In your opinion, the interaction of the authorities with what public structures is most important when solving problematic issues in the sphere of ethno-confessional relations?"

Заключение

Организация диалога и партнерства в этноконфессиональном пространстве публичной коммуникации будет способствовать решению комплекса практических задач, включающих достижение согласия жителей, принадлежащих к различным национальностям и этноконфессиональным группам, установление отношений взаимного доверия; поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в их собственных интересах и интересах регионального сообщества. Это делает процесс формирования регионального этноконфессионального пространства публичной коммуникации крайне актуальным для снижения риска проявления межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Но на настоящий момент, как показывают результаты опроса экспертов, при понимании важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством, большинство из них указывает на слабый уровень организации таких контактов

в пространстве публичных коммуникаций. Кроме того, в общественном сознании сложилось следующее мнение: порождение этноконфессиональных конфликтов связано с деятельностью таких представителей заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации, а разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений видится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. Это требует налаживания взаимодействия между заинтересованными сторонами как регулярного последовательного процесс, основанного на построении диалога и партнерства. В итоге это будет способствовать обеспечению стабильного устойчивого развития региона.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-011-00835 «Формирование пространства публичных коммуникаций как условие снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов в приграничных регионах».

Список литературы

1. Анциферова Н.Г. 2016. Отношение населения Курской области к представителям других национальностей, трудовым мигрантам и изменению миграционной ситуации. Научный руководитель, 4 (16): 23-32.
2. Ачкасова В.А., Трохинова О.И. 2018. Сетевые средства этнической мобилизации: исследование роли призывов в межэтнических конфликтах. Вестник Томского государственного университета, 431: 5-11.
3. Бабинцев В.П. 2017. Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия. Власть, 25 (3): 34-41.
4. Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А. 2018. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструктивных изменений. Власть, 26 (4): 7–15.
5. Волкова А.В. 2014. Современная публичность и публичные ценности: российские и зарубежные практики. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 1: 111-118.
6. Волкова А.В. 2017. Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия. Человек. Сообщество. Управление: научно-информационный журнал, 18 (3): 37-52.
7. Дергачёв В.А. Вардомский Л.Б. 2004. Регионоведение, М.: ЮНИТИ, 463.
8. Завьялова М.Н. 2014. Особенности проявления межнациональных отношений в приграничных регионах России. Вестник университета, 21: 189-197.
9. Зотов В.В., Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А., Губанов А.В. 2017. Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов. Коммуникология, 5 (6): 61-76.
10. Зотов В.В., Губанов А.В. 2019. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа. Общество: социология, психология, педагогика, 3: 57-61.
11. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А. 2015. Межнациональные отношения в приграничных российских регионах: субъективные оценки населения. Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве, 3 (2): 51-56.
12. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. 2017. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 6 (152): 189-194.
13. Проказина Н.В., Исаев А.В. 2015. Межнациональные и межэтнические конфликты в оценках населения мононациональных регионов. Вестник Поволжского института управления, 2 (47): 31-36.
14. Публичные ценности и государственное управление. 2014. Под ред.: А.В. Волковой, Л.В. Сморгунуова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 400..
15. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. 2018. Потенциал территориальных интернет-сообществ в организации коммуникации власти и населения. Управление городом: теория и практика, 3 (30): 76-86.
16. Слатинов В.Б. 2016. Реформирование государственной гражданской службы России в условиях распространения концепции «новой публичности»: проблемы и ограничения. Среднерусский вестник общественных наук, 11 (3): 61-68.
17. Сморгунув Л. В. 2014. Управляемость и сетевое политическое управление. Власть, 6: 5-14.

18. Тютин Д.В. 2014. Новое государственное управление: от управления эффективностью и результативностью к менеджменту публичных ценностей. Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 4 (64). – URL <http://uecs.ru/uecs64-642014/item/2864-2014-04-21-08-02-44> (дата обращения 17.07.2019).
19. Уилби П. 2012. Концепции публичной политики, связей с общественностью (публик рилейшнз) и публичной коммуникации. Роль Пресс-секретаря в свете этих концепций. Пресс-секретари. URL: <http://gov.sar.ru> (дата обращения 30.05.2019).
20. Шарков Ф.И. 2014. Интернет и масс-медиа: локальный дискурс в сетевых массовых коммуникациях. Коммуникология, 8 (6): 15-28.
21. Шувалов В.Е. 1982. Географическая граница как фактор районообразования. В кн.: Географические границы. Под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 128.
22. Habermas J. 2013. The Public Sphere. In: Jurgen Habermas on Society and Politics: A Reader New title Edition ed. S. Seidman. Boston: Beacon Press, 230-236.
23. Weintraub J. 1997. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction In: Public and Private in Thought and Practice: Perspectives ed. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago: University of Chicago Press: 1-46

References

1. Antsiferova N.G. 2016. Otnosheniye naseleniya Kurskoy oblasti k predstavatelyam drugikh natsional'nostey, trudovym migrantam i izmeneniyu migratsionnoy situatsii [Attitude of the population of the Kursk region to representatives of other nationalities, migrant workers and changes in the migration situation]. Nauchnyy rukovoditel' [Scientific supervisor]. 4 (16): 23-32.
2. Achkasova V.A., Trokhinova O.I. 2018. Setevy`e sredstva e`tnicheskoy mobilizatsii: issledovanie roli prizyv`ov v mezhe`tnicheskix konfliktax [Networking of ethnic mobilization: exploring the role of appeals in interethnic conflicts]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 431: 5-11.
3. Babintsev V.P. 2017. Vlast` i obshchestvo v "provincial`nom" regione: specifika vzaimodeystviya [Authority and society in the provincial region: specifics of interaction] // Vlast' [The authority]. Vol. 25. 3: 34-41.
4. Babintsev V.P., Shapoval Zh.A. Publichny`e kommunikatsii vlasti i obshchestva v regione: problemy` i vozmozhnosti konstruktivny`x izmenenij [Public communications of the authority and society in the region: problems and opportunities of constructive changes]. Vlast' [The authority]. Vol. 26. 4: 7–15.
5. Volkova A.V. 2014. Sovremennaya publichnost' i publichnye cennosti: rossijskie i zarubezhnye praktiki [Modern publicity and public values: Russian and foreign practices]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul`turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny`e otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University international relations. Series 6. Political science. International relations]. 1: 111-118.
6. Volkova A.V. 2017. Mekhanizmy "umnogo regulirovaniya" v publichnoy politike sovremennoy Rossii: rasshirenie grazhdanskogo uchastiya [Mechanisms of "smart regulation" of public policy in contemporary Russia: development of citizen participation]. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: nauchno-informatsionnyy zhurnal [Human. Community. Management: Scientific Journal]. Vol. 18. 3: 37-52.
7. Dergachev V.A. Vardomsky L.B. 2004. Regionovedenie [Regional Studies]. Moscow, UNITY: 463,
8. Zaviyalova M.N. 2014. Osobennosti proyavleniya mezhnatsional`ny`x otnoshenij v prigranichny`x regionax Rossii [Peculiarities of interethnic relations in border regions of Russia]. Vestnik universiteta [Vestnik universiteta]. 21: 189-197.
9. Zotov V.V., Babintsev V.P., Shapoval Z.A., Gubanov A.V. 2017. Rossijskoe prostranstvo publichnykh kommunikatsij: osnovnye prichiny razryvov [The Space of Public Communication in Russia: the main causes of gaps]. Kommunikologiya [Communicology]. Vol. 5. 6: 61-76.
10. Zotov V.V., Gubanov A.V. 2019. Formirovanie prostranstva publichnykh kommunikatsij sub`ekta RF v usloviyah prevalirovaniya social`nykh media [The development of public communication space of the constituent entity of the Russian Federation in terms of social media prevalence]. Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 3: 57-61.
11. Maksimova S.G., Goncharova N.P., Omelchenko D.A. 2015. Mezhnatsional`nye otnosheniya v prigranichnykh rossijskikh regionah: sub`ektivnye ocenki naseleniya [Interethnic relations in the Russian border regions: subjective assessments of the population]. Social'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v

evrazijskom prostranstve [Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space]. 3-(2): 51-56.

12. Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.Ye., Cherepanova M.I. 2017. Sostoyanie sfery mezhnacional'nyh otnoshenij v Altajskom krae [Condition of sphere of interethnic relations in the altai region]. Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of altai state agricultural university]. 6 (152): 189-194.

13. Prokazina N.V., Isaev A.V. 2015. Mezhnacional'nye i mezhetnicheskie konflikty v ocenках naseleniya mononacional'nyh regionov [Interethnic and Transnational Conflicts in the Estimates of Mono-Ethnic Regions Population]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. 2 (47). 31-36.

14. Publichnye cennosti i gosudarstvennoe upravlenie [Public values and public administration]. 2014. Ed.: A.V. Volkovoy, L.V. Smorgunova. Moscow, Publishing house "Aspect Press": 400.

15. Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N. 2018. Potencial territorial'nyh internet-soobshchestv v organizacii kommunikacii vlasti i naseleniya [Potential of territorial internet communities in the organization of communication between authority and population]. Upravlenie gorodom: teoriya i praktika [City management: theory and practice]. 3 (30): 76-86.

16. Slatinov V.B. 2016. Reformirovaniye gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Rossii v usloviyakh rasprostraneniya kontseptsii "novoy publichnosti": problemy i ogranicheniya [Reforming of state civil service of Russia in the conditions of distribution of the concept «new publicity»: problems and restrictions]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 11. 3: 61-68.

17. Smorgunov L.V. 2014. Upravlyaemost' i setevoe politicheskoe upravlenie [Manageability and network political management]. Vlast'. 6: 5-14.

18. Tyutin D.V. 2014. Novoye gosudarstvennoye upravleniye: ot upravleniya effektivnost'yu i rezul'tativnost'yu k menedzhmentu publichnykh tsennostey [New Public Management: from management of efficiency and productivity to management of public values]. Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Management of Economic Systems: scientific electronic journal]. 4 (64). URL <http://uecs.ru/uecs64-642014/item/2864-2014-04-21-08-02-44> (appeal date 05/30/2019).

19. Wilby P. 2012. Konceptii publichnoj politiki, svyazey s obshhestvennost'ju (publik rileyshnz) i publichnoj kommunikacii. Rol' Press-sekretarja v svete jetih koncepcij [The concept of public policy, public relations (public relations) and public communication. The role of the Press Secretary in the light of these concepts]. Press-sekretari. URL: <http://gov.cap.ru> (appeal date 05/30/2019).

20. Sharkov F.I. 2014. Internet i mass-media: lokal'nyj diskurs v setevykh massovykh kommunikacijah [Internet and mass media: local discourse in network mass communications]. Kommunikologija [Communicology]. Vol. 8. 6: 15-28.

21. Shuvalov V.E. 1982. Geograficheskaja granica kak faktor rajonoobrazovaniya [Geographical Border as a Factor of Regional Formation]. V kn.: Geograficheskie granicy [Geographical Borders]. Pod red.: B.B. Rodomana, B.M. Ekkel. Moscow, Publishing House of Moscow State University. 128

22. Habermas J. 2013. The Public Sphere. In: Jurgen Habermas on Society and Politics: A Reader New title Edition ed. S. Seidman. Boston: Beacon Press, 230-236.

23. Weintraub J. 1997. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction In: Public and Private in Thought and Practice: Perspectives ed. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago: University of Chicago Press: 1-46.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Зотов В.В., Алексеенко А.И., Губанов А.В. 2019. Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в приграничном регионе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 396–409. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409

Zotov V.V., Alekseenko A.I., Gubanov A.V. 2019. The stakeholders role of ethno-confessional space of public communications in harmonizing relations and averting of conflicts in the frontier region. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 396–409 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409

УДК 316.344

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418

**МЕНТАЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
УСТРЕМЛЁННОСТЬ В БУДУЩЕЕ И СПОСОБЫ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ****MENTALITY OF THE RESIDENTS OF THE RUSSIAN PROVINCE: ASPIRATION
FOR THE FUTURE AND METHODS OF ITS ACHIEVEMENT****Е.В. Реутов, М.Н. Реутова
E.V. Reutov, M.N. Reutova**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reutovevg@mail.ru, reggina77@mail.ru

Аннотация

В статье на основе данных социологического исследования проанализированы социально-адаптационные ценности, установки, практики и жизненные стратегии жителей российской провинции. Показано, что в наборе ценностей и аттитюдов довольно слабо выражены как практики, так и установки на профессиональную и производственную мобильность, наблюдается преимущественно прагматическая мотивация профессиональной деятельности, ориентация на стабильный, пусть и небольшой заработок в противовес рискованным финансово-экономическим стратегиям и практикам, уход в приватность и отказ от гражданской активности. Полученные данные свидетельствуют о доминировании консервативных жизненных стратегий, устойчивости социокультурных паттернов, диктующих необходимость максимального дистанцирования от власти и недоверия к общественным институтам. Вместе с тем, установка на территориальную мобильность и достаточно сильная выраженность предпринимательских ориентаций, хотя и являются косвенным маркером узости и проблемности региональных рынков труда, свидетельствует о наличии у значительной части населения адаптационного потенциала активного типа.

Abstract

The article analyzes social adaptation values, attitudes, practices and life strategies of residents of a Russian province based on data from a sociological study. It is shown that in the set of values and attitudes, both practices and attitudes toward professional and productive mobility are rather weakly expressed, there is mainly pragmatic motivation for professional activities, a focus on stable, albeit small, earnings as opposed to risky financial and economic strategies and practices; privacy and rejection of civic activity. The findings evidence the dominance of conservative life strategies, the stability of sociocultural patterns, which dictate the need for maximum distance from power and mistrust towards social institutions. At the same time, the attitude of territorial mobility and a rather strong severity of entrepreneurial orientations, although an indirect marker of the narrowness and problematic nature of regional labor markets, indicates that a large part of the population has an active adaptation potential.

Ключевые слова: ментальность, провинция, жизненные стратегии, горизонт планирования, профессионально-трудовая мобильность, территориальная мобильность, гражданская активность

Key words: mentality, province, life strategies, planning horizon, occupational mobility, territorial mobility, civil activity

Введение

Понятие «провинция» очень богато смыслами. В буквальном переводе с латинского *provincia* – «подвластная территория» – оно может обозначать административно-территориальную единицу государства, рассматриваться в географическом, социальном или культурологическом контексте. Как правило, под провинцией понимается совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного (культурных) центра государства и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений. С провинциализмом в политических и социальных отношениях очень часто связывается нечто отсталое, архаичное, несовершенное, а провинциальное общественное сознание наделяется такими качествами, как несамостоятельность, бессубъектность, внешняя управляемость, патернализм, фетишизм в отношении иерархий и мнения окружающих и пр. Такого рода «вторичность», несамостоятельность провинции в значительной мере обусловлена особенностями политической конструкции общества, в которой центральная власть обладает безусловным приоритетом. В.Б. Звоновский отмечает, что «под влиянием внешних факторов и целенаправленных действий государства российская провинция долгое время оставалась неполной провинцией, социальной периферией, центр которой находился в столице государства – Москве» [Звоновский, 2003, с. 85]. Однако и современные практики политического управления России, несмотря на закрепленные в Конституции федерализм и де-юре независимое от государственной власти местное самоуправление, зачастую связаны с жестким контролем, а то и подавлением любых признаков эмансипации локальных общностей. С.Г. Кордонский с соавторами пишут об аксиологической и методологической позиции политических элит, «при которой страна рассматривается как объект подражательного реформирования, а не как самобытная и в значительной степени самодостаточная реальность» [Кордонский, 2011, с. 5].

В научных, в том числе, социологических публикациях, посвященных жизни российской провинции, в настоящее время обращается внимание на то, что понятие «провинция», как и ее производные, «все чаще используется как концепт, маркирующий культурные особенности. Становится «модным» искать местную идентичность и обустраивать культурную жизнь у себя на малой родине» [Великая, 2016, с. 16-29]. Т.А. Рассадина при всей спорности подобного тезиса пишет о том, что «сохранение проявлений коллективизма и добрых человеческих отношений в стихийной общественной практике... стало одним из факторов стабилизации общественной жизни в провинции» [Рассадина, 2004, с. 61].

Разделение социального и культурного пространства России на «центр» и «провинцию» при всей условности этой аналитической операции позволяет лучше понять разломы и неравенства российского общества, в основе которых лежат не только экономические, природно-географические, но и ментальные факторы. Действие ментальных (от лат. «mens» и «mentis» – ум и мышление соответственно) факторов проявляется на уровне базовых ценностей и паттернов (когнитивно-эмоциональных конструкций) индивидуального и коллективного сознания, определяющих отношение к действительности и формирующих определенный тип социального поведения. Эти ценности и паттерны в значительной степени определяют образовательные, профессиональные, гражданско-политические, брачные, репродуктивные, потребительские, досуговые стратегии и практики, и наряду с социальным контекстом, формируют образ жизни индивидов, способствуют или препятствуют достижению ими жизненного успеха. Те или иные конфигурации паттернов могут определять степень экономической активности индивида, его гражданскую позицию, объем человеческого и социального капитала и, следовательно, позиции в системе распределения социально значимых ресурсов (богатства, власти, информации и пр.). Феномен мен-

тальности состоит не только в соотнесенности ее с сознанием (массовым или индивидуальным), но, прежде всего, в том, что она представляет собой те его глубинные элементы сознания – ценности и стереотипы (или «архетипы», если пользоваться юнговской терминологией) [Грошев, 2005, с. 203-204]. Ментальность представляет собой пространство взимовлияния, с одной стороны, социоструктурных и институциональных характеристик социума и, с другой – индивидуальных ценностей и ориентаций: «существует фактически двусторонняя связь между институтами как структурами общества и индивидами как носителями ментальных моделей» [Шабунова, 2017, с. 66].

А.З. Баглиева в структуре ментальности выделяет такие базовые компоненты, как константы, стереотипы и «картину мира» [Баглиева, 2009]. Л.Ф. Малиновский операционализует ментальность в параметрах способа восприятия мира, глубины восприятия, преобладания тех или иных интересов, норм взаимодействия хозяйствующих субъектов (равенство/неравенство при взаимодействии), стереотипов взаимоотношений общества и индивида (самостоятельность или коллективный характер решения задач), стереотипов потребления (престижное, демонстративное поведение или психология прожиточного минимума) [Малиновский, 2015]. Т.З. Адамьянц, характеризуя процессы коммуникации, вводит понятие «социоментальный», характеризующее «особенности ориентирования в социокультурной среде, выражающиеся в степени понимания интенциональности коммуникатора (автора), умении адекватно доносить собственные мотивы и цели при общении и взаимодействии, с учетом социального фона, исторических, политических, социокультурных и других реалий и тенденций в их динамике» [Адамьянц, 2015].

В работах зарубежных исследователей доказывается наличие определенной связи между доминирующей в обществе моделью ментальности и основными производственными и дистрибутивными моделями [Uskul, 2011; Uskul, 2008]. Используя категорию экономической ментальности и рассматривая ее как неформализованный институт экономики, Г.С. Цветкова подчеркивает ее роль в дифференциации экономического развития регионов России [Цветкова, 2010].

Целью данной работы является социологическая диагностика социально-адаптационных ценностей, установок, практик и стратегий жителей российской провинции, необходимая для понимания сущности провинциальной, а по большому счету, модальной российской культуры.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в мае-июне 2018 года в Белгородской и Воронежской областях (N=1200 респондентов) под руководством авторов. Выборочная совокупность формировалась по методике квотной выборки с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. Полученные в ходе авторского эмпирического исследования данные обрабатывались при помощи программного продукта Vortex-10 и группировались в соответствии с набором социально-демографических характеристик респондентов.

Помимо результатов авторского социологического исследования, были использованы данные всероссийских опросов Левада-Центра, посвященных горизонту планирования будущего россиян.

Основные результаты

Неопределенность и противоречивость социальной динамики – как в глобальном, так и в национальном масштабе, нашла выражение в концепциях общества риска [Бек, 2000], социальной турбулентности [Urty, 2011; Яницкий, 2011], метаморфоз как непредсказуемых социальных эффектов тех или иных общественных процессов [Кравченко, 2017], глобальной дезорганизации [Lash, 1987]. В работах З. Баумана, проникнутых социальным пессимизмом, красной нитью проходит описание «чувства ненадежности и ощу-

щения неопределенности, подрывающих уверенность человека в себе» [Бауман, 2005, с. 29] – производного от вышедшей из-под контроля глобализации. В последней работе З. Баумана «Ретротопия» идея о невозможности более оптимистического взгляда в будущее обосновывается распадом социальных связей, тем, что «мы оказались в условиях войны всех против всех не из-за отсутствия ужасного Левиафана, а вследствие со-присутствия многочисленных, слишком многочисленных больших, маленьких и крошечных Левиафанов» [Bauman, 2017].

Безусловно, не следует редуцировать повышение рискогенности и неопределенности социальных процессов исключительно к негативным эффектам. Но, вне зависимости от позитивного или негативного характера коннотаций неопределенности и риска в массовом сознании, следствием их влияния на ментальность является приближение горизонта планирования, вымывание долгосрочных стратегий из жизненных миров человека. Результаты мониторинга Левада-Центра свидетельствуют, что за последние почти 30 лет измерений горизонт планирования своего будущего на перспективу 5-6 лет и более был свойствен максимум пятой части россиян (21% в 2016 году). Минимальное же значение данной ориентации составляло 5% (в конце 1991 года – на фоне крушения СССР). В настоящее время (октябрь 2018 года) такой горизонт планирования признают за собой 15% респондентов. И наоборот, очень велика была и есть доля граждан с противоположными ориентациями, не задумывающихся о том, что с ними будет даже в ближайшие месяцы. Ее минимальное значение за весь период измерений составляло 37% – в 2016 году, который оказался самым благоприятным для долгосрочных жизненных стратегий, максимальное фиксировалось в декабре 1991 года – 63%. В настоящее время доля респондентов, живущих исключительно сегодняшним днем, составляет 46% – почти половина выборочной совокупности [Горизонт планирования..., 2019].

Результаты нашего исследования, несмотря на некоторые отличия в инструментари, также указывают на то, что «длинные» жизненные стратегии являются исключением из всей модели планирования своего будущего. Если, в соответствии с данными Левада-Центра, из всех россиян свое будущее на перспективу 5 лет и более могли планировать 15%, то по результатам нашего опроса, планирование своего будущего от 6 лет и более декларировали 11,2%. То есть данные оказались вполне сопоставимы. Если детализировать ответы респондентов, то долгосрочный (более 10 лет) горизонт планирования оказался свойствен лишь незначительному меньшинству опрошенных – 6,3%, и еще 4,9% планируют свое будущее на срок от 6 до 10 лет. Преобладающими вариантами сроков планирования являются 1-2 года (именно на столько лет планируют свое будущее 24,9% респондентов), либо полное отсутствие планирования, жизнь «сегодняшним днем» (21,6%). На срок менее года планируют будущее 18,4% опрошенных, на 3-5 лет – 18,1%.

Казалось бы, близость горизонта планирования и стремление к жизни «сегодняшним днем» предполагает высокий уровень социальной мобильности, активный поиск лучшего применения своих ресурсов и склонностей. Однако в ходе исследования выяснилось, что слабая выраженность «длинных» жизненных стратегий сочетается с достаточно низким уровнем трудовой мобильности и, что еще важнее, с не очень большим желанием менять траекторию своей профессионализации.

Большинство населения – фактически две трети выборочной совокупности (65,6%) – либо не имеет опыта смены места работы (часть, безусловно – в силу молодого возраста), либо крайне редко (реже, чем раз в 10 лет) прибегало к данной практике. И, напротив, активный трудовой поиск (с периодичностью хотя бы раз в 2-3 года и чаще) свойствен лишь десятой части (10,1%) опрошенных.

Таким образом, в российской провинции не сложились устойчивые социокультурные паттерны, но также, по всей видимости, и объективные условия, для трудовой мобильности – активного поиска людьми наилучшего применения своей квалификации и профессиональных амбиций.

Еще менее активными являются практики, ориентированные на изменение профиля профессиональной деятельности. Здесь также подавляющее большинство респондентов

(75,8%) либо не меняло род занятий в течение жизни, либо эта смена происходила крайне редко (реже, чем раз в десять лет). Активную позицию в данном отношении (смена рода занятий раз в 2-3 года или еще чаще) занимают всего 8,1% опрошенных.

Таким образом, реальные практики профессиональной мобильности свидетельствуют о доминировании консервативных жизненных стратегий у подавляющего большинства жителей российской провинции.

Отсутствие желания к смене профессии, рода занятий обусловлено, прежде всего, удовлетворенностью своей профессией, содержанием трудовой деятельности (55,1% от тех, кто не хочет менять свою профессию) и, в гораздо меньшей мере, внешними причинами – узостью рынка труда в регионе и невозможностью найти занятие лучше (21,0%). Однако в целом по выборке удовлетворенность своей профессией декларируют всего лишь четверть (24,9%) опрошенных, и это является значимым фактором дестабилизации профессиональной культуры жителей российской провинции и чревато дальнейшими негативными явлениями на рынке труда. Экзистенциальные причины – неготовность к серьезным переменам в жизни декларирует небольшое количество респондентов – 11,8% от тех, кто не готов сменить профессию.

Основными мотивами перемены профессии, рода занятий являются низкая оплата труда (47,3% от изъявивших такое желание) и, в меньшей мере – отсутствие перспектив самореализации, раскрытия способностей (29,0%) и плохие условия труда (20,0%). Но если низкая оплата труда и является наиболее сильным дестабилизирующим профессионализацию фактором для занятого населения российской провинции, даже она далеко не всегда формирует готовность к смене рода занятий.

Таким образом, стабильность профессионального самоопределения граждан не так уж велика. При том, что значительная часть населения удовлетворена своей профессией, эта часть представляет собой меньшинство выборочной совокупности. Остальные же либо вынуждены мириться со своей профессией в силу отсутствия иных перспектив или неготовности кардинально изменить свою жизнь, либо стремятся к ее смене, либо находятся в состоянии неопределенности.

Важным показателем активных жизненных стратегий индивида является также территориальная мобильность как в ее реальном проявлении, так и в виде установок, принципиальной готовности к соответствующей практике. Результаты опроса в отношении территориальной (межрегиональной) мобильности показали, что противников переезда в другой регион на длительный срок (от 4-5 лет) либо навсегда не так уж много – всего четверть (24,8%) выборочной совокупности. Еще 10,3% опрошенных затруднились с ответом на вопрос.

Остальные респонденты признают свою возможность переезда в другой регион в силу тех или иных обстоятельств. Наиболее весомым мотиватором является выгодное карьерное предложение, значимое для 43,3% опрошенных. Таким образом, мы видим, что, несмотря на относительную малозначимость карьеры в системе жизненных приоритетов и критериев успеха, выявленную ранее, в реальных жизненных обстоятельствах профессиональные мотивы являются важными, поскольку значимы для выживания и поддержания достойного уровня жизни. На втором и третьем местах по значимости – потеря работы или отсутствие перспектив трудоустройства (20,7%) и вступление в брак (19,1%). Достаточно сильным мотиватором может стать также ухудшение социальной ситуации в регионе проживания (16,7%). Почти десятая часть опрошенных (8,9%) выражает готовность к переезду в другой регион в связи с получением образования.

О том, что установка на территориальную мобильность – не просто декларация, свидетельствуют и реальные практики населения. Почти трети опрошенных (30,1%) хотя бы раз в своей жизни приходилось менять регион проживания на длительное время или на всю жизнь. Чаще всего это происходило из-за поступления выгодного карьерного предложения (7,4%), для получения образования (7,3%), ухудшения социальной ситуации в регионе проживания (6,9%), потери работы, отсутствия перспектив трудоустройства

(5,8%). В 4,0% случаев указывались другие причины, наиболее распространенной из которых было вступление в брак.

Таким образом, информация о реальных практиках территориальной мобильности, полученная из первых рук, свидетельствует о том, что жители российской провинции обладают значительным потенциалом территориальной мобильности и, при наличии достаточно значимых мотиваторов, прежде всего, социально-экономического характера, готовы менять место жительства и регион проживания. При этом в какой-то мере парадоксально, что территориальная мобильность по частоте почти не уступает производственной. Если менять регион проживания хотя бы раз в жизни приходилось 30,1% выборочной совокупности, то место работы – ненамного больше (34,4%). На первый взгляд, это выглядит странным – получается, что практически каждая смена места работы была связана с переездом в другой регион, а значит исключается производственная мобильность внутри региона проживания. Однако объяснить это можно тем, что значительная доля случаев территориальной мобильности не была связана с трудовой и осуществлялась людьми, не вступившими на путь профессиональной деятельности (студенты) или завершившие ее (пенсионеры).

В числе активных жизненных стратегий, ориентированных на развитие и способствующих преодолению социального инфантилизма – установка на предпринимательскую деятельность. По данным опроса, этой установкой обладает почти треть (31,6%) выборочной совокупности, при том, что 5,0% респондентов уже являются предпринимателями. Отрицание такой жизненной траектории высказали 52,8% опрошенных. Остальные 10,6% затруднились с ответом. Несмотря на достаточно сложную экономическую ситуацию, предпринимательский потенциал населения российской провинции находится на относительно высоком уровне – особенно в молодежной среде, где установку на предпринимательскую деятельность демонстрируют 69,4% опрошенных, а 1,4% заявили, что уже являются предпринимателями. При этом реальный предпринимательский статус более выражен у респондентов 30-39 и 40-59 лет (7,3% и 7,6%, соответственно), но готовность к предпринимательству в данных группах демонстрируют лишь 33,3% и 21,3%.

Рассматривая в качестве значимого аспекта социальной самореализации граждан, изменения личной жизненной траектории и общественной ситуации гражданскую активность, респондентам был предложен вопрос «Если бы Вам предложили войти в состав общественного совета по оценке решений, принимаемых органами местной власти, и от Вас потребовалась бы реальная работа, согласились бы Вы или отказались?».

Оказалось, что даже в случае подобного гипотетического предложения лишь треть (33,6%) опрошенных согласилась бы на него. Половина же (51,2%) респондентов отказалась бы от такого участия. Ведущими факторами отказа граждан от участия в общественно-властных структурах является неверие в действенности такого участия (28,3% «отказников») и отсутствие у них необходимых знаний (25,4%). Другими значимыми причинами отказа является отсутствие времени (19,8%) и интереса к подобной деятельности (19,4%).

Таким образом, большинство жителей российской провинции не готово выйти за пределы приватной сферы и разделить социальную ответственность с местной властью и другими гражданами. Причины этого коренятся как в устойчивых социокультурных паттернах, диктующих необходимость максимального дистанцирования от власти и недоверия к общественным институтам, так и в негативном опыте, вытекающем из фиктивности местного самоуправления в российской политической практике.

Для диагностики ключевых диспозиций была также использована техника постановки закрытых вопросов-оппозиций, где между крайними вариантами ценностей или attitudes помещена пятибалльная шкала. Посредством данной техники диагностировались: 1) склонность к финансовым рискам; 2) ориентация на трудовую мобильность; 3) стремление к повышению уровня образования; 4) цель профессионализации; 5) значимость карьеры; 6) гражданская позиция.

В результате по признаку склонности к финансовым рискам выбор респондентов оказался немного смещен в направлении гарантированного, хоть и небольшого, заработка в противовес возможности зарабатывать много, но без всяких гарантий. Здесь и далее

сопоставлялись доля респондентов, выбравших крайние две позиции на шкале «слева» и две крайние позиции «справа». Доля респондентов, ориентированных на небольшой гарантированный заработок, составила 39,3 %, а тех, кто согласен рисковать ради больших денег – 26,8 %.

В ориентациях на трудовую мобильность преобладание получили консервативные стратегии. Доля тех, кто ориентирован скорее на работу на одном месте, составила 60,2% против 12,2 % сторонников частой смены места работы.

В дихотомии «жизненный опыт – образование» ориентация на первый оказалась несколько менее значимой (27,4%), нежели установка на повышение образовательного уровня (47,4%).

Такой мотиватор профессиональной деятельности, как зарплата, оказался преобладающим для 34,6% опрошенных, тогда как призвание выбрали 27,1 %.

Слабость карьерных притязаний продемонстрировали 26,6 % респондентов, их выраженность – 39,0 %.

Ориентация на приватную, семейную сферу жизни оказалась выражена заметно сильнее, нежели ориентация на гражданскую активность: 47,1% против 15,5 %.

Таким образом, применение инструмента дихотомических вопросов подтвердило доминирование в ментальности населения российской провинции консервативных стратегий и традиционалистских установок, «разбавленных» активистскими, востребующих такие качества, как гибкость и инициатива.

Доминирование консервативных установок в представлениях о личном будущем подтверждается и модальными трактовками жизненного успеха, в которых прослеживаются традиционалистские коннотации, ориентирующие человека, прежде всего, на приватность, частную жизнь, невмешательство, созерцательность.

Так, основным критерием жизненного успеха для жителей российской провинции является семейное счастье, значимое для 64,3 % опрошенных. На втором месте – материальное благополучие (41,5 %). Но этот параметр не свидетельствует ни в пользу традиционализма, ни в пользу достижительских, саморазвивающих ориентаций, поскольку стремление к материальному благополучию может отражать как желание человека занять некую самодостаточную позицию и замкнуться в удовлетворении своих материальных и иных потребностей, так и являться мотиватором к достижению новых статусных позиций и расширению спектра возможностей. Профессиональная самореализация, характеризующая жизненные ориентиры за пределами приватной сферы, декларируется в качестве критерия жизненного успеха четвертью (26,5%) респондентов. На тихую, спокойную жизнь ориентированы 14,8 % опрошенных – это в чистом виде «созерцатели», для которых внутреннее равновесие принципиально важнее отношений с социумом. Карьера, которую можно отнести к достижительским характеристикам, значима для 13,8 % опрошенных. К ним же следует отнести и мотивацию общественного признания, которая значима для 8,9 % респондентов. На последнем месте среди критериев жизненного успеха – яркие впечатления, значимые для 7,3 % респондентов.

Выводы

Таким образом, социологическая диагностика ментальности жителей российской провинции показала, что они остаются достаточно консервативными в своих ценностных ориентациях и жизненных установках, несмотря на изменчивость социальной ситуации последних десятилетий. Можно предположить, что консервации традиционализма в немалой степени способствовала интенсивная миграция наиболее активной части населения российской провинции в мегаполисы, а также за пределы страны. Даже тот факт, что само население исследуемых областей также в значительной степени формировалось из приезжих из других регионов, не сильно повлиял на модальные ценности и установки. В наборе ценностей и установок жителей российской провинции прослеживается слабая выраженность как практик, так и установок на профессиональную и производственную мобиль-

ность, прагматическая мотивация профессиональной деятельности, ориентация на стабильный, пусть и небольшой заработок в противовес рискованным финансово-экономическим стратегиям и практикам, уход в приватность и отказ от гражданской активности. Вместе с тем, установка на территориальную мобильность и достаточно сильная выраженность предпринимательских ориентаций, хотя и являются косвенным маркером узости и проблемности региональных рынков труда, свидетельствует о наличии у значительной части населения адаптационного потенциала активного типа. Однако доминирование «коротких» жизненных стратегий в массовых представлениях о личном будущем говорит о том, что этот потенциал, скорее всего, будет реализовываться в пределах крайне ограниченного спектра привычных социальных практик.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474.

Список литературы

1. Адамьянц Т.З. 2015. Социоментальные группы в социальном познании. Социологические исследования, 7: 117–125.
2. Баглиева А.З. 2009. Ментальность как научная категория. Социология власти, 1: 21–23.
3. Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., Логос: 390 с.
4. Бек У. 2000. Общество риска: На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М., Прогресс–Традиция: 384 с.
5. Великая Н.М., Хохлов А.А. 2016. Культурная интервенция в российскую провинцию: опыт социологического анализа. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 1 (69): 16–29.
6. Горизонт планирования будущего. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/08/горизонт-планированија-будущего/> (дата обращения: 12.03.2019).
7. Грошев И., Юрьев А. 2005. Экономические преобразования и ментальность россиян: есть ли взаимодействие? Общество и экономика, 10–11: 192–221.
8. Звоновский В.Б. 2003. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты. Общественные науки и современность, 1: 78–89.
9. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. 2011. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания). Мир России, 1: 3–33.
10. Кравченко С.А. 2017. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании. Социологические исследования, 10: 3–14.
11. Малиновский Л.Ф. 2015. Национальный экономический менталитет как общественный институт. Вестник МГОУ, 3: 24–29.
12. Рассадина Т.А. 2004. Нравственные ориентации жителей российской провинции. Социологические исследования, 7: 52–61.
13. Цветкова Г.С. 2010. Экономическая ментальность как неформализованный институт экономики. Вестник Марийского государственного технического университета. Серия: Экономика и управление, 2: 47–53.
14. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. 2017. Теоретико–методологические основы исследования ментальности и обусловленных ею стереотипов поведения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2: 60–76.
15. Яницкий О.Н. 2011. «Турбулентные времена» как проблема общества риска. Общественные науки и современность, 6: 155–164.
16. Bauman Z. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press.
17. Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
18. Urry J. 1987. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press: 184 p.
19. Uskul A.K., Kitayma S. 2011. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction. *Annual Review of Psychology*, 62: 419–449.
20. Uskul A.K., Kitayma S., Nisbett R.E. 2008. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders. *Proceedings of the National Academy of the United States of America*, 105 (25): 8552–8556.

References

1. Adam'janc T.Z. 2015. Sociomental'nye gruppy v social'nom poznanii [Socio-mental groups in social cognition]. *Sociologicheskie issledovanija*, 7: 117–125.
2. Baglieva A.Z. 2009. Mental'nost' kak nauchnaja kategorija [Mentality as a scientific category]. *Sociologija vlasti*, 1: 21–23.
3. Bauman Z. 2005. Individualizirovannoe obshhestvo [Individualized society]. Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M., Logos: 390 p.
4. Bek U. 2000. Obshhestvo riska: Na puti k drugomu modern [Risk Society: Towards a Different Art Nouveau]. Per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoj. M.: Progress–Tradicija: 384 p.
5. Velikaja N.M., Hohlov A.A. 2016. Kul'turnaja intervencija v rossijskuju provinciju: opyt sociologicheskogo analiza [Cultural intervention in the Russian province: the experience of sociological analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 1 (69): 16–29.
6. Gorizont planirovanija budushhego [Future Planning Horizon]. Available at: <https://www.levada.ru/2018/11/08/gorizont-planirovaniya-budushhego/> (accessed 27 March 2019).
7. Groshev I., Jur'ev A. 2005. Ekonomicheskie preobrazovanija i mental'nost' rossijan: est' li vzaimodejstvie? [Economic transformations and the mentality of Russians: is there any interaction?] *Obshhestvo i jekonomika*, 10–11: 192–221.
8. Zvonovskij V.B. 2003. Rossijskaja provincija: massovoe soznanie i social'nye instituty [Russian province: mass consciousness and social institutions] *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 1: 78–89.
9. Kordonskij S.G., Pljusnin JU.M., Krashennikova JU.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Ahunov D.JE., Bojkov D.V. 2011. Rossijskaja provincija i ee obitateli (opyt nabljudenija i popytka opisanija) [Russian province and its inhabitants (observation experience and attempt to describe)]. *Mir Rossii*, 1: 3–33.
10. Kravchenko S.A. 2017. Metamorfozy: sushhnost', uslozhnjajushhiesja tipy, mesto v sociologicheskom znanii [Metamorphoses: essence, more complex types, place in sociological knowledge]. *Sociologicheskie issledovanija*, 10: 3–14.
11. Malinovskij L.F. 2015. Nacional'nyj jekonomicheskij mentalitet kak obshhestvennyj institut [National economic mentality as a public institution]. *Vestnik MGOU*, 3: 24–29.
12. Rassadina T.A. 2004. Nравstvennye orientacii zhitelej rossijskoj provincii [Moral orientation of the inhabitants of the Russian province]. *Sociologicheskie issledovanija*, 7: 52–61.
13. Cvetkova G.S. 2010. Ekonomicheskaja mental'nost' kak neformalizovannyj institut jekonomiki [Economic mentality as an informal institution of economics]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie*, 2: 47–53.
14. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. 2017. Teoretiko–metodologicheskie osnovy issledovanija mental'nosti i obuslovlennyh eju stereotipov povedenija [Theoretical and methodological foundations of the study of mentality and the resulting behavioral stereotypes]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2: 60–76.
15. Janickij O.N. 2011. «Turbulentnye vremena» kak problema obshhestva riska [“Turbulent times” as a problem of a risk society]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 6: 155–164.
16. Bauman Z. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press.
17. Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
18. Urry J. 1987. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press: 184 p.
19. Uskul A.K., Kitayma S. 2011. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction. *Annual Review of Psychology*, 62: 419–449.
20. Uskul A.K., Kitayma S., Nisbett R.E. 2008. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders. *Proceedings of the National Academy of the United States of America*, 105 (25): 8552–8556.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Реутов Е.В., Реутова М.Н. 2019. Ментальность жителей российской провинции: устремлённость в будущее и способы его достижения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 410–418. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418

Reutov E.V., Reutova M.N. 2019. Mentality of the residents of the russian province: aspiration for the future and methods of its achievement. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 410–418 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 323.3

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-419-426

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ТЕОРИЙ МИГРАЦИИ

PROBLEMS OF CONTEMPORARY MIGRATION PROCESSES MANAGING WITH RESPECT TO SOME OF GENERALS MIGRATION THEORIES

А.А. Контарев**A.A. Kontarev**

Ростовский юридический институт МВД России,
Россия, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russian Federation,
83 Yeromenko St, Rostov-on-Don, 344015, Russia

E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

Аннотация

Опираясь на современные теории миграции, автор показывает, что традиционные способы управления миграционными процессами не учитывают особенностей миграции, которая сегодня рассматривается одной из сторон глобализации. Идеологические модели мультикультурализма и «котла», ставшие в послевоенные годы ценностной основой миграционной политики стран Европы и США как основных центров миграционного притяжения, в современных условиях показали свою несостоятельность, являются одним из источников миграционного кризиса. Миграционное поведение современных иммигрантов отличается набором мотивационных ценностей, в числе которых доминирует сохранение своей этнической, культурной и конфессиональной идентичности. Поэтому социализация мигрантов, как правило, сегодня происходит на основе формирования ими собственной социальной среды, воспроизводящей данные ценности, которая может быть альтернативной социальной среде принимающих обществ. Анализируя теорию миграционных систем и теорию миграционных сетей, автор указывает, что эффективность управления миграционными процессами зависит от учета всей совокупности факторов, определяющих вектор международных миграционных потоков, имеющих глобальный характер. Это повышает значение международных институтов миграции, которые должны участвовать в их перераспределении не только в целях обеспечения реализации права человека на передвижение, выбор места пребывания и жительства, но и в целях обеспечения социальной и политической стабильности принимающих стран.

Abstract

This article discusses some of the problems of contemporary migration processes managing. Held on to contemporary theory of migration, the author shows that traditional way of contemporary migration processes managing doesn't see peculiarities of contemporary migration which is one of the sides of globalization. Ideological models of multiculturalism and "boiler", become value foundation of European countries and USA migration policy as centers of migration attraction after Second World War, in contemporary conditions showed untenable, are one of the coerces of migration crisis. Migration behavior of contemporary immigrants is remarkable for set of motivation values the main of them are saving of self-ethnic, cultural, confessional identity. Then migrant's socialization is realized on the basis of self-

social environment forming which reproduces so values and may be alternative for social environment of receiving countries. Analyzing the theory of migration systems and the theory of migration sets, the author marks that the affectivity of migration processes managing depends on of all factors of migration streams taking into account. All of this elevates the significance of international institutes of migration which must be participate in distribution of them not only to realize rights and freedoms of migrants but to realize social and political stability of receiving countries.

Ключевые слова: миграционный процесс, миграционная политика, глобализация, теория миграционных сетей, теория миграционных систем.

Key words: migration process, migration policy, globalization, migration sets theory, migration systems theory.

Тот, кто бывал в Берлине в середине 2000-х годов, знает, что из всех многочисленных экскурсий по городу особое внимание уделялось посещению одного из районов в центральной части города – Кройцберга, население которого на 80 % состояло из турецких иммигрантов. Поразителен не столько факт большого количества этнических турок, локально проживающих в этом районе (немало их проживало и в районе «Веддинг»), сколько сходство Кройцберга с культурным анклавом, каковым он на самом деле и являлся. По убеждению экскурсоводов, этот район был не чем иным, как свидетельством торжества ценностей мультикультурализма, провозглашенного объединенной Европой в качестве одной из базовых ценностей миграционной политики. Проживавшие там турки вели культурно замкнутый образ жизни: смотрели преимущественно турецкое телевидение, читали исключительно турецкие газеты, район имел свою инфраструктуру магазинов, аптек, прачечных и пр., где работали исключительно турки и т.д. Примечательно, что турецкие дети, как правило, ходили в школу не более 3-х лет, для того, чтобы изучить немецкий язык, научиться читать и писать. После этого, по оценкам их родителей, они вполне были готовы к взрослой жизни, помогали родителям в их разнообразных нехитрых промыслах. В планах местного населения была постройка собственной национальной школы.

Такие этнокультурные мигрантские анклавы уже давно стали обычным делом для Европейского союза. Весьма сходна ситуация во Франции, других странах Евросоюза. Если же говорить о Германии, то начиналось все с миграционной политики, направленной на благоприятствование трудовой иммиграции. С 1950-х годов правительство целенаправленно организовывало миграционные потоки из Турции. Страна нуждалась в заполнении социально-экономической ниши непрестижного труда. Турки работали чернорабочими на заводах, убирали улицы и пр. В дальнейшем, поощряя вторую волну иммиграции из Турции, правительство ФРГ выдавало вновь прибывшим иммигрантам мопеды, стимулируя прибытие неквалифицированной рабочей силы, которая сыграла положительную роль в возрождающейся в послевоенные годы экономики страны.

Но через 50 лет ФРГ столкнулась с некоторым перечнем проблем, порожденных миграционной политикой 1950-х годов. Назовем две из них. Первая проблема состояла в том, что, несмотря на значительно меньшую востребованность рабочей силы экономикой Германии в начале 2000-х годов, интенсивность иммиграции из Турции только набирала темпы, а этнические турки уже рассматривали себя как коренных жителей этой страны. Вторая проблема заключалась в том, что иммигранты не только отказывались от ассимиляции и интеграции в общество, они создавали свой культурный мир, в котором комфортно существовали, и этот мир был не дополнением к миру немецкой культуры, а его альтернативой. В свою очередь общество Германии не было готово предоставить турецкому населению (даже туркам, имеющим гражданство) социальные лифты, которыми пользуются немцы, сочтя угрозой национальной безопасности как пребывание такого количества турок на своей территории, так и возможность повышения социального статуса этой категории населения, его проникновение во властные структуры. В результате вполне объективным исходом данной ситуации в середине 2000-х годов явились демонстрации иммигрантов по

всей стране с требованиями предоставить им равные с коренным населением социальные возможности. Поскольку миграционная ситуация, сложившаяся в Германии, схожа с ситуацией в других странах Европейского союза, подобные акции прошли почти во всех его странах. Это было первым проявлением современного миграционного кризиса в Европе – кризиса, свидетельствующего о несостоятельности мультикультурализма в качестве ценностной основы миграционной политики, управления миграционными процессами.

Современный миграционный кризис Европы есть не что иное, как столкновение провозглашенных Европейским Союзом ценностей миграционной политики с новыми условиями миграции [Асон, 2019], отличающейся не только чрезвычайной интенсивностью, но и укоренившейся в миграционном сознании иммигрантов идеей универсальности геополитического пространства миграции. Положение о том, что каждый имеет право на передвижение, выбор места пребывания и жительства, закрепленное в качестве базовой ценности основными международными правовыми документами, конституциями и другим законодательством большинства стран мира, имеющее истоки в европейской правовой традиции, приводит в недоумение как европейцев, очевидно, не ожидавших столь значительного притока на территории своих государств иностранцев, ведущих себя «как дома», так и самих иммигрантов, которые уверены в незаконности ограничений на их въезд в Евросоюз, пребывание и проживание на его территории. По оценкам исследователей, «Европейские страны, которые и в прошлом принимали беженцев... проводили последовательную политику их интеграции, путем социальной поддержки, внедрения образовательных программ для мигрантов, приобщения к европейским ценностям (политика мультикультурализма или политика взаимного сосуществования культур). Однако масштабный приток иммигрантов за короткий срок, с новыми формами поведения, несвойственными европейскому населению, по сути, вызвал коллапс интеграционных моделей и привел к многочисленным социально-политическим «разломам» в большинстве стран ЕС» [Осипов и др., 2016].

Таким образом, этот кризис коренится в переоценке ценностей, его истоком является непонимание особенностей современной миграции, которая, согласно одной из современных теорий, является транснациональной – мигрант, пребывающий или проживающий на территории европейского государства, не порывает связи с родиной, по-прежнему идентифицирует себя со своим культурным, этническим, конфессиональным и прочим сообществом. Такие мигранты образуют новые социальные сети, новый культурный анклав, достаточный для удовлетворения их социокультурных притязаний. Поэтому интеграция и ассимиляция, рассматривавшиеся в качестве важнейших элементов в контексте традиционной миграции, теперь уходят в прошлое.

Несмотря на существенные трансформации миграционных процессов, обусловленных глобализацией, центры миграционного притяжения остаются прежними уже не менее ста лет, а экономические мотивы миграционного поведения продолжают доминировать. Тем не менее, можно предположить, что значительные особенности современной миграции в Евросоюз и США определяются демографическими факторами, прежде всего, проблемами с естественным приростом населения, которые во многом решаются за счет иммиграционного притока. Этим можно объяснить место миграции в международной экономической системе – перераспределение рабочей силы в соответствии с потребностями, обусловленными экономическим ростом и, соответственно, проблемами, связанными с естественным приростом населения. По данным Международной организации по миграции, рост интенсивности миграционных процессов, выражающийся в увеличении перемещающихся масс населения планеты, начинается с 1965 года (1965 г. – 73 млн мигрантов, 1975 г. – 85 млн, 1985 г. – 100 млн, 1990 г. – 150 млн, 2002 г. – 175 млн, 2010 г. – 214 млн.), что совпадает со временем демографической модернизации наиболее развитых стран Запада, состоящей в смене социокультурных регуляторов демографического поведения, влечет снижение рождаемости [Демографическая..., 2006].

Можно сказать, что с середины прошлого века миграция не просто встраивается в контекст глобализации, но и становится ее существенным фактором. Многие аналитики справедливо полагают, что изучение современных миграционных процессов, выяснение их сущности и прогнозирование возможно лишь в связи с глобализацией, когда миграция рассматривается как ее проявление на глобальном и региональном уровнях.

Как известно, глобализация не имеет линейного экономического, политического, культурного, социального вектора, в свою структуру включает процессы регионализации, состоящие в образовании устойчивых связей и отношений государств, где общее направление глобальных тенденций приобретает свои особенности. Регионализация – это форма протекания глобальной интеграции экономического, политического, социокультурного контентов обществ на региональном уровне. То есть связанная с глобализацией унификация жизнедеятельности человечества имеет региональную специфику, которая, с одной стороны, может позиционироваться как противостояние унифицирующему влиянию глобализации, сохранение социокультурной идентичности и политической самостоятельности, а с другой стороны, как средство встраивания в глобальные мировые тенденции не только как объекта, но и как субъекта глобализации.

Эти закономерности своеобразное выражение находят в миграционных процессах, которые, имея глобальное значение, приобретают ярко выраженную региональную специфику, локализуясь на региональном уровне. Исследование миграции на уровне экономического, социологического, демографического подходов всегда тяготело к созданию общей теории, которая бы учитывала всю совокупность факторов миграции, позволила бы создать достаточно устойчивую теоретическую конструкцию миграции, эффективно применяемую для прогнозирования миграционных процессов, столь необходимого для их управления. Известно, что одна из первых попыток создания подобной теории принадлежит Е. Равенштейну, еще в 1887 году сформулировавшему 11 принципов или законов миграции, которые достаточно полно описывают это социальное явление [Rovenshtein, 1876]. Некоторые из них и сегодня используются в общих теориях миграции.

Однако следует констатировать, что классические теории, создававшиеся в результате отражения миграционных процессов прошлого, далеко не в полной мере выражают закономерности современных миграционных процессов, имеющих свои существенные особенности. Изменяется идеологическая модель миграционной политики принимающих стран, где на первое место выступает обеспечение национальной безопасности. Так, используемая в США модель котла, унифицирующего в результате «варки» в нем народов культурные особенности иммигрантов, явно не работает. А ориентация миграционной политики принимающей страны на этнокультурные предпочтения иммигрантов, очевидно, давно стала определяющей. Увеличение населения латиноамериканского происхождения рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности, выражающейся в изменении социально-этнической структуры общества, количественном росте плохо образованной части населения, повышении конкуренции на рынке труда, эскалации преступности и пр. Это требует превентивных мер в отношении ограничения миграционных потоков из соответствующих стран, прежде всего, из Мексики.

Не соответствующей современной миграционной ситуации в Европейском союзе следует признать и модель мультикультурализма. Альтернативная модели котла, эта идеология не просто признает самодостаточной культуру иммигрантов, но направлена на обеспечение сохранения и развития их культурных особенностей. Крах мультикультурализма, включенного в систему базовых европейских ценностей, обусловлен развитием альтернативных социокультурных стратегий, трансформирующих европейские общества, угрожающих их базовым ценностям.

Изменение данных идеологических моделей миграционной политики является свидетельством их регулятивной несостоятельности, когда соответствующий перечень ценностей как основы нормативной системы не отвечает ее целям. Поэтому данный перечень ценностей должен быть признан несоответствующим целям миграционной политики, за-

дачам регулирования миграционных процессов, что и видно в постепенном отказе от указанных идеологических моделей.

Нужно сказать, что, несмотря на указанную выше зависимость экономик групп стран-центров миграционного притяжения от иммиграционной составляющей, обеспечивающей приток дешевой рабочей силы, во многом решающей демографические проблемы, связанные с низкой рождаемостью в этих странах [Коулмен, 2007], проблема управления миграционными процессами всегда будет оставаться актуальной, рассматриваться в качестве важнейшего приоритета национальной безопасности. В этой связи отказ от классических идеологических моделей миграционной политики следует рассматривать в контексте новых теоретических обобщений современных миграционных процессов, выработки новой модели их регулирования, основывающейся на новой интерпретации факторов миграции. Так, современный европейский миграционный кризис со всей очевидностью показал несостоятельность миграционной политики большинства европейских стран, ее ценностной и юридической составляющих. Он также показал и неадекватность доктринальных представлений о современных миграционных процессах, искаженно интерпретирующих факторы миграции.

Существенной особенностью современных миграционных процессов являются новые элементы инфраструктуры миграции. Сформировавшиеся в 2000-е годы, они наряду с государственными и международными институциональными формами теперь включают неформальные сетевые ресурсы и системную интеграцию миграционного обмена [Блинова, 2007]. Как справедливо отмечает И.В. Ивахнюк, «если предположить, что лишь экономические силы и желания людей улучшить свою жизнь лежат в основе формирования миграционных потоков, то остается необъяснимым их конкретный географический вектор, особенно когда он принимает относительно устойчивый и масштабный характер» [Ивахнюк, 2016 с. 27]. Миграционная сеть (цепь) – это информационная структура миграции, обеспечивающая социальное взаимодействие ее участников. Так, вектор миграции определяется не только экономической привлекательностью принимающей страны, но и тем, насколько велико в ней количество иммигрантов, культурно и этнически близких лицу, собирающемуся эмигрировать в эту страну. В связи с этим, некоторые авторы подчеркивают, «Современные мигранты, в отличие от своих предшественников, не бегут от опасности куда глаза глядят, а действуют, исходя из информации не только СМИ, но также формальных и не формальных информационных сетей этнических диаспор, возникших благодаря распространению интернета и средств мобильной связи» [Гасанов Р.М., 2016].

Возвращаясь к примеру с ФРГ, следует отметить, что в 70–80-е годы прошлого века турецкая иммиграция была обусловлена именно этими факторами [Fielding, 1993]. Это же обстоятельство, с одной стороны, объясняет формирование культурных анклавов иммигрантов, а с другой стороны, то, что его наличие обеспечивает высокий уровень мотивации в выборе географического вектора миграции.

То обстоятельство, что развитие сетевой миграции было во многом обусловлено распространением новых телекоммуникационных технологий, в первую очередь телекоммуникационной сети Интернет, объясняет время формирования и распространения теории миграционных сетей, относящегося к 2000-м годам. Однако данная теория лишь во многом дополняла возникшую ранее теорию миграционных систем. Хотя ее элементы в той или иной форме всегда воспроизводились в классических теориях миграции, время ее создания все же следует отнести к началу 1990-х годов. Это было время существенной активизации миграционных процессов на фоне разрушающейся империи СССР, перераспределения экономических возможностей постсоветских стран и, соответственно, перемещения их трудовых ресурсов. Было выяснено, что вектор миграционных потоков обусловлен не только более развитой экономикой принимающей страны, но и некоторыми другими факторами, образующими совокупность взаимосвязанных элементов стран миграционного обмена – стран, входящих в одну миграционную систему. Теория миграционных систем описывает миграцию как единое пространство перемещения населения государств

(миграционного обмена), где решающую роль играет не столько геополитический фактор, сколько исторические, культурные, научно-технологические, экономические, политические и иные связи, образующие миграционную систему [Kritz, Zlotnik, 1992; Fielding, 1993; Jennissen, 2004]. Теория миграционных систем, как представляется, отчетливо формулирует механизмы и факторы регионализации миграционных процессов, как проявление глобальных тенденций.

По нашему мнению, большую роль в системе факторов, объясняющих миграционное поведение в контексте современных миграционных процессов, играет социальное взаимодействие как система взаимообусловленных действий мигрантов, определяемых взаимным интересом. Большое значение в системе таких интересов имеет мотив социализации мигранта в иной социальной среде. Поэтому географический вектор миграции определяется, в том числе и идентичностью культурной среды принимающих стран, что обеспечивает успешную социализацию. Теория миграционных систем, очевидно, впервые указывает на это обстоятельство в качестве одного из существенных факторов миграции. А теорию миграционных сетей следует рассматривать как ее дополнение или развитие.

В контексте изложенного представляется очевидным, что регулирование миграционных процессов на межгосударственном и государственном уровнях, эффективная миграционная политика возможны лишь при учете наиболее существенных факторов современных миграционных процессов. Рассмотренные современные теории миграции показывают, что культурная и этническая идентичность выступают в качестве таких существенных факторов миграции. Управление современными миграционными процессами, осуществляемое на международном, межгосударственном и государственном уровнях, при формировании стратегий регулирования должно учитывать данные тенденции, предполагая как их негативные, так и позитивные последствия. Как нельзя не принимать во внимание угроз потери культурной идентичности странами Европейского союза при развитии указанных тенденций и достаточно стихийно складывающегося управления миграционными потоками [Ионцев, 2008], так нельзя не принимать во внимание и интересы самих мигрантов. В этом смысле важно констатировать, что на фоне активизации миграционных процессов в XX в., интенсивность которых постоянно росла, развития технических возможностей перемещения населения, средств передачи информации очевидна и иная тенденция, связанная с развитием ограничительных мер со стороны государств, объясняемых защитой национальной идентичности и рынка труда. Но обратной стороной этой политики всегда было увеличение интенсивности нелегальной миграции. Примечательно, что, начиная с 2010 г., количество нелегальных мигрантов в Европе возросло в 72 раза, составив 1800000 человек [Гришин и др., 2016]. Современная глобализация, создающая технологические и информационные условия быстрого перемещения капиталов и рабочей силы, оказывающая унифицирующее влияние на культуру народов мира, в то же время порождает регионализацию этих тенденций, в частности, проявляющихся в повышенном внимании государств к проблеме обеспечения национального суверенитета, угрозой которому рассматривается стихийная либо плохо управляемая миграция не только в силу непредсказуемости ее социальных последствий, но и в силу возможности постепенной утраты национальной идентичности в результате чрезмерного притока иммигрантов.

Возобладавшие в последние десятилетия в развитых странах ограничительные меры в отношении миграционных потоков не противоречат ценностям свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства, закрепленных в качестве мировоззренческой и юридической основы современного миграционного порядка, международными правовыми документами и национальным законодательством развитых государств, поскольку признается легитимным ограничение этого права в интересах обеспечения национальной безопасности. В то же время необходимо согласиться с мнением, что в контексте глобализации миграционных процессов, формирующей системные характеристики миграции как общемирового социального феномена, обеспеченной новыми технологическими возможностями, акцент на ограничительные меры далеко не всегда может быть эффективным ин-

струментом управления [Чумаков, 2014]. В этом смысле игнорирование или слабый учет объективных факторов миграции на уровне национальной миграционной политики делает ее менее эффективной, переводя миграционные процессы в нелегальные формы.

Криминализация миграции, столь масштабная в наши дни, является не меньшей угрозой национальной безопасности, чем покушение нелегальных мигрантов на рабочие места либо перспектива утраты национальной идентичности. Поэтому лишь координация усилий национальных государств по управлению этим социальным процессом позволит перевести ситуацию в управляемое русло, дать реальные позитивные результаты для всех участников этого процесса. Перераспределение рабочей силы должно стать решающей задачей международных институтов миграции, а проблема их социальной адаптации и интеграции в общество – важнейшей проблемой миграционной политики национальных государств.

Список литературы

1. Асон Т.А. 2019. Современный миграционный кризис в Европе и пути его преодоления. Электронный научный журнал «Вектор экономики», 3. <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/3/worlddeconomy/Ason.pdf>
2. Блинова М.С. 2007. Международные миграционные процессы: аналитический обзор. Социология, 3 (4): 258-267
3. Гасанов Р.М. 2016. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения. Актуальные проблемы современных международных отношений, 7: 11–12.
4. Гришин А.И., Гришина О.А., Кондрашов В.В., Манойло А.В., Кошкин А.П., Бочарников И.В. 2016. Миграционный кризис в Европе. Информационно-аналитический вестник. М., Вып. 6: 92
5. Демографическая модернизация России: 1900 – 2000. М., 2006.
6. Ивахнюк И.В. 2016. Развитие миграционной теории в условиях глобализации. Век глобализации, 1-2: 26-43.
7. Ионцев В.А., Алешковский И.А. 2008. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире. Век глобализации, 2: 77–87.
8. Коулмен Д. 2007. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход? Миграция и развитие. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 20. М., ООО «Би Эль Принт»: 12–49
9. Осипов Г.В., Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гаджимурадова Г.И. 2016. Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия. М., ФГБУН ИСПИ РАН: 116 с.
10. Чумаков А.Н. 2014. Глобальный мир: проблема управления. В кн.: Куда движется век глобализации? Под ред. А. Н. Чумакова и Л. Е. Гринина. Волгоград, Учитель: 400 с.
12. Jennissen R. Macro economic determinants of international migration in Europe. Amsterdam, 2004.
13. Kritz M.M., Zlotnik H., Global interactions: Migration systems, processes, and policies. Kritz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. (eds.), International migration systems: A global approach, Oxford: Clarendon Press, 1992.
14. Rovenschtein E. The Lows of Migration. London, 1876.
15. Fielding A.J. 1993. Mass migration and economic restructuring. King R.L. (ed.) Mass migration in Europe. The legacy and the future, London: Belhaven.

References

1. Ason T.A. 2019. Sovremennyy migratsionnyy krizis v Yevrope i puti yego preodo-leniya [The current migration crisis in Europe and ways to overcome it]. Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Vektor ekonomiki», 3. <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/3/worlddeconomy/Ason.pdf>
2. Blinova M.S. 2007. Mezhdunarodnyye migratsionnyye protsessy: analiticheskiy obzor [International Migration Processes: An Analytical Review]. Sotsiologiya, 3 (4): 258-267.
3. Gasanov R.M. 2016. Migratsionnyy krizis v Yevrope: prichiny, posledstviya, per-spektivy razresheniya [Migration crisis in Europe: causes, consequences, prospects for resolution]. Aktual'nyye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy, 7: 11–12.

4. Grishin A.I., Grishina O.A., Kondrashov V.V., Manoylo A.V., Koshkin A.P., Bo-charnikov I.V. 2016. Migratsionnyy krizis v Yevrope [Migration crisis in Europe]. *Informatsionno-analiticheskiy vestnik*. M., Vyp. 6: 92.
5. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000 [Demographic modernization of Russia: 1900–2000]. M., 2006.
6. Ivakhnyuk I.V. 2016. Razvitiye migratsionnoy teorii v usloviyakh globalizatsii [The development of migration theory in the context of globalization]. *Vek globalizatsii*, 1-2: 26–43.
7. Iontsev V.A., Aleshkovskiy I.A. 2008. Tendentsii mezhdunarodnoy migratsii v globaliziruyushchemsya mire [Trends in international migration in a globalizing world]. *Vek globalizatsii*, 2: 77–87.
9. Koulmen D. 2007. Immigratsiya i etnicheskiye sdvigi v stranakh s nizkoy rozhdayemo-st'yu – tretiy demograficheskiy perekhod? [Is immigration and ethnic shifts in countries with low birth rates the third demographic transition?]. *Migratsiya i razvitiye. Nauchnaya seriya «Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir»*. Vyp. 20. M., OOO «Bi El' Print»: 12–49.
10. Osipov G.V., Ryazantsev S.V., Khramova M.N., Gadzhimuradova G.I. 2016. Mi-gratsionnyy krizis i formirovaniye musul'manskikh obshchin v Yevrope: tendentsii i po-sledstviya [Migration crisis and the formation of Muslim communities in Europe: trends and consequences]. M., FGBUN ISPI RAN:116 p.
11. Chumakov A.N. 2014. Global'nyy mir: problema upravleniya [Global world: a management issue]. V kn.: *Kuda dvizhetsya vek globalizatsii? Pod red. A. N. Chumakova i L. Ye. Grinina*. Volgograd, Uchi-tel': 400 p.
12. Jennissen R. Macro economic determinants of international migration in Europe. Amsterdam, 2004.
13. Kritz M.M., Zlotnik H., Global interactions: Migration systems, processes, and policies / Kritz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. (eds.), *International migration systems: A global approach*, Oxford: Clarendon Press, 1992.
14. Rovenshtein E. *The Lows of Migration*. London, 1876.
15. Fielding A.J. 1993. *Mass migration and economic restructuring*. King R.L. (ed.) *Mass migration in Europe. The legacy and the future*, London: Belhaven.

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Контарев А.А. 2019. Проблемы управления современными миграционными процессами в контексте некоторых общих теорий миграции. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 419–426. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-419-426

Kontarev A.A. 2019. Problems of contemporary migration processes managing with respect to some of generals migration theories. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 419–426 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-419-426

УДК 34

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-427-433

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ:
СФЕРА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ****YOUTH EXTREMISM:
SPHERE OF SOCIAL AND LEGAL CONTROL****А.В. Римский****A.V. Rimskiy**

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs. I.D. Putilin
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: rimskiy87@mail.ru

Аннотация

Автор статьи исходит из концептуального и социально-практического смысла социально-правового контроля в противодействии и профилактике молодежного экстремизма. Исходный пункт размышлений основывается на том, что молодежный экстремизм в российском обществе не может быть сведен к факторам спонтанности или несправедливости. По мнению автора, значение правовых решений определяет «силу» права, способность быть социальным регулятором, влиять на молодежную среду реститутивно, актуализацией воспитывающего влияния правовых решений. Молодежный экстремизм формирует в обществе запрос на культуру интолерантности, дегероизации, деромантизации экстремистских практик. Это достижимо в результате социально-правового контроля и противодействия молодежному экстремизму, основанных на стимулировании посредством института права социальной самодеятельности (волонтерства) молодежи, что позволит представить феномен экстремизма как явление асоциальное, не соответствующее духу времени и интересам молодежи.

Abstract

The authors of the article proceed from the conceptual and socio-practical meaning of social and legal control in countering and preventing youth extremism, as the starting point of the reflections in the article is based on the fact that youth extremism in Russian society can not be reduced to the factors of spontaneity or injustice. In the opinion of the author the value of legal solutions determines the "strength" of law, the ability to be a social regulator, to influence the youth restitutive, updating upbringing influence legal decisions. Youth extremism, and this is the main plot of the article, forms in the public inquiry on the culture of intolerance, degeroizatsii, deromanticize of extremism that is achievable if the socio-legal control of the countering youth extremism is based on stimulation through the Institute of law social activities, social volunteerism youth, in which extremism in the youth environment is presented as asocial, not with the spirit of the time and interests of the youth phenomenon.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, социально-правовой контроль, культура интолерантности, социальный порядок, социальная безопасность, правоохранительные структуры, институциональное доверие.

Key words: youth extremism, social and legal control, culture of intolerance, social order, social security, law enforcement structures, institutional trust.

В общественно-политическом дискурсе российского общества молодежный экстремизм обозначается как маргинальное, находящееся на политической периферии явление. Тем не менее, общепризнан рискогенный потенциал экстремизма как позиционирования молодежью стремления к самоопределению на основе конфронтации с действующими властными и общественными институтами, реализацию поведенческих практик, направленных на противоправные действия, создание угроз социальному порядку и социальной безопасности.

Отличительной чертой российского общества являются дискуссии по поводу того, что экстремистские настроения и действия в молодежной среде нуждаются в репрессивном праве, использовании механизма негативных правовых санкций, имеющих целью нейтрализацию противоправных действий, особенно в сфере конституционного и государственного права [Игошин, 2003]. Между тем, молодежный экстремизм имеет «различные лики» в российском обществе, простирается в диапазоне от деятельности футбольных фанатов до носителей агрессивной сектантской идеологии. К тому же следует учитывать, что на настроения российской молодежи влияет общий неблагоприятный социальный фон (рост молодежной безработицы, отсутствие ясных жизненных перспектив, неуверенность в будущем).

В контексте вышесказанного можно говорить о том, что изучение и, следовательно, социальная диагностика и технологии противодействия молодежному экстремизму как системному явлению, связанному с группами социального и правового риска в молодежной среде, является актуальной, концептуальной и практической задачей. В российском обществе молодежный экстремизм до сих пор остается темой, выходящей на поверхность только в ситуации публичных акций, и не измеряется в долгосрочном общественном мониторинге. Отсюда реактивное и ситуативное видение проблем российской молодежи, попытка выявить и охарактеризовать молодежный экстремизм путем криминализации, ужесточения действующих правовых норм [Баранов, Шпак, 2004].

Вместе с тем проявляется и другая крайность, связанная с попыткой либерализовать отношение к данному явлению в молодежной среде, исходить из якобы присущей молодости романтики, героизации и неизбежности социальных эксцессов [Ильинская, 2007]. Очевидно, что молодежный экстремизм, являясь многоаспектным системным явлением, актуализирует потребность в определении сферы социально-правового контроля, системы действий и регуляторов, осуществляемых общественными и государственными институтами с использованием «силы» права как инструмента социального контроля.

Данная тема возникла не сегодня. Реальная заслуга в становлении социологии молодежи принадлежит К. Манхейму, который сформулировал основные четыре постулата отношений молодежи и общества. Во-первых, актуальным является выявление того, что ожидает общество от молодежи и молодежь от общества, иными словами, необходим диалог между общественными и государственными институтами и поколениями, вступающими во взрослую жизнь. Во-вторых, следует отрешиться от иллюзии, что молодежь прогрессивна по своей природе, так как в реальности молодежь является «потенциалом», способным в зависимости от различных факторов проявлять и позитивные, и деструктивные действия. В-третьих, на молодежь, не имеющую жизненного опыта, способностей распознавать и оценивать «добро и зло», влияют политические силы, преследующие свои корыстные интересы, используя молодежь в качестве пробивной силы. В-четвертых, нельзя недооценивать роль «абстрактных» идей, права, порядка и демократии [Манхейм, 1994]. Поэтому для К. Манхейма первостепенным становится в контексте образования и культуры молодежи политическая и правовая социализация.

Молодежный экстремизм оценивался К. Манхеймом с точки зрения наступающей катастрофы Второй мировой войны, проповеди нацизма, насилия, агрессии и подрыва базовых демократических и правовых институтов. Его наследие не утратило актуальность и в современном мире, где очевиден тренд восхождения молодежного экстремизма, порождаемого мультипликативным социальным эффектом, ростом этнонационализма, автори-

таризма, ксенофобии и неофундаментализма. Отметим, что в зарубежной социологии, начиная с молодежных бунтов 60-х годов XX века, молодежный экстремизм исследуется в рамках социологических и правовых подходов. Основным объединительным моментом является отношение к молодежному экстремизму с позиций диффамации и стигматизации, включения в номенклатуру социально опасных деяний, особенно в условиях культивирования толерантности, корректности, мультикультурализма, демократии меньшинств [Бурдьё, 1993].

Узость данного подхода заключается в том, что под определение молодежного экстремизма могут попадать движения, имеющие традиционалистские, патриархальные или этикоцентристские позиции. Тем более, социологическая экспертиза может использоваться в качестве повода для правового исследования «инакомыслящих». В российском обществе, где молодежный экстремизм стал объектом изучения с конца 90-х годов XX века, есть определенные сложности в выявлении сферы социально-правового контроля, так как вместе с созданием правового регулирования, профилактики и санкций в отношении экстремистских действий в молодежной среде, ограничивается рестутитивное воздействие права, значение права для утверждения, обоснования и легитимации культуры антиэкстремизма в молодежной среде, формирования интолерантного отношения к экстремистским акциям и действиям.

По существу, выявились три доминирующих подхода к вопросу о молодежном экстремизме в российском обществе. *Юридический подход* подразумевает значимость совершенствования законодательства и эффективность практик правоприменения в нейтрализации и профилактике противоправных действий молодежи на личностном и групповом уровнях, представляющих угрозу социально-правовому порядку. В этом контексте первенство отдается совершенствованию системы правоохранительных и правоприменительных институтов, использованию негативных правовых санкций при квалификации действий молодежи как представляющих социальную опасность и угрозу государству. Социально-правовой контроль связывается с активной поддержкой основной массой населения действий правоохранительных структур и одобрением использования силы права для локализации и маргинализации экстремизма [Горшков, 2017].

В *функциональном подходе* речь идет о целесообразном правоприменении, о воздействии правовых санкций по критериям эффективности и избирательности. Социально-правовой контроль отдается на «откуп» экспертному сообществу, выполняющему консультационные, эквайзерские и диагностические задачи в рамках повышения эффективности юридической социализации молодежи и включения общественных (молодежных) структур в качестве представительских при правоохранительных институтах.

Концепция *гражданского контроля* содержит установку на ограничения и нейтрализацию экстремизма в молодежной среде путем создания модели государственно-общественного партнерства, включающую совместную ассоциированную деятельность по формированию у российской молодежи гражданских добродетелей, исключающих легитимацию экстремистских практик и настроений. Провозглашается двуединая задача: с одной стороны, гражданский самоконтроль, нацеленный на позитивные правовые санкции, с другой – дегероизация, деромантизация экстремизма, бойкот, изоляция носителей экстремистских настроений как «значимых других» [На перепутье, 1999].

Можно говорить о том, что есть определенная практическая «беспомощность» в реализации заявленных подходов, поскольку государственная молодежная политика, которая приобрела практические очертания в начале 2000-х годов, фиксировала «гибридность» старых и новых жизненных и культурных форм. Стимулирование массовых молодежных движений под знаком борьбы против реакции и фашизма (особенно примечательна судьба «Наших») результировалась в проведение массовых пропагандистских акций, воспроизводящих парадность предшествующего периода. Реально, вместо кропотливой и системной работы с носителями экстремистских настроений, актуализировалась формула «спектакля», в котором использовались приемы политического и культурного акциониз-

ма, направленные не против реальных носителей и «спонсоров» молодежного экстремизма, а мишенью становились представители конкурирующих молодежных групп. Явной передержкой можно считать «сожжение книг», «охоту против реакционных интеллектуалов», применение нелегитимных уличных способов в борьбе с «экстремистами».

Собственно, так и не был выработан реальный взвешенный подход, позволяющий задействовать систему социально-правового контроля общества. Реально социально-правовой контроль противодействия и нейтрализации молодежного экстремизма состоит в широкой позитивной мобилизации молодежи, переключения энергии и внимания на социально-значимые цели, закрепленные в правовых нормах. Это означает, что практикам правоприменения должна предшествовать презентативная общественная экспертиза, включающая спектр участия, связанного с положением молодежи в российском обществе и интересами молодежной политики.

Однако в контексте противодействия и профилактики молодежного экстремизма можно говорить о нормативном состоянии, о желательности гражданской, государственно-партнерской схемы работы по мониторингу молодежного экстремизма. Действующие общественные ассоциации и советы при региональных администрациях играют консультативную, а часто и презентативную роль, являясь «регистраторами» экстремистских действий, то есть, следуя за работой правоохранительных структур.

Конечно, такая связка более удобна, чем отсутствие взаимодействия со структурами, ведающими вопросами порядка и безопасности. Вместе с тем не достигнуто состояние социально-правового контроля как системного, регулярного воздействия на молодежную среду с целью создания вокруг экстремистских групп «вакуума» и изоляции, содействия со стороны молодежи правоохранительным структурам в оказании не только репрессивного, но и реститутивного влияния на настроения и действия молодых экстремистов. [Баранов, Шпак, 2004].

Важным моментом можно считать соучастие молодежных ассоциаций в разработке и обкатке критериев и методов социально-правового контроля. Правотворчество и правоприменение в данной сфере актуализированы по степени рисков и угроз со стороны экстремистских групп. В этом отношении, как отмечалось ранее, сделано немало, в то же время есть конструктивные критические соображения и замечания относительно роста эффективности правоприменения, сбалансированного распределения работы между правоохранительными структурами, в частности избавление от ненужной нагрузки судебной системы, хотя можно сказать, что рост судебных решений по проблеме молодежного экстремизма может свидетельствовать о том, что слабо и нерезультативно ведется профилактическая деятельность в форме социально-правового контроля.

Рассматривая дискурс молодежного экстремизма как язык вражды, ненависти, недоверия в обществе, утверждаемый через легитимацию неприятия, недоверия и агрессивности по отношению к государственным и общественным институтам, отдельным социальным и этническим группам, следует исходить из того, что в российском обществе не преодолен эффект маргинализации права, что формально правовые институты, призванные обеспечивать социально-правовой порядок, испытывают дефицит институционального доверия (30 %) [Российское общество..., 2015].

Казалось бы, 16 % «абсолютно не доверяющих» не являются кризисным показателем, но есть риск того, что применение регрессивного права вызывает эффект еще большего отторжения правоохранительной системы, когда правонарушения экстремистского толка могут оцениваться как репрессии против «инакомыслящих», внушение страха молодежи. На фоне институционального недоверия это не приводит к рациональной оценке эффективности правоприменения [Селигмен, 2002].

Сложность состоит в том, что социально-правовой контроль имеет минимальные стандарты в функциональном доверии, то есть признании необходимости правового воздействия, и оптимальные стандарты в институциональном доверии, реализации ожиданий по отношению к правоохранительным структурам как действующим компетентно и без-

упречно в контексте выполнения предписанных целей и задач. Об этом нужно говорить, поскольку развитие социально-правового контроля как актуализации институциональных ресурсов права для проведения социальных, социально-психологических и информационных средств воздействия на молодежную среду предполагает хотя бы функциональное доверие. Этот вопрос, внешне концептуальный, в реальности – характеризуется тем, что можно квалифицировать как актуализация социальных регуляторов права. Обладая нормативностью, право направлено на использование не только юридико-технических, но и социально групповых процедур, стимулирования моральных и корпоративных норм, позволяющих противодействовать молодежному экстремизму.

Очевидно, что в современном российском обществе, где проявляется конфликт интересов и высока степень социальной атомизации и поляризации, трудно достичь консолидированной общественной позиции относительно признания молодежного экстремизма как абсолютного зла. Но, если исходить из того, что юриспруденция подходит к проблеме молодежного экстремизма как определенное регулирующее значение для общественных отношений, то следствием является воспитательное воздействие права, выведение морально-этических смыслов из профилактики молодежного экстремизма. Конкретно это проявляется в том, что формируется образ экстремизма как зоны недопустимой вседозволенности, социальной аморальности и цинизма, антипатриотизма и пренебрежения базовыми человеческими ценностями.

Поэтому неудивительно, что акции, предпринимаемые против экстремистских действий, требуют повышения информационной компетентности молодежи, взвешенного освещения в массмедиа с учетом интересов и позиций молодежной аудитории. Общество проигрывает в борьбе с молодежным экстремизмом, если вполне оправданные правовые решения интерпретируются как диктат государства по отношению к правам и свободам молодежи или ее неодобряемым инициативам и протестным действиям.

Долговременная способность принимать правовые решения и обеспечивать их соблюдение в значительной степени зависят от критериев законности и эффективности. Если законность находится в политико-правовой сфере, эффективность имеет практические акценты именно в социально-правовом контроле, так как интерес и вовлеченность в общество к воздействию права как системы социальных регуляторов социального института создают фон удовлетворительности/неудовлетворительности тем, как выполняются функции порядка и безопасности. Относительно молодежного экстремизма можно говорить о том, что правовые методы, посредством которых российское государство действует на молодежный экстремизм, соответствуют критерию законности, но правовые решения не создают фона общей политической стабильности и порядка и являются основой твердого доверия к правилам игры, в соответствии с которыми антиэкстремистская деятельность воспринимается как должное.

Можно предположить, что оптимальным способом развития социально-правового контроля является лояльное отношение молодежи к политической системе в целом и практикам правотворчества и правоприменения как содержащим возможность для молодежи воспринимать правовые решения и с точки зрения инструментальной эффективности и законности, и возможности доступа к принятию правовых решений.

Очевидно, что актуализированное в российской социологии определение молодежного экстремизма как особого социального явления, которое формируется на основе повышенной экстремальности сознания и поведения молодежи [Социология молодежи, 2008], в определенной степени нацеливает на расхождение с практиками правоприменения, так как фиксирует особенности транзитивного статуса молодежи, но не содержит указания на ее гражданскую ответственность. Между тем социально-правовой контроль основывается на позитивной направленности права, на том, что правовые решения жесткие, но справедливые, что группы молодежи с крайне экстремальными настроениями переступают грань закона и порядка, подлежат безусловному общественному осуждению.

Так как дискурс молодежного экстремизма в российском обществе является «закрытым», не перешел в состояние сбалансированного и объективного обсуждения, идейные мотивы экстремизма в молодежной среде в основном ассоциируются с нигилизмом, пока сложно ожидать, что в российском обществе экстремизм будет квалифицироваться не по отдельным экстремистским выходкам и акциям, а корректно связываться с реальными группами и движениями. Отмечается, что потенциал экстремизма в современных молодежных движениях достаточно высок, но нельзя ограничиваться констатацией данного, вполне обоснованного, факта, есть сложность в определении степени общественной опасности и риска экстремистских действий.

Отмечая, что благодаря усилиям правозащитных структур, «перехвативших» инициативу в дискуссии по этой деликатной и болезненной теме, артикулируются опасности ксенофобии, национализма, расизма, мигрантофобии, но более обосновано говорить о включении в экстремистский тренд новых явлений, таких как экологические, неоанархистские, акционистские движения. В этом убеждает и анализ молодежных субкультурных практик (вовлечены 65 % молодежи), и высокий уровень политического нигилизма и индефферентизма в молодежной среде.

Возможный всплеск экстремистских настроений предсказуем на фоне социально-экономического кризиса, но реальные политические контуры формируются, если вместо социальной диагностики экстремизму придается характер событийности, ограничения социально-бытовой сферой, когда исследовательское внимание акцентируется на влиянии только внешних сил. Можно говорить о том, что в обществе есть объективный запрос на социально-правовой контроль молодежного экстремизма.

Во-первых, созданная система административно-правового и политического регулирования имеет тенденцию к росту эффективности при институциональном доверии молодежи к правоохранительным структурам, то есть происходит переход от эмоционально-оценочного отношения к рациональному социальному поведению, принятию правовых решений в этой среде как продиктованных соображениями общественной полезности.

Во-вторых, учитывая разнообразие экстремистских акций в молодежной среде, очевидно, что социально-правовой контроль является гражданским контролем, системой действий общественных и молодежных организаций, направленных на формирование в молодежной среде позитивной мобилизации, в которой право как социальный институт становится коридором возможностей идентификации молодежи с обществом и предполагает интолерантность к экстремизму, понимание борьбы с молодежным экстремизмом как важное условие стабильного и устойчивого развития страны.

В-третьих, примечательно, что экстремистские явления и настроения в молодежной среде снижаются и локализуются в условиях роста альтернативных волонтерских движений молодежи, принятия в качестве ориентира укрепления социального и правового государства, России как общего дома многонационального российского народа, поддержки демократии и социальной справедливости.

Список литературы

1. Американская социология. 1972. М., Прогресс: 392 с.
2. Баранов П.П., Шпак А.В. 2004. Сила права: политико-институциональный анализ. Ростов-на-Дону, М-во внутр. дел РФ: 140 с.
3. Бурдьё П. Социология политики. 1993. Пер. с фр. М., Socio-Logos: 336 с.
4. Горшков М.К. 2017. Российское общество в контексте новой реальности. М., Весь мир: 104 с.
5. Игошин И.Н. 2003. Институциональные искажения в российском обществе. М., Директмедиа Паблишинг: 151 с.
6. Ильинская С.Г. 2007. Толерантность. М., Праксис: 288 с.

7. Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М., Юрист: 538 с.
8. На перепутье. 1999. М., Логос: 237 с.
9. Российское общество и вызовы времени. 2015. Кн. 1. М., Весь мир. 336 с.
10. Селигмен А. 2002. Проблема доверия. Пер. с англ. М., Идея-Пресс: 256 с.
11. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. 2008. М., Academia: 666 с.

References

1. Amerikanskaya sotsiologiya [American sociology]. 1972. М., Progress: 392 p.
2. Baranov P.P., Shpak A.V. 2004. Sila prava: politiko-institutsional'nyy analiz [The power of law: political and institutional analysis]. Rostov-na-Donu, M-vo vnutr. del RF: 140 p.
3. Burd'yo P. Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]. 1993. Translated from French. М., Socio-Logos: 336 p.
4. Gorshkov M.K. 2017. Rossiyskoye obshchestvo v kontekste novoy real'nosti [Russian society in the context of a new reality]. М., Ves' mir: 104 p.
5. Igoshin I.N. 2003. Institutsional'nyye iskazheniya v rossiyskom obshchestve [Institutional distortions in Russian society]. М., Direktmedia Pablihnng: 151 p.
6. П'inskaya S.G. 2007. Tolerantnost' [Tolerance]. М., Praksis: 288 p.
7. MankheyM K. 1994. Diagnoz nashego vremeni [The diagnosis of our time]. Translation from German and English. М., Yurist: 538 p.
8. Na pereput'ye. [At a crossroads]. 1999. М., Logos: 237 p.
9. Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian society and the challenges of the time]. 2015. Book 1. М., Ves' mir: 336 p.
10. Seligmen A. 2002. Problema doveriya [The problem of trust]. Translation from English. М., Ideya-Press: 256 p.
11. Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar' [Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary]. 2008. М., Academia: 666 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Римский А.В. 2019. Молодежный экстремизм: сфера социально-правового контроля. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 427–433. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-427-433

Rimskiy A.V. 2019. Youth extremism: sphere of social and legal control. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 427–433 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-427-433

УДК 316

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-434-442

**«ЦИФРОВОЙ ЭКСПИБИЦИОНИЗМ»:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

**«DIGITAL EXHIBITIONISM»:
SELF-IDENTIFICATION IN THE INFORMATION SOCIETY**

В.В. Слюсарев¹, Т.М. Хусяинов²

V.V. Sliusarev, T.M. Husyainov

- 1) Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23/3
- 2) Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12

- 1) National Research Lobachevsky state university of Nizhni Nivgorod,
23/3 Gagarina av., Nizhni Nivgorod, 603022, Russia
- 2) National Research University Higher School of Economics,
25/12 Bolshaya Pecherskaya st., Nizhni Nivgorod, 603155, Russia

e-mail: timur@husyainov.ru; slyusarevvladimir@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается влияние интенсивного развития информационных и коммуникационных технологий на личность и восприятие ею своего места в социуме. Авторы обращаются к ключевым вопросам, обусловленным особенностью современной жизни – непосредственной связью с сетью Интернет: как воспринимается человеческое тело в виртуальном мире, что значит для человека постоянное присутствие в сети, так ли безопасен виртуальный мир для человека по эту сторону экрана. Анализ совокупности факторов проявления социальности и самоидентификации личности пользователя Глобальной сети позволяют поставить вопрос, а есть ли реальный человек в социуме без его виртуального аватара.

Abstract

The authors emphasize that the current state of culture is determined by information and communication technologies. The advantages of these technologies are unconditional, but the intensity of their implementation does not allow us to comprehensively consider them - we are always included in the process of their becoming. The authors focus their attention on elected problems - the existence of the body in real and virtual space, the constant involvement in communication in the network, the security of the information space and virtual communication for a real person. The totality of these problems allows one to say, on the one hand, about the illusory nature of modern society, of communication and of human, and, on the other hand, of the need for illusions for humanity in its everyday life. The authors concluded that immersed in the illusory world of digital reality, it is necessary to seek and find ways of preserving the real person, Homo Genus, at least until we ourselves become an illusion.

Ключевые слова: информационное общество, киберреальность, самоидентификация, виртуальная реальность, виртуальное пространство.

Keywords: information society, cyber-reality, self-identification, virtual reality, virtual space.

Введение

Современное состояние культуры задается Глобальной сетью Интернет. С момента массового распространения доступа к Сети общество изменилось раз и навсегда. Человек просыпается по будильнику, синхронизированному с сервером контроля времени, и, первым делом начинает проверять новые сообщения, пришедшие на e-mail, записи в онлайн-календаре, и, конечно же, сообщения и новости в социальных сетях, отклики («лайки» и комментарии) на собственные сообщения и медиафайлы, размещенные в Сети.

Проникновение виртуальных социальных сетей, социальных медиа в жизнь каждого человека не может не оказывать влияния на его жизненный мир (*Lebenswelt*). При этом наибольшее воздействие оказывается на подростков и молодежь – активных пользователей самых современных устройств и технологий, которые являются субъектами длящегося процесса социализации. Социальная среда, социальное пространство человека окончательно изменилось, расширившись до мегалитических масштабов. При этом включение в киберреальность приводит как к возникновению совершенно новых явлений, так и к трансформации уже существовавших ранее. Меняется отношение к своей личности, телу, социальному и физическому окружению.

Подобно тому, как в рыночной экономике существует явление «рыночной тяги», которое, с одной стороны, обоснованно стремлением рынка потреблять, а с другой – представляет собой необходимость для экономического субъекта постоянного производства инноваций, так и в современной социально-информационной коммуникации социальных сетей возникает явление «социальной тяги». Как и в экономических процессах, появляются два элемента. Первый побуждает человека к постоянному потреблению новой информации «о других» и «о мире» [Кутырев, 2007]. Так как скорость изменения социального дискурса невероятно возросла и «промедление [социальной] смерти подобно» – отсутствие обновления сведений о других приведет к определенного рода «выпадению» из социального дискурса. Чтобы быть в курсе дел, происходящих внутри социальных сетей, необходимо быть онлайн максимальное количество времени, иначе возникает риск (а вместе с ним и страх) оказаться на обочине коммуникации. Второй элемент – постоянная необходимость публиковать информацию о себе, как единственный способ подтвердить свое существование. При этом, разумеется, требуется создавать о себе как можно более интересный контент, который бы говорил, что ты не существуешь обыденной жизнью, а живешь увлекательно и лучше других. Иными словами, возникает давление социальной сети на личность, которая требует от нее максимум оригинального и медийного контента.

Совокупность подобных изменений социальной среды человека, тем более в столь краткий срок, неизбежно ведет к развитию разного рода частных девиаций.

Виртуальное пространство и реальное тело

Несмотря на высокое включение в виртуальное пространство личности современного человека, он по-прежнему не может «оторваться» от своего тела. И именно это тело (а точнее – его образ) становится одним из важнейших атрибутов виртуальной социальной жизни. Пользователи социальных сетей размещают свои фотографии, фотографии окружающих людей и среды – селфи, групповые снимки, фотографии на фоне различных объектов и т.д. На этой волне приобретают особую популярность социальные сети, основанные на распространении и обмене личными фотографиями и видеоматериалами (например, Инстаграм).

Тело, зафиксированное на фотографии и видео, становится объектом потребления для окружающих, удовлетворения собственного эго, собственной потребности в социальном признании, самоутверждении в качестве востребованного товара. Исследователи отмечают рост значение социальной сети Инстаграм, как особого жанра виртуальной коммуникации, который приобретает все большее значение [Caerols-Mateo et al., 2013; Карпоян, 2015].

Растет число видеоблогеров, инстаграм-блогеров, моделей, фотографов и операторов, а также тех, кто занимается «оформлением» тела для дальнейшей съемки – визажисты, стилисты, костюмеры. Целая сфера в индустрии развлечений обеспечивает человека «красивым телом» в виртуальном пространстве. Более того, огромное внимание стало уделяться «здоровому образу жизни», ключевым элементом здоровья в котором является внешний вид. Необходимость выглядеть как модель подчас становится важнее здоровья человеческого тела как комплексного явления. Возник целый кластер услуг по продаже «здорового питания», стимуляторов мышечной активности, энергетиков и т.п., а также тех, кто демонстрирует другим пользователям подобный образ жизни – блогеров, транслирующих его в различных социальных медиа. В конечном итоге это ведет к созданию иллюзии здорового крепкого человека, хотя в реальности большая часть его «сил» питается за счет фармакологических стимуляций.

Другое направление связано с созданием разного рода эффектов («фильтров») для фото- и видеоматериалов, которые приносят в аналоговое изображение совершенно нереальные черты. Создание цифрового аватара в сети не обязывает быть на него похожим. Человек начинает стремиться к виртуальному присутствию, цифровизации собственного «Я», созданию его не столько симуляции, сколько симулякра. Ведь не только виртуальный образ, но и манера поведения или образ жизни могут отличаться у реального человека и его цифровой версии. Создается еще одна иллюзия – иллюзия тотального счастья и благоденствия. Подобно жителям Изумрудного города, мы смотрим на окружающий нас мир сквозь призму (одно из популярных приложений с набором фильтров так и называется – Prisma) виртуальной социальной реальности, которая превращает ее в идиллическую картину тотального утопического «всесчастья». Невольно вспоминается О. Хаксли с его «Сомы грамм и нету драм» [Huxley, 2017], где «сома» современного человека – это «Фейсбук» (Facebook), «В Контакте», «Инстаграм» (Instagram).

Жизнь в режиме онлайн

Последние несколько лет можно охарактеризовать как бум распространения различных мобильных устройств, которые стали заменой большинству технических средств. Практически у каждого человека есть мобильный телефон, все больше людей начинают пользоваться мобильным интернетом, что приносит огромные потоки информации в их жизнь. Причем оторваться от этого становится очень сложно. Большинство контактов переходит из телефонной книжки в социальные сети и электронную почту. Обязательным атрибутом путешествия или важного события в жизни пользователя становится публикация фотографии или текста.

Поэтому отрыв от Глобальной сети может переживаться болезненно и вызывать отторжение, панику. В контексте глобализации и информатизации человек привык к возможности постоянного взаимодействия с другими, находящимися в любой точке мира. Как это описывал Зигмунд Бауман в работе «Европа незнакомцев», теряются контакты с близкими/ближними и возникают на смену им коммуникации с теми, кто находится далеко. При этом такие связи, с одной стороны, достаточно «хрупкие», так как утрата доступа к сети может отсечь человека от привычного для него окружения, оставив в одиночестве. С другой стороны, эти контакты более «гибкие», так как человек общается с тем, с кем и когда ему этого хочется. Наибольший уровень одиночества отмечается там, где высок уровень распространенности социальных медиа. При этом сами социальные сети – платформы – должны ослаблять чувство одиночества, в особенности те, которые основаны на фотографиях. Как продемонстрировали современные психологические исследования, именно использование социальных сетей, основанных на изображениях, расширяют социальное присутствие личности, снижает чувство одиночества и увеличивает ощущение счастья [Pittman, Reich, 2016].

Высокий уровень именно виртуальной коммуникации может стать основой для проблем в определении эмоционального состояния других людей и, как следствие, низкой эмпатийности и сосредоточенности на собственных негативных переживаниях. Совокупность подобных факторов может привести к возникновению делинквентного поведения [Белобрыкина, Лимонченко, 2017]. Кроме того, в контексте некоего фихтевского противопоставления «Я – не Я», человек оказывается в ситуации, которая позволяет ему снять с себя груз ответственности. Помимо внутреннего оппонента, всегда присущего сознанию, появляется (а подчас и замещает его) внешний, представленный в виде социума. Любое решение можно обсудить, всегда можно спросить совета, получить рекомендации. И сделать это можно быстро, в любом месте и времени. Таким образом формируется определенного рода внешняя, социальная нравственность, обусловленная наличием доступа к Сети. Принятие решения более не является исключительностью субъекта как тела – субъект становится внетелесным. Любое действие выносится на коллективное обсуждение, а автор – на суд лайков и комментариев. Подобная нравственность формируется в условиях отсутствия традиционных ценностей, которые бы задавали границы допустимого [Кутырев, 2015]. Отсутствие регламентации в Интернете позволяет совершать там все, что будет угодно – в том числе и то, что недоступно/запрещено в реальной жизни.

Вместе с исчезновением доступа к Глобальной сети, человек теряет часть или даже все социальные контакты, оказывается замкнут и не имеет возможности демонстрировать другим свою жизнь и получать «одобрение» в виде различных виртуальных средств – смайликов, оценок, комментариев. Поэтому все больше людей предпочитают оставаться постоянно в режиме онлайн. Также это может быть связано со спецификой их деятельности, так как для ряда современных профессий отключение от потока актуальной информации чревато негативными последствиями (неполучением важных сообщений от коллег, поручений от начальства и т.п.), к тому же в условиях флексибилизации работник должен быть доступен в любую минуту, в противном случае он может быть заменен другим.

Подобное положение связано с тем, что число стандартных рабочих мест сокращается и нарастает процесс прекаризации, увеличивается доля прекаритета и самозанятых, чей труд практически полностью лишен социальных гарантий. Вместе с изменением социума человек лишается и привычного ему социального обеспечения – он перестает быть в безопасности от неожиданностей, связанных с его реальным телом – болезней, травм, недомоганий.

Ведение публичных страниц в различных социальных медиа является неотъемлемой частью имиджа человека или компании. Поэтому практически у всех известных людей есть персональные страницы, а также продуманная стратегия по их наполнению, т.к. это является важной составляющей их образа, а вместе с ним и востребованности. Однако при этом количество данных страниц никак не регламентировано и имеет лишь условную связь с реальным человеком. Иными словами, один и тот же человек может иметь несколько вариаций самого себя и/или собственного имиджа. Так, например, чувство анонимности и безопасности позволяет людям выкладывать в сеть видео откровенного содержания или выступать в качестве модели на сайтах, предлагающих услуги виртуального секса. Отсутствие внешнего контроля приводит к регламентации исключительно внутренней нравственностью. Невозможность какой-либо идентификации аватара и реального человека создают иллюзию безопасности и конфиденциальности.

Кроме того, нередко возникают копии, так называемые фэйки, известных людей или брендов, авторы которых, пользуясь большим числом открытых сведений, могут создать публичный профиль и продвигать его под видом подлинного [Vishwanath A., 2015]. Но и обычный человек, предоставивший в Сеть и открытый доступ большое количество личных данных, рискует потерять свою виртуальную идентичность и быть «украденным». Это ставит серьезный вопрос о безопасности личных данных в контексте информационной реальности.

Открытый мир: безопасность или ее иллюзия

Несмотря на то, что целая категория пользователей стремится сохранить свою анонимность, тяга к размещению фотографий своего тела в виртуальном пространстве может сохраняться. Результатом этого является создание особых эффектов – «фильтров», скрывающих лицо, но сохраняющих телесность человека. Также люди активно используют возможности сохранения анонимности и произвольной самопрезентации (вместо личных фотографий используют сторонние изображения, а вместо настоящего имени – псевдоним (никнейм)). Однако даже при стремлении скрыть свою личность размещают какую-то информацию о себе, своих мыслях и чувствах. Примером подобных пользователей могут быть сетевые художники, которые скрывают свои персональные данные, однако делятся своим творчеством, пишут доступные для других пользователей сообщения, отвечают на вопросы и т.д. [Чеснокова, 2018]. При этом, как демонстрируют исследования, именно опосредованность коммуникации при помощи технических средств влияет на большую открытость пользователей [Misoch, 2015].

Стоит отметить, что социальные сети в частности и Глобальная сеть в целом не являются пространством бесконтрольного распространения информации, так как в большинстве государств мира принимаются законодательные акты, призванные контролировать и ограничивать действия, способные навредить как отдельной личности, так и целым социальным группам. Так, сообщения оскорбительного характера или же распространение чужой личной информации могут быть пресечены со стороны не только органов правопорядка, но и администрации социальных медиа. Примечательно, что на волне популярности определенных стандартов красоты и распространении этих образов с определенным текстом возникают проблемы, порождаемые нарушением пищевого поведения в угоду моде. Примером подобного феномена стал рост сообществ, ориентированных на расстройство пищевого поведения (pro-ED), которые позиционируют его как альтернативный образ жизни, а не угрозу здоровью [Arseniev et al., 2015]. Реакцией со стороны администрации социальной сети Инстаграм стала фильтрация сообщений по ключевым словам. Для того, чтобы обезопасить пользователей от фейковых аккаунтов, вводятся системы аутентификации и верификации, связанные с реальными документами пользователей.

Другим примером защиты частной жизни со стороны самих социальных медиа, стало введение модерации медиафайлов после распространения феномена «порномести», когда один из партнеров после разрыва отношений выкладывал фотографии и видео интимного или даже сексуального характера с участием другого в социальные сети. После волны подобных случаев в социальной сети Facebook возник фильтр на основе нейросети, который удаляет подобные видео как из общего доступа, так и из личных сообщений [Кречетова, 2017]. В тоже время в американском обществе происходят процессы криминализации данного явления [Chancellor et al., 2016], однако законотворческий процесс требует достаточно большого количества времени, а также не может предотвратить подобные ситуации, но имеет возможность наказать виновных.

Как уже было обозначено, на данный момент в Сеть с добровольного согласия пользователей попадает огромное количество их личных данных. Введение разного рода верификаций осложняется проблемой, вызванной невозможностью отличить реального пользователя от виртуального, так как в ряде случаев злоумышленники могут располагать копиями документов пострадавшего. В подобном случае социальная социальная сеть сталкивается с длительной процедурой идентификации нескольких виртуальных аватаров и попытками понять, кто же из них более реален.

Попытка защитить пользователей с позиции законодательства сталкивается с двумя фундаментальными проблемами. Первая из них – инерция законотворческих органов, которые не могут соперничать в оперативности и сложности построений свода законов с развитием информационно-цифровых технологий. Так, нормы регулирования Интернет-занятости появились лишь через несколько лет после распространения самого феномена и

далеко не во всех странах [Сизова, Хусяинов, 2018]. Как правило, законодательство предусматривает меры борьбы лишь с реальными последствиями цифровых правонарушений, не затрагивая собственно цифровую сферу [Lillis D. et al., 2016]. В качестве примера можно привести ситуацию с онлайн-казино или группами/сайтами с порнографией. Так, для их блокировки требуется официальное решение суда общей юрисдикции, что, соответственно, требует полноценного уголовного процесса, который занимает довольно продолжительное время. В то же время создать новый сайт/группу – дело нескольких минут. Это приводит ко второй проблеме регламентации Интернета – распространенности данных в Сети, для которой фактически не существует границ государств, а вместе с ними не существует и определяемых этими границами государственных законодательных норм.

Происходящее в информационной сфере очень схоже с тем, что происходит в трудовой сфере – рост числа независимых профессионалов. В новых условиях человек принимает основные риски на себя, он самостоятелен и независим, способен принимать решения, однако и ответственность за них ложиться на него. Формируется так называемый плоский мир – третья стадия глобализации, описанная Томасом Фридманом [Фридман, 2007], когда её участниками становятся отдельные индивидуумы и малые группы.

Заключение

Подводя итог, отметим, что современный человек буквально «оплетен» информационными потоками, в связи с чем очень открыт окружающему миру. Теперь любой желающий может на его личной странице в социальных сетях узнать о наличии близких отношений с кем-то, месте работы и должности или увидеть фотографии домашнего питомца, узнать привычки и вкусы. Пользователь ежедневно оставляет в Сети «следы», делая комментарии, выкладывая сообщения и фотографии, слушая музыку и смотря видео, при этом многие стремятся сделать свой контент как можно более массовым, чтобы наибольшее число пользователей с ним ознакомились. Таким образом, найти информацию о любом человеке и его активности в Глобальной сети становится все проще, а с развитием цифровых технологий это занимает все меньше времени и требует все меньше усилий, так как нейросети в сочетании с машинным обучением и Большими данными (Big Data) способны делать это очень эффективно.

Другой важный аспект связан с развитием виртуальной коммуникации. В данном случае мы можем говорить как о позитивных моментах, когда человек устанавливает дружеские отношения, так и о негативных, когда появляются такие проблемы, как кибербуллинг. Высокий уровень открытости данных конкретного человека может дать большие возможности для различных противоправных действий против личности. Так, отметка о месте нахождения может быть использована как для причинения вреда самому человеку, так и его собственности во время его отсутствия; размещенные личные сведения могут стать основой для травли или шантажа; нарастающее число открытых личных данных становится основой для мошенничества и обмана, т.к. преступник имеет возможность всесторонне изучить свою жертву.

Кроме того, растущее число ложных новостей на волне феномена постправды и фейковой журналистики приводит к недоверию к традиционным СМИ и заставляет человека искать информацию в иных источниках. Сеть приобретает статус нового публичного пространства [Казаков, Кутырев, 2013]. У человека формируется доверие к Сети, где меняются традиционные понятия достоверности и доверия, формируется собственная когнитивная эвристика в оценке этой достоверности [Metzger, Flanagan, 2013]. Сеть становится не просто виртуальной реальностью наподобие событий в книгах – она трансформируется в онтологически самостоятельный подвид реальности. Для среднестатистического человека Сеть наполнена целым спектром иллюзий, который предоставляет доступ не только и не столько к личным данным, сколько к личности пользователя в целом. При этом доступ получают не только избранные, как может показаться, но и опосредованно любой пользо-

ватель Сети. Подобное явление напоминает такую форму девиации, как эксгибиционизм, однако выраженный на совершенно ином онтологическом и психологическом уровне. Человек получает множество эмоций, удовлетворяющих его социальные, статусные, творческие и сексуальные потребности, посредством выставления напоказ всего себя. Самоутверждение в сети может принимать самые разные формы. Например, на волне открытости, в частности создания наукометрических баз данных, растет феномен «хиршемания» среди ученых [Белобрыкина, 2017], которые стремятся повысить свой индекс Хирша любыми способами не только ради заполнения отчетов, но и повышения своего статуса среди других исследователей и собственного самоудовлетворения. При этом совершаются подобные действия не только сознательно, но и неосознанно, лишая человека возможности отказаться от этого способа получения эмоциональной отдачи.

На смену открытости с «близкими», приходит открытость с «дальними», а глобализация затрагивает не только экономику и политику, но и личность человека, поскольку каждый активный пользователь Глобальной сети также становится «глобальным» и стремится выделиться среди миллионов других, делая это при помощи размещаемого контента. Погрузившись в иллюзорный мир цифровой реальности, современному обществу необходимо искать и находить пути сохранения реального человека, Homo Genus, хотя бы до тех пор, пока человечество само не стало иллюзией.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Козволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

Список литературы

1. Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. 2017. Факторы возникновения делинквентного поведения в подростковом возрасте: литературный обзор зарубежных исследований. В кн.: Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2-х т. Т. 2. Нижний Новгород, НИСОЦ: 78–82.
2. Белобрыкина О.А. 2017. Хиршемания как форма аддиктивной-виктимного поведения научных и педагогических кадров в современных условиях. В кн.: Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск, НГПУ: 69–82.
3. Казаков М.Ю., Кутырев В.А. 2013. Интернет как сетевая публичная сфера. Современные проблемы науки и образования, 3: 449. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20909464> (дата обращения 15.07.2018)
4. Карпоян С.М. 2015. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 12, Ч. III: 84–88. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_12-3_21.pdf (дата обращения 15.07.2018)
5. Кречетова А. Facebook против мстителей. Как соцсеть будет бороться с публикацией интимных фото. Forbes. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/tehnologii/352517-facebook-protiv-mstiteley-kak-socset-budet-borotsya-s-publikaciey-intimnyh-foto> (дата обращения 15.07.2018)
6. Кутырев В.А. 2015. Глобальный челове(й)ник: превращение в технос. Философия хозяйства, 6: 247–258.
7. Кутырев В.А. 2007. Человек потребляющий. Философия хозяйства, 6: 99–112.
8. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. 2018. Интернет-занятость: инновационные формы и деформированные состояния. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, 1: 37–45.
9. Фридман Т.Л. 2007. Плоский мир. Краткая история XXI века. М., Аст, 608. (Friedman T. 2005. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. Farrar, Straus and Giroux, 448.)

10. Чеснокова А.С. 2018. Идентичность сетевых художников (на примере социальной сети Twitter). Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018». М., МАКС Пресс: 1-2. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/5000/report/request_302258/76552/uid250277_report.pdf?t=1519896270 (дата обращения 10.06.2018)
11. Arseniev A.A., Hooper L., Lee H., McCormick T., Moreno M. 2015. Pro-Eating Disorder (pro-ED) Social Interaction on Twitter. *Journal of Adolescent Health*, 56(2): 21. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2014.10.042
12. Caerols-Mateo R., Tapia Frade A., Soto A.C. 2013. Instagram, la imagen como soporte de discurso comunicativo participado. *Revista de Comunicación Vivat Academia*, XV(124): 68–78.
13. Chancellor S., Pater J., Clear T., Gilbert E., De Choudhury M. 2016. #thyghgapp: Instagram Content Moderation and Lexical Variation in Pro-Eating Disorder Communities. *CSCW '16 Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. New York: ACM: 1201-1213. DOI: 10.1145/2818048.2819963
14. Huxley A., 2017. *Brave New World*. N.Y.: Harper pbl.: 272 p.
15. Lageson S.E., McElrath S., Palmer K.E. 2018. Gendered Public Support for Criminalizing «Revenge Porn». *Feminist Criminology*, 0: 1-24. DOI: 10.1177/1557085118773398
16. Lillis D., Becker B.A., O'Sullivan T., Scanlon M. Current Challenges and Future Research Areas for Digital Forensic Investigation. 11th Annual ADFSL Conference on Digital Forensics, Security and Law (CDFSL 2016), Daytona Beach, Florida, USA, 24-26 May 2016. URL: <https://researchrepository.ucd.ie/handle/10197/8126>
17. Metzger M.J., Flanagin A.J. 2013. Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics. *Journal of Pragmatics*, 59: 210-220. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.07.012
18. Misoch S. 2015. Stranger on the internet: Online self-disclosure and the role of visual anonymity. *Computers in Human Behavior*, 48: 535-541. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.027
19. Pittman M., Reich B. 2016. Social media and loneliness: Why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words. *Computers in Human Behavior*, 62: 155–167. DOI: 10.1016/j.chb.2016.03.084
20. Vishwanath A. 2015. Habitual Facebook Use and its Impact on Getting Deceived on Social Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1: 83-98. DOI: 10.1111/jcc4.12100

References

1. Belobrykina O.A., Limonchenko R.A. 2017. Faktory vzniknoveniya delinkventnogo povedeniya v podrostkovom vozraste: literaturnyi obzor zarubezhnykh issledovaniy. [Factors in the occurrence of delinquent behavior in adolescence: a literature review of foreign studies]. In: *Transformatsiya chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh III Vserossiyskogo nauchnogo foruma «Nauka budushchego – nauka molodykh»* [Transformation of human potential in the context of the century: materials of the International Scientific and Practical Conference in the framework of the III All-Russian Scientific Forum "The Science of the Future - Young Scientists"]. V 2-kh t. Vol. 2. Nizhniy Novgorod, NISOTs: 78-82.
2. Belobrykina O.A. 2017. Khirshemaniya kak forma addiktivnoi-viktimnogo povedeniya nauchnykh i pedagogicheskikh kadrov v sovremennykh usloviyakh. [Hirschmania as a form of addictive-victimized behavior of scientific and pedagogical personnel in modern conditions]. In: *Sotsial'no-psikhologicheskaya otsenka riskov sovremennoy real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe*. Novosibirsk, NGPU: 69-82.
3. Kazakov M.Yu., Kutyrev V.A. 2013. Internet as a network public sphere. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 3: 449. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20909464> (accessed 15 July 2018) (in Russian)
4. Karpoyan S.M. 2015. Instagram as a special genre of virtual communication. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12, Part III: 84-88. Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_12-3_21.pdf (accessed 15 July 2018) (in Russian)

5. Krechetova A. Facebook against the Avengers. How sotsset will fight with the publication of intimate photos. Forbes. Available at: <http://www.forbes.ru/tehnologii/352517-facebook-protiv-mstiteley-kak-socset-budet-borotsya-s-publikaciey-intimnyh-foto> (accessed 15 July 2018) (in Russian)
6. Kutyrev V.A. 2015. Global man (yoni) to: the transformation into technos. *Filosofiya khozyaystva*, 6: 247-258. (in Russian)
7. Kutyrev V.A. 2007. The person consuming. *Filosofiya khozyaystva*, 6: 99-112. (in Russian)
8. Sizova I.L., Khusyainov T.M. 2018. E-work: innovative forms and deformed states. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 1: 37-45. (in Russian)
9. Fridman T.L. 2007. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. Moscow, Ast, 608. (Friedman T. 2005. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. Farrar, Straus and Giroux, 448.) (in Russian)
10. Chesnokova A.S. 2018. Identity of network artists (on the example of social network Twitter). In: *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2018»*. Moscow, MAKS Press: 1-2. Available at: https://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/5000/report_request_302258/76552/uid250277_report.pdf?t=1519896270 (accessed 10 Juny 2018) (in Russian)
11. Arseniev A.A., Hooper L., Lee H., McCormick T., Moreno M. 2015. Pro-Eating Disorder (pro-ED) Social Interaction on Twitter. *Journal of Adolescent Health*, 56(2): 21. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2014.10.042
12. Caerols-Mateo R., Tapia Frade A., Soto A.C. 2013. Instagram, la imagen como soporte de discurso comunicativo participado. *Revista de Comunicación Vivat Academia*, XV(124): 68-78.
13. Chancellor S., Pater J., Clear T., Gilbert E., De Choudhury M. 2016. #thyghgapp: Instagram Content Moderation and Lexical Variation in Pro-Eating Disorder Communities. *CSCW '16 Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. New York: ACM: 1201-1213. DOI: 10.1145/2818048.2819963
14. Huxley A., 2017. *Brave New World*. N.Y.: Harper pbl.: 272 p.
15. Lageson S.E., McElrath S., Palmer K.E. 2018. Gendered Public Support for Criminalizing «Revenge Porn». *Feminist Criminology*, 0: 1-24. DOI: 10.1177/1557085118773398
16. Lillis D., Becker B.A., O'Sullivan T., Scanlon M. Current Challenges and Future Research Areas for Digital Forensic Investigation. 11th Annual ADFSL Conference on Digital Forensics, Security and Law (CDFSL 2016), Daytona Beach, Florida, USA, 24-26 May 2016. URL: <https://researchrepository.ucd.ie/handle/10197/8126>
17. Metzger M.J., Flanagin A.J. 2013. Credibility and trust of information in online environments: The use of cognitive heuristics. *Journal of Pragmatics*, 59: 210-220. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.07.012
18. Misoch S. 2015. Stranger on the internet: Online self-disclosure and the role of visual anonymity. *Computers in Human Behavior*, 48: 535-541. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.027
19. Pittman M., Reich B. 2016. Social media and loneliness: Why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words. *Computers in Human Behavior*, 62: 155-167. DOI: 10.1016/j.chb.2016.03.084
20. Vishwanath A. 2015. Habitual Facebook Use and its Impact on Getting Deceived on Social Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1: 83-98. DOI: 10.1111/jcc4.12100

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. 2019. «Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификация личности в условиях информационного общества. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 434–442. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-434-442

Sliusarev V.V., Husyainov T.M. 2019. «Digital exhibitionism»: self-identification in the information society. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 434–442 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-434-442

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 37.013

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-443-451

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ

PHILOSOPHICAL AND SPIRITUAL AND PRACTICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE WHOLE PERSON

А.В. Пересыпкина, М.Ю. Ширманова**A. V. Peresyapkina, M. Yu. Shirmanova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: peresyapkina_av@bsu.edu.ru; shirmanova@bsu.edu.ru

Аннотация

Изучение вопросов духовно-нравственного воспитания приводит к исследованию значения религиозного мировоззрения для образования личности. Материалистическая, детерминистская концепция человека, которая превалирует в современном образовании, не способствует развитию личностных качеств, связанных с пробуждением и актуализацией в человеке сущностной самобытной духовной силы, связанной с радостью и миром истинной свободы и самореализацией личности. В статье рассматривается вопрос о значении мировоззренческих и духовно-практических условий для образования целостной личности через осознания личностью действия этой самобытной сущностной духовной силы, понимаемой как благодать.

Abstract

The study of personal education shows that the intellectual development of man, improving his rational and logical abstract thinking, analytical skills, the ability to produce and accumulate all kinds of information about the world does not exhaust the completeness of the tasks facing real education. Understood as the development of mental abilities of the whole person, education must necessarily be based on the development of its spiritual, moral, volitional principles. Recognition of the spiritual and practical component of personality education leads to the study of the importance of religious worldview for the realization of its goals and objectives. The materialistic deterministic concept of man, which prevails in modern education, does not contribute to the development of personal qualities associated with the awakening and actualization in man of the essential original spiritual force, which is the basis of its intelligence and integrity. The article discusses the significance of adequate human nature worldview and the spiritual and practical conditions necessary for the reasonable education of the whole person through the understanding of its effects this original essence of spiritual power, understood as grace.

Ключевые слова: образование, духовная жизнь, воспитание, духовное просвещение, христианское мировоззрение, самореализация личности, духовное творчество, абсолютное добро, благодать, самоосознание.

Key words: education, spiritual life, education, spiritual enlightenment, Christian worldview, self-realization of personality, spiritual creativity, absolute good, grace, self-awareness.

Интеллектуальное развитие человека, совершенствование его памяти, рационально-логического отвлеченного мышления, аналитических способностей, умения добывать и накапливать всевозможную информацию о мире не исчерпывают полноты задач, стоящих перед реальным образованием – созиданием человеческой личности в единстве и целостности ее духовно-нравственного, телесного, чувственного, разумного и волевого начал [Ушинский, 1974; Белозерцев, 1996; Гершунский, 1998; Свешников 2000; Шестун, 2002; Александрова, 2003; Голованова, 2007].

Подлинное образование разумной, духовно-нравственно развитой личности невозможно вне сознательного, целенаправленного воспитания ее воли к добру и духовному совершенству. По сути, весь процесс образования человеческой личности основывается на пробуждении, укреплении и воспитании в ней способности и силы сознательной воли, направленной на творческое самосозидание в себе высших духовных сил и способностей. Без раскрытия этих духовных сил невозможно полноценное ни интеллектуальное, ни физическое развитие человека. Воспитание, таким образом, является не просто важным элементом образования личности человека, а его фундаментом и необходимым условием, важнейшим фактором обучения и деятельности разума.

Определение целей и задач воспитания человека должно вытекать из его природы, соответствовать глубинной сущности человека, его важнейшим базисным потребностям.

Сущность и содержание целей и задач воспитания определяются в зависимости от той философско-мировоззренческой модели сущности человека, которой пользуется педагог. Содержание же этой модели проявляется с максимальной очевидностью именно в определении целей и задач воспитания.

Какие бы образы человека и высшего блага, цели и смысла его жизни не рисовали те или иные философско-мировоззренческие системы, в своем определении и понимании сущности человека и его базисных потребностей они исходят из глубинной интуиции добра – непосредственно осознаваемой живой силы духа, несущей мир, покой, радость, свет, любовь. Сила и глубина осознания и актуализации духовной жизни в различных философско-мировоззренческих системах разная, однако единство их коренной системообразующей глубинной духовной интуиции несомненно.

Основываясь на осознании и реализации этой интуиции духовной жизни в личном религиозном духовном опыте, русский православный мыслитель И.А. Ильин так сформулировал главную цель воспитания личности: «Самое важное в воспитании, – пишет он, – это духовно пробудить ребенка и указать ему перед лицом грядущих трудностей, подстерегающих его опасностей и искушений жизни – истинные силы и утешения в его собственной душе. Надо воспитать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу – духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения... современного сатанизма». [Ильин, 1974, с. 156] Цель воспитания целостной личности – раскрытие в ней той сущностной живой силы, или силы духа, которая не поддается давлению всех тех факторов жизни, которые смогут сломить человека, превратить его в объект воздействия внешних отношений и обстоятельств, существующий по принципу «приспособиться и выжить».

Эта живая сила духа в ее свободе и полноте является главным предметом осмысления русской религиозной философии и педагогики. Так, И.А. Ильин указывал, что главным в деле образования личности учащегося является целостный опыт духовной жизни учителя, которая непосредственно передается ученикам в процессе творческого педагогического общения.

Сознательные, духовно-трезвые устремления воли учителя к свободе, полноте и совершенству живой силы его духа являются главным основанием его воспитательной деятельности, необходимым условием пробуждения, осознания, собирания и раскрытия абсолютного духовного ядра личности ученика. В своей статье «Русский учитель» Ильин писал: «Русский учитель ... должен знать и понимать, что дело не только в развитии наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении духовности в детях. По-

тому он должен сам твердо и ясно постигнуть, что есть духовное начало в человеке, как надлежит будить в детях, укреплять и развивать, как можно пробудить в ребенке религиозное чувство, совесть, достоинство, честь, художественный вкус, братскую сверхклассовую солидарность» [1999, с. 253]

В рамках философского материализма и детерминизма, рассматривающих поведение и душевный строй человека как звено в причинно-следственных связях и обусловленностях материального – космического, физического, биологического, социального – мира, чувство духовного достоинства и потребность человека в свободе и полноте живой силы творческой славы понять и сознательно осуществить практически невозможно.

Будучи не в состоянии отвергать потребности в свободе и полноте живой силы духа, которые непосредственно осознаются человеком, материализм сводит радость и мир духовной жизни к различным материальным, внешним основаниям и причинам. Социально-биологический редукционизм закрывает для человека пути и возможности реального осуществления и творчества его духовной жизни в ее свободе и полноте. Не обладая возможностью адекватно осознать и выразить потребность в свободе и полноте живой силы духа, материализм, гедонизм, утилитаризм, детерминизм толкают человека на неадекватные предмету способы удовлетворения потребности в свободе и полноте радости и мира духовной жизни. Это различные формы деструктивного девиантного поведения: наркомания, алкоголизм, беспрепятственное удовлетворение витальных потребностей и инстинктов.

Раскрытие и осознание духовной жизни человека в ее полноте, целостности и совершенстве, образование личности как творческого и ответственного субъекта свободы и любви возможно лишь в том случае, если теоретическая философско-мировоззренческая модель человека, понимание его сущности и природы, содержания и смысла его бытия предполагает, утверждает и способствует открытию таких сил, способностей и возможностей, реализация и осознание которых ведет к реальному духовному совершенству человека, развитию его духовной жизни.

Наиболее полно, глубоко и действенно высшие духовные чувства, духовные потребности, способности и возможности человека, их сущность и природа осмыслены и выражены в христианском вероучении о человеке как существе, сотворенного Богом-Духом-Любовью по Своему образу и подобию. Христианство дает непротиворечивый теоретический образ человека как лица-личности, несущей в своей сущности образ своего Творца, который этот образ даровал человеку как залог его духовной богоподобной свободы, любви, высшего духовного достоинства и безусловной ценности, залог и путь обретения богоподобного совершенства.

Христианство соотносит сущность человека не с материальным, космическим, физическим, биологическим социальным миром, а с абсолютным, самобытным, духовным бытием – Богом, Творцом мира и человека. Христианство видит человека созданным Творцом по Своему образу и подобию. Бог-Творец сообщает Своему творению элементы и качества абсолютного, духовного, божественного бытия. По своей собственной воле человек злоупотребляет божественным даром свободы выбора или способностью самоопределения к добру богообщения. Он отпадает от своего Создателя и источника жизни. В его жизнь входит зло греха и смерти. От греха и смерти человечество спасает Богочеловек, воплотившийся Бог Иисус Христос. Своим искупительным подвигом Он открывает для человека возможность вновь обрести жизнь в Боге и с Богом, достичь совершенства в богоподобной любви и свободе.

Христианское понимание человека позволяет целостно, глубоко и непротиворечиво раскрыть и природу человека, постичь тайну свободы духовной жизни человеческой личности, максимально полно ответить на вопросы о сущности человека, о смысле и задачах его жизни, о его главных основных сущностных силах, способностях и возможностях, об основных ценностях и целях его бытия.

Христианское мировоззрение даёт возможность понять и актуализировать духовное содержание жизни человеческой личности, максимально полно и глубоко удовлетво-

ритель потребности человека в свободе и полноте духовной жизни, в любви, понимании, общении, самопознании и осмыслении жизни.

Понятие и концепт духовной жизни, духовности человека невозможно адекватно осмыслить и распределить, игнорируя их сущностно-онтологическое содержание, определяемое духовным опытом и духовной культурой христианства, в нашей стране – духовным опытом Православной веры.

Сущностно-онтологическим ядром концепта духовной жизни, духовности человека является благодать – живая сила духа Божественной славы, данная христианину по его вере и покаянию в конкретной предметности духовного опыта богообщения и богопознания, осознаваемая совестным видением с несомненной очевидностью.

Православное понимание предметного содержания и смысла понятия духовной жизни конкретно и однозначно. В онтологическом, духовно-практическом плане оно осмысливается как жизнь в Боге и с Богом – высший дар Бога человеку (и человека – Богу) – благодать Святого Духа.

Согласно православному вероучению, каждый человек в своей совести несет образ Бога, по которому он был создан Творцом. Этот образ указывает на залог духовной жизни или живой силы самобытной Божественной славы. Как идеальный образ богоподобного совершенства этот образ дается человеку в его духовной интуиции и духовных чувствах. Искупительный подвиг Христа открывает перед каждым человеком реальную возможность и способность раскрыть и осознать в себе эту силу, приобщиться к ней через личное покаянное волевое усилие благодарения. Иисусом Христом человеку дарована способность раскрывать и осознавать в своем сердце живую силу Божественной славы в полноте и вечности ее свободы.

Он Сам говорит о Себе как о Творце и Дарителе этой самобытной живой силы и радости Божественной Славы: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6, 38), «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6), «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 9-10), «Кто последует за Мною, тот ... будет иметь свет жизни» (Ин. 8,12), «Слушающий слово Мое и верующий в посланного Меня, имеет жизнь вечную. Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе (Ин. 5, 24, 26).

Христос приносит свою жизнь как свободный, безусловный дар Божественной творческой славы. Обращаясь к Своему Отцу, Он говорит: «И славу, которую Ты дал мне, Я дал им» (Ин. 17, 22). Эту божественную живую силу творческой славы Спаситель дарит всем людям, открывая им вечную жизнь в мире, любви, радости. Человек может принять дар живой силы духа Божественной славы, уверовав в его Дарителя и захотев жить одной жизнью с Иисусом Христом.

Результатом этой веры и этого хотения становится покаянное сознательное волевое усилие человека к свободе дарения живой силы Божественной славы. Это творческое напряжение воли к свободному прославлению Творца открывает его духовно-онтологическое, абсолютное осознание. Благодарение открывает способность совестного видения себя самого в свободе живой силы творческой славы, принимаемой в дар от Создателя и приносимой в дар Ему и Его Церкви.

Эта способность творческого осознания абсолютного, безусловного содержания своей личности укрепляется в синергии свободного соединения воли человека с волей Божественной, открываемой человеку в его совести интуицией свободного, ничем не обусловленного действия живой силы Христовой славы. Встреча воли человека с его совестью ведет к творческой синергии человеческой и божественной воли в свободном, бескорыстном, безусловном дарении человеком этой духовной живой силы Божественной славы своему Творцу и другим людям – благодарении.

Благодарение – дар блага Божественной жизни, живой силы славы Божией – есть основа и сущность свободы и полноты, вечности духовной жизни личности, содержание духовности человека, тайна его личного духовного достоинства, тайна его любви и свободы.

Синергичное осуществление свободы духовной жизни личности основано на желании увидеть и построить свой душевный мир – волю, разум, чувства – в свете Истины Христова благодарения, в свете свободы Христовой жизни и славы.

Осознание образа Божия, или Божественного Логоса, в собственной душе и свободное подчинение ему своей воли ведет к тому, что человек начинает видеть весь свой душевный мир – все свои душевные движения, желания, цели, намерения, мотивы, эмоции, мысли – в истинном свете, свете, который зажигает в душе христианина вера во Христа (в Его жизнь, любовь и свободу), покаяние и крещение. Этот свет Христовой славы и благодарения, освещая все, даже самые глубокие и потаенные стороны человеческой души, делает явными для непосредственного, ясного осознания все, что недостойно богочеловеческого совершенства человека, все греховные нестроения, все страсти человеческого сердца.

Сила и ясность осознания растут по мере укрепления решимости человека следовать воле Божией, по мере напряжения его воли в синергичном смирении перед ней, терпении скорбей, переживании искушений в духе Христова благодарения, свободы Христовой славы.

Главным проявлением абсолютного онтологического ядра личности, его живой силы благодатной славы является самосознание.

Самосознание – неотъемлемое онтологическое качество человека, дар Творца его личности. Самосознание – это способность сверхчувственного, совестно-созерцательного, сердечного видения Божественного Логоса – закона и образа богоподобного совершенства человека, образа замысла Творца о нем и своего соответствия этому образу. Самосознание одновременно является условием, основой и результатом творческого преображения личности на пути ее богоуподобления.

Самосознанию человека дана способность одновременного видения со-знания, со-знания: 1) персональной бытийности человека, 2) образа его идеального, совершенного, богоподобного бытия и 3) реального соответствия своей персональной бытийности Божественному замыслу о человеке, т.е. совестное самосознание себя как со-творца себя самого по образу богоподобной свободы и любви, свободно принимающего благодарение как своего соответствия Божественному замыслу о себе самом.

В своем самоосознании личность знает, что, во-первых, она есть, существует. Во-вторых, что она является субъектом духовной свободы. Субъектом свободы выбора образа своего бытия, обладающим даром персональной творческой ответственности за устройство своей жизни в божественном благе или в абсолютном добре свободного дарения живой силы славы Божией. Как субъект свободы личность осознает себя субъектом свободы воли, обладающим возможностью и способностью действовать, творить добро из своей собственной онтологической сущности, определяемой Божественным Логосом или совестью. Действуя как субъект свободной воли, личность тем самым творит и осознает себя субъектом свободы духовной жизни, ничем другим, кроме своей собственной сущности, не обусловленным дарителем живой силы благодатной славы.

В качестве субъекта свободы – свободы онтологического выбора, свободы личного творчества, свободы самостоятельности и свободы духовной жизни, – который имеет жизнь в самом себе, человеческую личность можно осуществить и понять только лишь в плане ее соотношенности с Божественной творческой Личностью в ее самобытной творческой свободе и любви, через соотношение с Личностью Богочеловека Иисуса Христа.

Христианское понимание человека как носителя образа божественного совершенства, дара божественной жизни, любви и свободы открывает для человека такой путь самопознания, самоопределения, творческой самореализации, который основан на осознании человеком онтологических глубин своей сущности как богоданной и богособразной, обладающей качествами и элементами абсолютного, безусловного, самобытного, совершенного божественного бытия. Эти качества и элементы абсолютной, онтологической сущности человека раскрываются его самоосознанию по мере богоуподобления человека в результате его практических, сознательных, самостоятельных волевых усилий.

Онтологическое самоосознание личности является творческой, созидательной силой, лежащей в основе образования человеческой личности, в основе духовно-практического, волевого творческого самосозидания ею ее абсолютного, сущностно-онтологического ядра. Главным условием образования личности как субъекта благодатной безусловной, беспредпосылочной, самобытной духовной жизни является самоосознание ею своей духовной сущности, образа Божия в себе самой.

Условием развития свободной духовной жизни является вера человека в свое богоподобие и основанное на этой вере осознание своего онтологического содержания как абсолютного. Онтологическое содержание личностного бытия осознается и принимается ею как дар свыше – безусловно, беспричинно, беспредпосылочно данное, а не обусловленное какими бы то ни было внешними этому сущностному ядру личности обстоятельствами, принимается верой и осуществляется волей свободно как не имеющее рационального обоснования.

Осознавая и осуществляя себя как личность в христианстве, человек осознает и осуществляет себя по модусу божественного бытия. Он осознает и осуществляет себя как носитель божественных даров. Дара образа Божия как идеального образа своего духовного достоинства и совершенства. Дара свободы выбора или способности самоопределения себя к добру полноты и свободы божественной славы – дыхания божественной жизни. Дара личного творчества своего бытия, дара персональной способности творить то качество своего духовного устройства, которое человек выбирает сам для себя согласно своему собственному хотению и стремлению к богочеловеческому совершенству и свободе. Принимая этот дар, человек реализует и осознает себя в качестве со-творца своего Создателя, лично отвечающего за свою духовную жизнь. В абсолютном онтологическом самосознании личности дается видение своего недостойнства, отклонения от образа идеальной формы своего духовного личного бытия, т.е. зла или греха. Возможность и способность осознания или видения зла как своего духовного недостойнства, несовершенства, которое не подлежит оправданию, открывается человеку только лишь при условии его христианского самопонимания. Христианское мировоззрение дает глубокое и верное понимание природы зла, страстей, которые человек явно и непосредственно видит в себе самом как несчастье, нестроение, болезнь души.

Чувство личного достоинства и различения добра и зла не дают возможности оправдать это зло или примириться с ним. Углубление и очищение этих чувств в душе человека укрепляет желание жить в добре любви, свободы и полноты, радости жизни, побуждают веру в возможность победы над злом и желание этой победы.

Только лишь с позиций понимания человека как созданного по образу и подобию Божию и призванного к богоподобному совершенству, но свободно уклонившегося от образа и пути своего совершенного бытия, зло в человеке можно понять не как неизбежный и легко оправдываемый недостаток, вызванный условиями внешней человеку социальной среды, обстоятельствами его жизни и воспитания, но как не оправдываемое зло, грех. Под грехом понимается свободное отклонение от добра жизни в Божественной славе, к которой человек изначально призван по своей онтологической сущности. Зло или грех в христианском понимании подлежат не оправданию, а искоренению, уничтожению. И хотя грехопадение наложило оковы на самоосознание и человеческую совесть, в ней сохранились возможность и способность свободного стремления к истине и духовному совершенству [Коржевский, 2004, с. 519].

Творческое раскрытие и осознание духовного, абсолютного ядра личности, дарение самобытной живой силы творческой славы в синергичном благоволении – в смирении перед волей Божией по сути является победой над грехом тщеславия, злом духовной несвободы, которое человек получает возможность видеть в себе, различать в свете свободы Христовой жизни, любви и славы. Видение и понимание зла духовной несвободы, тщеславия как глубинной поврежденности, болезни человеческой души является необходимым условием духовного исцеления человека, условием победы над злом.

Распознавание духовной несвободы тщеславия, самомнения, гордости и признание в них греховного искажения духовной природы человека являются проявлением покаянного движения личности к подлинному духовному совершенству, свободе и полноте, вечности живой силы божественного духа в человеке. «Путем самовоспитания, с помощью Божией – через исповедание, через открытие – надо от них отцепиться» – так об этом писал игумен Киприан (Яценко) [2012, с. 210]. И тогда вера в возможность победы над греховным злом, в возможность исцеления души пробуждает и укрепляет желание обрести и сохранить в своем сердце живую силу безусловной, бескорыстной благодатной любви, очистить, укрепить неразрушимую силу благодати славы как дара свыше.

Теперь становится понятным, почему подлинное образование человеческой личности, творческое созидание, раскрытие и осознание ее духовного сущностного ядра в полноте свободы образующей его живой силы абсолютной славы возможны только на основании христианского вероучения.

Христианское учение о человеке, созданном по образу и подобию Бога – Абсолюта, открывает возможность образования духовно свободной, ответственной личности, создающей себя на основе осознания в себе образа Божия – Божественного Логоса – добровольного следования голосу Бога, который человеку дан в чувстве своего духовного достоинства. Органом этого чувства является совесть, или сердце. В христианском вероучении этот образ высшего духовного совершенства человека выражен понятием образа Бога в человеке, понятием Божественного закона – Логоса, который записан в сердцах всех людей [Рим. 2, 14–15].

Никакие другие философско-мировоззренческие модели, концепции человека не могут удовлетворить чувству духовного достоинства человека, чувству свободы и полноты жизни, которые непосредственно даны человеку и воспринимаются им в его совести совестно-сердечным созерцанием, или духовным видением. Только христианское мировоззрение способно пробудить и укрепить в человеке веру в его богоподобное достоинство и совершенство, сделать эту веру творческим, созидательным началом в образовании духовно свободной личности, обладающей глубинным самосознанием: осознанием свободы и полноты сущностной живой силы духа творческой славы как источника и содержания духовной жизни личности.

Христианское понимание человека как созданного Творцом по Своему образу и подобию обращает человека к распознаванию образа Божия в себе самом. Видение идеального образа богоподобного совершенства и свободы в своей совести ориентирует человека на раскрытие в себе тех сил и способностей, которые принадлежат к онтологическим основаниям его личности и являются реальным условием обретения человеком высшего духовного совершенства. Без признания присутствия в душе человека онтологического, божественного содержания невозможно обрести реальное основание, опору его духовного воспитания, развития его духовной жизни, образования его личности, ключа, раскрывающего ее абсолютное, сущностное, духовное ядро. Только лишь будучи понятыми в свете образа Бога духовные потребности человека могут получить свое объективное осознание и адекватное их онтологической природе удовлетворение.

Только лишь опираясь на видение образа Божия в совести человека можно пробудить в нем желание раскрытия живой силы благодатной славы, приобщение к которой делает человека подлинно разумным и свободным.

Без признания онтологического, безусловно-самобытного содержания его душевного строя в человеке невозможно пробудить сознательного волевого усилия, направленного к приобщению свободе полноты и совершенства живой силы духа, на реализацию, раскрытие своей личности как субъекта свободы и ответственности за строй и качество своей духовной жизни. В этом случае человек лишает себя свободы и личной ответственности, признает себя управляемым со стороны своих витальных потребностей и инстинктов, природных условий и обстоятельств, общественных механизмов социализации, технологий и манипуляций управления поведением, когда образование и воспитание человека превращается в дрессировку на основе принципа кнута и пряника.

Когда духовно-нравственное становление личности становится действительно свободным и ответственным самораскрытием онтологических основ ее духовного бытия, внутренняя самооценка личности ее следования голосу совести, чувству правды и истинной жизни начинает превалировать над оценкой внешней, а внутренняя сторона воспитания духовной личности – над внешней [Зеньковский, 2002].

Чтобы образование личности стало подлинным созиданием целостного субъекта духовной свободы и творческой ответственности, необходимо преобразовать воспитание личности в самовоспитание на основе признания, осознания и волевого раскрытия онтологического, абсолютного содержания личностного бытия. Тогда основой роста, условием развития духовной жизни человека становятся его вера в себя самого и внутренняя самооценка личностью ее следования голосу совести, её сердечно-совестное самоосознавание.

Список литературы

1. Александрова В.М. 2003. Христианское учение и развитие педагогической мысли. М., МГУ им. М.В. Ломоносова: 224 с.
2. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. 1996. Основы православного образования в России. Русская школа. Духовно-нравственные проблемы воспитания. М., Русское слово: 4–19.
3. Белозерцев Е.П. 1996. О смысле, содержании и результатах русского образования. Русская школа. Духовно нравственные проблемы воспитания. М., Русское слово: 224 с.
4. Гершунский Б.С. 1998. Философия образования для XXI века. М., Совершенство: 608 с.
5. Вадим Коржевский, свящ. 2004. Пропедевтика аскетике: компендиум по православной святоотеческой психологии. М., Центр Информационных Технологий Информатики и Информатизации: 648 с.
6. Голованова Н.Ф. 2007. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике. М., Педагогика: 38–47.
7. Ельницкий К.В. 2004. О воспитании: Золотой фонд педагогики. Воспитание школьников. Библиотека журнала. Под ред. А.П. Фурсов. М., Школьная пресса: 192 с.
8. Зеньковский В.В. 2002. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Клион, Христианская жизнь: 289 с.
9. Ильин И.А. 1993 Путь духовного обновления. Собр. соч. в 10 т. Т.1. М., Русская книга: 298 с.
10. Ильин И.А. 1999. Русский учитель. Школа православного воспитания. М.: 453–460.
11. Каптерев П.Ф. 1982. Избранные педагогические сочинения. Под ред. А.М. Арсеньева. М., Педагогика: 304 с.
12. Киприан (Яценко), игумен. 2012. Православное воспитание: лекции, интервью, воспоминания. М., Благотворительный фонд «Покров»: 344 р.
13. Маслов Н.В. 2006. Православное воспитание как основа русской педагогики. М., Самшит: 592 с.
14. Попова О.П. 2002. Духовно-учебные заведения в современной России: исторический опыт и перспективы. Альма матер: Вестн. Высш. шк., 1: 25–38.
15. Свешников В., протоиерей. 2000. Очерки христианской этики. М., Паломник: 622 с.
16. Слостёнин В.А. 1996. Профессионально-педагогическая культура в системе университетского педагогического образования. Профессионально-педагогическая культура: сущность, структура, формирование. М., МОСУ: 375 с.
17. Смолич И.К. 1997. История Русской Церкви: 1700-1917. В 2 частях. М., Валаамский монастырь, Ч. 1: 800 с.
18. Smolich I. K. 1997. Istoriya Russkoj Cerkvi: 1700-1917 [History of the Russian Church: 1700-1917]: In 2 parts. М., Valaamskij monastyr, Part 1: 800 p.
19. Шестун Е., протоиерей. 2002. Православная педагогика. 2-е изд., испр. и доп. М., Пресс: 575 с.
20. Ушинский К.Д. 1974. Избранные педагогические сочинения в 2 т., Т. 1. Под редакцией А.И. Пискунова. М., Педагогика: 528 с.

References

1. Aleksandrova V.M. 2003. Hristianskoe uchenie i razvitie pedagogicheskoy mysli [Christian teaching and the development of pedagogical thought]. М., MGU im M. V. Lomonosova: 224 p.

2. Aleksij II, Patriarh Moskovskij i vseya Rusi. 1996. Osnovy pravoslavnogo obrazovaniya v Rossii [Basics of Orthodox Education in Russia]. Russkaya shkola. Duhovno-nravstvennye problemy vospitaniya. M., Russkoe slovo: 4–19.
3. Belozercev E. P. 1996. O smysle, soderzhanii i rezultatah russkogo obrazovaniya [On the meaning, content and results of Russian education]. Russkaya shkola. Duhovno-nravstvennye problemy vospitaniya. M., Russkoe slovo: 224 p.
4. Gershunskij B. S. 1998. Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka [Philosophy of education for the XXI century]. M., Sovershenstvo: 608 p.
5. Vadim Korzhevskij, svyashch. 2004. Propedevtika asketiki: compendium popravoslavnoj svyatootechestskoj psihologii [Ascetic Propedeutics: Compendium on Orthodox Holy Spiritual Psychology]. M., Centr Informacionnyh Tekhnologij Informatiki i Informatizacii: 648 p.
6. Golovanova N.F. 2007. Podhody k vospitaniyu v sovremennoj otechestvennoj pedagogike [Approaches to education in modern domestic pedagogy]. M., Pedagogika: 38–47.
7. Elnickij K. V. 2004. O vospitanii: Zolotoj fond pedagogiki. Vospitanie-shkolnikov. Biblioteka zhurnala [About education: Golden Fund of Pedagogy. Educating schoolchildren. Journal library]. Under edition A.P. Fursov. M., Shkolnaya pressa: 192 p.
8. Zenkovskij V.V. 2002. Problemy vospitaniya v svete hristianskoj antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Klin, Hristianskaya zhizn: 289 p.
9. Ilin I.A. 1993. Put duhovnogo obnovleniya [The path of spiritual renewal]. Coll. works in 10 vols. V. 1. M., Russkaya kniga: 298 p.
10. Ilin I.A. 1999. Russkij uchitel [Russian teacher]. Shkola pravoslavnogo vospitaniya. M.: 453–460. (in Russian)
11. Kapterev P.F. 1982. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical writings]. Under edition A. M. Arseneva. M., Pedagogika: 304 p.
12. Kiprian (Yashchenko), Igumen. 2012. Pravoslavnoe-vospitanie: lekci i intervyyu, vospominaniya [Orthodox education: lectures, interviews, memories]. M., Charitable foundation "Pokrov": 344 p.
13. Maslov N. V. 2006. Pravoslavnoe vospitanie kak osnova russkoj pedagogiki [Orthodox education as the basis of Russian pedagogy]. M., Samshit: 592 p.
14. Popova O.P. 2002. Duhovno-uchebnye zavedeniya v sovremennoj Rossii: istoricheskij opyt I perspektivy [Spiritual and educational institutions in modern Russia: historical experience and prospects]. Alma mater: Vestn. Vyssh. shk., 1: 25–38.
15. Sveshnikov V., protoierej. 2000. Ocherki hristianskoj ehtiki [Essays on Christian Ethics]. M., Palomnik: 622 p.
16. Slastyonin V.A. 1996. Professionalno-pedagogicheskaya kultura v sisteme universitetskogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Professional and pedagogical culture in the system of university pedagogical education]. Professionalno-pedagogicheskaya kultura: sushchnost, struktura, formirovanie. M., MOSU: 375 p.
17. Smolich I. K. 1997. Istoriya Russkoj Cerkvi: 1700-1917 [History of the Russian Church: 1700-1917]: In 2 parts. M., Valaamskij monastyr, Part 1: 800 p.
18. Shestun E., protoierej. 2002. Pravoslavnaya pedagogika [Orthodox pedagogy]. 2nd ed., revised and supplemented. M., Pro-Press: 575 p.
19. Ushinskij K.D. 1974. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya v 2-t. [Selected pedagogical writings in 2 hours] Vol 1. Under edition A.I. Piskunova. M., Pedagogika: 528 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Пересыпкина А.В., Ширманова М.Ю. 2019. Мировоззренческие и духовно-практические условия образования целостной личности. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 443–451. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-443-451

Peresyapkina A.V., Shirmanova M.Yu. 2019. Philosophical and spiritual and practical conditions for the formation of the whole person. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 443–451 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-443-451

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.7

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-452-459

**ПОЛИТИКА И ПРАВО КАК ИПОСТАСИ ВЛАСТИ:
КРИТЕРИЙ РЕГУЛЯТИВНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ**

**POLITICS AND LAW AS THE HYPOSTASIS OF POWER:
THE CRITERION OF REGULATORY SEPARATION**

**Г. А. Борисов, В.А. Носков, В.С. Мочалов
G.A. Borisov, V.A. Noskov, V.S. Mochalov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: borisov@bsu.edu.ru; noskov@bsu.edu.ru; vadim.mochalov2013@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу диалектики взаимосвязи регулятивных потенциалов политики и права, выступающих в качестве когерентной власти и образующих противоречивое единство, когда, с одной стороны, политическая власть заинтересована в правовой легитимации своего статуса, а правовая власть – в силе, опирающейся на мощь государства, а с другой – происходит их отрицание друг друга как воплощения парадигм эффективности (политика) и легитимации (право). Парадигма эффективности определяется фактором «результата», а парадигмы легитимации – фактором «процесса». Симбиоз этих парадигм рождает антиномическое противоречие, являющееся атрибутивной характеристикой политико-правового регулирования общественных процессов.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the dialectics of the relationship between the regulatory potentials of politics and law, acting as a coherent power and forming a contradictory unity, when, on the one hand, the political power is interested in the legal legitimation of its status, and the legal power – in the force, based on the power of the state, and, on the other – there is a denial of each other as the embodiment of the paradigms of efficiency (policy) and legitimation (law). The paradigm of efficiency is determined by the factor of "result", and the paradigm of legitimation – by the factor of "process". The symbiosis of these paradigms gives rise to an antinomic contradiction, which is an attributive characteristic of political and legal regulation of social processes. Being coherent power, politics and law relate to the inherent power – social regulation and the transcendental power of cultural regulation.

Ключевые слова: власть, политика, право, регуляция, эффективность, легитимация, имманентный, трансцендентный, когерентный.

Key words: power, politics, law, regulation, efficiency, legitimacy, immanent, transcendent, coherent.

Прояснение подлинного предназначения политико-правовой ипостаси власти представляется значимым в силу того, что речь идет о регулятивной силе, статус которой, с одной

стороны, окутан ореолом «значимости», а с другой – заключает в себе некоторую «таинственность», ибо не совсем понятно, как политика соотносится с правом, как в целом политико-правовая сила проявляет свою регулятивную специфику, как данная сила задействует регулятивный потенциал, заключенный в других ипостасях власти. В этой связи справедливым представляется мнение Е.Е. Тонкова о том, что «отчетливо просматривается недостаточность фундаментальных исследований современных правовых и организационных форм деятельности государства, особенностей механизма политико-правового регулирования, соотношения политики и права при формировании государственной стратегии, конфликта правовых ограничений и правовых возможностей» [Тонков, 2016, с. 147].

Приступая к анализу этой проблемы, необходимо иметь в виду методологическую презумпцию, ориентирующую на то, что глубинные смыслы политико-правовой власти невозможно выявить из самого факта ее бытия, ибо в данном случае подразумевается погружение в содержательные пласты политико-правового феномена и, соответственно, игнорирование общего контекста – бытия власти как таковой. Ведь учет данного контекста позволяет трансформировать содержательные (феноменологические) характеристики политико-правовой власти в ее сущностные (номологические) характеристики, говорящие о том, что политико-правовая власть есть один из дериватов (производных) власти как таковой, занимающая соответствующую регулятивную нишу, имеющая свои особенности с точки зрения регулятивного предназначения. Отсюда становится понятным, почему разговор о политико-правовой власти неизбежно обозначает выход на проблематику власти как таковой.

Вместе с тем движение исследовательской мысли в этом направлении порождает закономерный вопрос касательно «исходной клеточки» анализа бытия власти. Здесь, как представляется, за основу можно взять идею Э. Кассирера о том, что «по сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом измерении реальности» [Кассирер, 1988, с. 28]. Одним из проявлений подобной «новизны» является заинтересованность человека в эффективном воздействии на окружающую реальность, что неизбежно подразумевает «измерение» этой реальности как необходимое условие оценки эффективности воздействия на нее. Однако «измерение» реальности с точки зрения воздействия может осуществляться лишь в рамках наделения человека соответствующими властными полномочиями, расширяющими и повышающими контролирующей (управленческой) потенциал человека. Это, в свою очередь, приводит к той метаморфозе, что реальность из однородной превращается в разнородную, распадаясь на две фракции, – субъективную (властную) и объективную (социальную), каждая из которых подчиняется «своей» логике, что не исключает, а, напротив, предполагает их подчинение общей логике, определяющей субъектно-объектное отношение, ибо «такое отношение включает реализацию исходящих от субъекта власти побуждений и обратную связь объект – субъект. Вне этой связи власть субъекта не существует» [Кравченко, 1998, с. 26-27].

Как тонко подметил И. Кант, «всякое схватывание того или иного события есть восприятие, следующее за другим восприятием» [Кант, 2018, с. 233]. Данная методологическая подсказка великого мыслителя ориентирует на то, что «восприятие» политико-правовой власти должно основываться на «восприятии» власти вообще, причем, не в перцептивной (чувственной), а в концептуальной (умозрительной) ее вариации. В свою очередь это требует выявления теоретико-методологических основ «восприятия» самой власти, так как в противном случае невозможно расставить соответствующие смысловые акцентировки, заточенные на выявление субстанциальных факторов, конституирующих саму власть.

В юридической и философской литературе власть обычно трактуется (понимается), во-первых, как вид управления, регулирования и контроля над энергией, силой и ресурсами, которыми располагает общество; во-вторых, как мощное средство упорядочения социальных отношений, повышения негэнтропийного эффекта; в-третьих, как культура человеческих сообществ, мера нормирования отношений людей, принятие ими на себя определенных ограничений в поведении и деятельности; в-четвертых, как волевое отношение, носящее целенаправленный (целеполагающий) характер, т.е. изменение поведения через изменение методов и целей людей; в-пятых, как дифференциация, структурированность челове-

ческих сообществ, что выражается в асимметричности, иерархизированности; в-шестых, как связь с жестокостью, подавлением, усилением межгрупповой и внутригрупповой дифференциации и эксплуатации (вследствие очевидной опасности бесконтрольной власти), делающее необходимым ее регулирование и контроль [Демидов, 1995, с. 4].

Выше приведенные дефиниции власти заточены на выделение какого-либо одного аспекта бытия власти, но как бы оставляют в тени признание за властью онтологического статуса. В последнем случае трактовка власти ориентирует на ее понимание как универсального цивилизованного средства, предполагающего то, что «власть – сдобренная цивильностью, облагороженная способность, порожденная внутренней организованностью, иерархизованностью человеческих самопроявлений, которые реализуются в контексте заданных на них отношений побуждения и принуждения, управления и контроля, подчинения и соподчинения, координации и субординации, зависимости, взаимозависимости и полной и частичной независимости, т.е. всего того, в границах, при явном и скрытом, однако активном участии чего разворачивается обмен деятельностью, обработка людьми друг друга» [Ильин, 1994, с. 6]. Здесь, однако, становится очевидным то, что признание онтологического статуса власти есть лишь первый методологический шаг, создающий основу для второго шага, – выявления основных ипостасей власти, т.е. форм проявления ее регулятивного предназначения. Поэтому возникает необходимость в поиске единого критерия, на основе которого данные ипостаси (формы) власти можно выявить. Как представляется, этим критерием может стать учет *степени погружения* власти в общество. Смысл таков, что чем в большей степени власть «погружена» в общество, тем в меньшей степени она самостоятельна, поскольку усиливает свою зависимость от регулятивных импульсов, исходящих от общества, и наоборот. Отсюда можно обозначить следующие ипостаси власти:

– *имманентную* (от лат. *immanentis* – *пребывающий внутри*) *власть*, основывающуюся на потребностях, прописанных в обществе – *демандократию*;

– *когерентную* (от лат. *cohaerens* – *находящийся в связи*) *власть*, опирающуюся на интересы, характерные для основных социальных страт, слоев и групп общества – *интересократию*;

– *трансцендентную* (от лат. *transcendens* – *выходящий за пределы*) *власть*, определяющуюся ценностями, имеющими относительно самостоятельный статус, жестко не детерминированных динамично изменяющейся социальной конъюнктурой – *аксиократию*.

Другими словами, речь идет о трех ипостасях власти: (1) тотально зависящей от общества *социальной (имманентной) власти*; (2) претендующей на роль представителя общества *политической (когерентной) власти*; (3) абстрагированной от общества *культурной (трансцендентной) власти*. В первом случае власть трудно отделить от общества, поскольку обе эти силы слиты воедино, олицетворяя собой потребностную (само)регуляцию, во втором случае власть позиционирует себя по отношению к обществу в качестве самостоятельной регулятивной силы, являя собой организацию, предназначенную для обоснования, канализации, защите социальных интересов, наконец, в третьем случае власть видит свою миссию в приобщении различных социальных фракций к ценностным доминантам, заключающим в себе высшие смыслы.

При данном раскладе выходит, что ключевым спарринг-партнером общества является политическая (когерентная) власть, поскольку для нее не характерно как стремление слиться с обществом – идеал социальной власти, так и стремление максимально дистанцироваться от него – идеал культурной власти. Действительно, социальную власть трудно соотносить с обществом, поскольку она «всепоглощающая», т.е. пронизывает все клеточки общественного организма, равно как и культурную власть сложно подвергнуть подобной процедуре по причине ее «отдаленности» от общества. Выходит, что власть коррелируется (соотносится) с обществом преимущественно в политической своей ипостаси. Подобная корреляция носит органический характер, поскольку она становится возможной в рамках не «монистической» (всепоглощающей), а «дуалистической» (разделяющей) социальности – большой и малой социальности. Выражаясь иначе, «монистическая» социальность воплощает собой социальную власть – всепроникающую регулятивную стихию,

разлитую в обществе, тогда как «дуалистическая» социальность имеет отношение к корреляции *акцентированного регулятивного воздействия* в лице политической власти и *дисперсного (рассеянного) саморегулирования*, характерного для общества.

Здесь можно сослаться на мнение В.В. Ильина и А.И. Ахиезера, согласно которому интеракция власти и общества выступает как взаимодействие *двух типов социальности* – *большой и малой*. Большая социальность – это пространство политики, включающее множество институтов, полномочных должностных учреждений, административных функций, властных организаций. Это государственно-публичная сфера. Малая социальность – неполитическая зона, хотя и допускающая проникновение публично-государственного по каналам семейного права, социального патронажа, но по сути являющаяся совокупностью неинституционализированных реакций, частных утверждений, индивидуальных решений. Если «малая» социальность аккумулирует опыт персональной коммуникации в естественной повседневности, то «большая» социальность есть опыт, ориентированный на нормативное (благочинное) поведение индивида, обретающего устойчивость через осознание принадлежности к некоторому целому, ассоциирующимся с поведением «на людях». «Малая» социальность – олицетворение персонально волевых, центробежных, тогда как «большая» социальность – имперсонально-сознательных, центростремительных импульсов и реакций [Ильин, Ахиезер, 1997, с. 128]. Напрашивается вывод, что благодаря социальной «отягощенности» политическая власть становится когерентным – органически связанным с обществом регулятором, претендующим в своем социологическом облике на статус власти как таковой. Здесь, однако, возникает новый вопрос: почему необходимо исследовать именно политико-правовую власть и, следовательно, избегать редукционистского соблазна сводить когерентную ипостась власти исключительно к ее политической оболочке? Как известно, понятие «политика» происходит от древнегреческого *Politike*, смысловым ядром которого является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти [Бовин, 1983, с. 507]. Подобная трактовка политики, получившая «прописку» в философской и научной мысли в античную эпоху и ставшая с тех пор эпистемологическим канонem, сводится к ее отождествлению преимущественно с государством/государственностью/государственными началами. Этот подход можно назвать «*этактистским*», объясняющим политику сквозь призму процессов, факторов и структур, связанных с бытием государства. Широкое распространение получила также «*референтная*» трактовка политики, согласно которой ее первичными субъектами являются большие социальные группы и их организации, а все остальные субъекты выступают в данном качестве, если в своих действиях они ссылаются на интересы и порядок политических ценностей больших социальных групп, слоев, народов, наций. С этой точки зрения политика есть сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными и социально-этническими образованиями по поводу завоевания, удержания и использования власти, которую «можно определить как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своим намерением» [Ледяев, 2000, с. 108].

Нетрудно убедиться, что в рамках *этактистской* (центрированной на государстве) и *референтной* (центрированной на обществе) трактовках политика ассоциируется с властью – регулятивной силой, берущей на себя роль защитника государственных и общественных интересов. Вышеобозначенные трактовки имеют отношение к «чистой» политике, когда констатируется, что вне политики как регулирующей силы обществу уготована перспектива скатывания к состоянию хаоса, турбулентности, ухода в небытие. Здесь, однако, не учитывается то, что в своих актуализированных формах политика «отягощена» многими проблемами, среди которых важнейшей является проблема *легитимации* регулятивного предназначения политики. Другими словами, *констатировать* регулятивную ангажированность политики – это одно, а *давать ее оценку* – другое. Следовательно, констатация ключевой регулятивной роли политики по отношению к обществу должна дополняться *легитимацией* (оправданием) этой роли, ибо в противном случае, строго говоря, невозможным станет бытие самой политики, поскольку под вопросом окажется ее отличие от других (например, криминальных) регулятивных сил. Как отмечает С.С. Черных, «власть, чтобы проявляться в

форме авторитета, должна заключать в себе идею справедливости. Исходя из нее, между людьми будут возникать собственно правовые отношения» [Черных, 2018 с. 28-29]. Именно право придает политике статус легитимной силы, получая взамен возможность стать «укорененной» фракцией власти, что дает основание говорить о едином политико-правовом регулятивном комплексе, в рамках которого имеет место фундаментальная зависимость потенциалов политики и права, их тяготение друг к другу, стремление ко взаимной компенсации издержек, связанных с регулятивным воздействием когерентной власти на общество. Право получает от политики силу, опирающуюся на авторитет государства как ключевого социального института, а политика от права – легитимные основания регулятивного воздействия на общество. В результате когерентная власть, потенциально выступая исключительно в политической ипостаси – интересократии, будучи актуализированной, неизбежно дополняет политическую свою ипостась правовой – *номократией*.

Если социальная власть – демандократия – «растворена» в обществе, культурная власть – аксиократия – «возвышена» над обществом, то политико-правовая власть – интересо-номократия – «укоренена» в обществе. Как известно, понятие «*nomos*» в переводе с греческого означает «закон». А любой правовой закон как регулирующая сила накладывается на общественные отношения как принудительная сила, т.е. как обязательная норма – «общее правило поведения, действующее непрерывно во времени в отношении неопределенного круга лиц и неограниченного количества случаев» [Алексеев, 1999, с. 33]. Поэтому интересы как прерогатива политики и нормы как прерогатива права не просто «укоренены» в обществе, но образуют органическую регулятивную связку. «Укорененность» когерентной власти обусловлена социальной неоднородностью общества, что равнозначно спецификации интересов каждой социальной группы, стремлению к тому, чтобы эти интересы были представлены на уровне организованной политической силы. Последняя в не меньшей степени заинтересована в том, чтобы представлять эти интересы, ибо вне этого ее бытие теряет всякий смысл. Однако сама апелляция политической силы к социальным интересам являет собой «норму», имеющую под собой правовую подоплеку, ибо речь идет о прерогативе, характеризующей того, кто претендует на роль *справедливой силы*, того, кто уповает на то, что достижение статуса легитимной регулирующей силы возможно лишь на путях свободного волеизъявления граждан. Как известно, «суть права... состоит в культивировании автономии человека, т.е. в диалектическом сопряжении свободы – способности человека нести *персональную ответственность* за свои действия перед обществом (государством) и справедливости – способности человека требовать *социальной ответственности* общества (государства) за свое персональное благополучие. Именно подобное сопряжение Свободы и Справедливости и конституирует Порядок» [Носков, 2017, с. 40]. Поэтому обязательность («нормативность») апелляции к социальным интересам делает политическую власть политико-правовой властью.

Вместе с тем сам факт апелляции некоторой силы к социальным интересам придает этой силе политический вес лишь *потенциально*, но не *актуально*, ибо последнее возможно лишь в случае, когда политика вписывается в требования права – олицетворяет регуляцию, основанную на ценностях Свободы и Справедливости. Именно будучи в своем актуализированном (рабочем) состоянии, правовая норма де-факто становится политической ценностью, наделенной статусом регулятивной силы. На подобную диалектику, как представляется, обращает внимание Н. Неновски: «Норма является ценностным отражением действительности, она несет ценностную "нагрузку" (объективирует ценности)... В ее содержании запечатлевается существующее, которое еще не является действительным, но которое... желанно для общества, класса, социальной группы в качестве субъектов, ставящих цели и формулирующих, "творящих" должное. Вот почему для указанных субъектов должное... имеет более высокий ценностный ранг, чем сущее» [Неновски, 1987, с. 115].

Можно предположить, что под сущим скрывается политический, а под должным – правовой регуляторы, в совокупности конституирующие когерентную власть. Вместе с тем это единство политики и права противоречиво, ибо речь идет о сопряжении двух разных парадигм, ориентирующих соответственно на количественные и качественные харак-

теристики регулятивного воздействия. С точки зрения политики главенствующую роль играет «количество», ибо только на этой основе можно выйти на «материю», поддающуюся измерению – *проблему эффективности* регулятивного воздействия. С точки же зрения права эту роль играет «качество», которое не поддается измерению, ибо определяется фактором веры – *проблемой легитимности* регулятивного воздействия. Данные регулятивные парадигмы находятся в своеобразной «сцепке», что, однако, не снимает вопроса об их «первичности» и «вторичности». Показательно в этой связи мнение современного российского политического философа А.С. Панарина, который, анализируя взаимодействие двух ветвей власти США – Президента (ответственного за решение проблемы эффективности) и Конгресса (ответственного за решение проблемы легитимности), приходит к следующему выводу: «Отцы-основатели отдавали себе полный отчет в том, что правовой педантизм, обеспечивающий легитимность, способен существенно тормозить принятие решений и в целом сказываться на эффективности. И все же они пошли на это, полагая, что опасности, вытекающие из ограничений эффективности, менее страшны, чем опасности власти, у которой развязаны руки» [Панарин, 1997, с. 34].

В свете изложенного становится очевидным, что политика определяется двумя полюсами ее бытия – физической и метафизической. В первом случае у регулятивной силы «развязаны руки» с точки зрения использования средств для достижения искомой цели – *эффективного результата*. Здесь речь идет о «физической» политике, освящающей путь, когда «цель оправдывает средства» (в духе Макиавелли). Во втором случае регулятивная сила характеризуется избирательностью применительно к используемым средствам, что побуждает трансформировать искомую цель в *легитимный результат*. Этот результат становится возможным лишь на путях «метафизической» политики, когда «средство оправдывает цель» (в духе Канта). В сухом остатке получается, что «абстрактная» постановка вопроса касательно ранжирования составляющих дихотомии «физическая политика-метафизическая политика» подразумевает констатацию того, что они дополняют друг друга в качестве регулятивных потенциалов. Постановка же этого вопроса, что называется, «ребром» побуждает отдать приоритет именно «метафизической политике» как олицетворяющей регулятивную силу, вписывающуюся в требования, вытекающие из ценностей Свободы и Справедливости – сущности правового бытия. Игнорирование этих требований превращает политику в «физическую» регулятивную силу, возобладающую над правом. Но «возобладание политики над правом приводит... к прямым противоречиям, незаконным политическим акциям... В определенном смысле оправданным становится выражение: политика – это грязное дело» [Борисов, 2007, с. 158]. Строго говоря, метафизическая политика есть аутентичная (подлинная) политика, ибо она воспринимается социальным миром как регулятивная сила, имеющая индульгенцию – легитимные основания для своего позиционирования в качестве регулирующей силы. В свою очередь, это означает, что аутентичная политика есть ни что иное, как политико-правовая власть, «отягощенная» антиномическими (неразрешимыми) противоречиями между двумя фундаментальными регулятивными принципами – эффективности (в политической оболочке) и легитимности (в правовой оболочке).

В сопряжении этих принципов и выкристаллизовывается диалектика регулятивного бытия политико-правовой власти, показывающая, что, потенциально дополняя друг друга, они, будучи актуализированными, обозначают приоритет легитимности перед эффективностью, причем не в виде *однозначного результата*, а в виде *тенденции*, заключенной в прокрустово ложе антиномических противоречий. Именно признание данных противоречий позволяет избежать соблазнов сводить процессы социального развития исключительно к линейным трактовкам – фатально обусловленным переходам от полицейского к правовому государству, от тоталитарного к гражданскому обществу, от индивидуального к личностному самовыражению человека и т.д.

Отсюда следует, что фундаментальное тяготение политики к легитимности означает ее привязку к праву, что конституирует симбиоз – политико-правовую власть как ключевой регулятор общественных отношений. Не случайно проблема легитимности власти

становится объектом пристального внимания М. Вебера. По его мнению, власть идет к признанию своей легитимности тремя путями, выступая, как 1) «традиционное господство» в лице, например, патриарха или князя; 2) «харизматическое господство» в лице, например, князя-военачальника или политического партийного вождя; 3) «легальное господство» в лице, например, современного государственного служащего [Вебер, 1990, с. 645-646]. Иначе говоря, политическая власть на путях своей легитимации может задействовать потенциалы (1) традиционалистского права (апелляции к повседневности), (2) персоналистского права (апелляции к «великой» личности), (3) легистского права (апелляции к закону). Следовательно, в своих архетипических основаниях политическая власть, по М. Веберу, выступает в правовом облике либо как власть Отца/Патриарха (традиционализм), либо как власть Вождя/Гуру (харизматизм), либо как власть Чиновника/Юриста (легизм). Причем в любом случае политическая власть запрограммирована на «заигрывание» с правовой властью, поскольку лишь подобная интенция делает ее легитимной силой, ответственной за решение социальных проблем в духе справедливости, уважения прав и свобод граждан. Подчеркнем, что речь идет именно о «заигрывании», поскольку, как справедливо отмечает С.С. Алексеев, «политическая власть... сама по себе нуждается только в одном праве – в "праве власти"» [Алексеев, 1999, с. 700]. Эта власть, однако, «вынуждена считаться со свойствами правовой материи, юридическими формами и процедурами, общепринятыми юридическими канонами» [Алексеев, 1997, с. 74]. Отсюда вытекает необходимость четко различать окрашенную в конъюнктурные (декларативные) тона апелляцию политической власти к праву и ее объективную заинтересованность (в лице одобрения со стороны общества) в использовании регулятивного инструментария правового регулирования.

Таким образом, политико-правовая власть в силу своей когерентной природы берет на себя роль своеобразного «рабочего» регулятора многообразных проявлений социальной активности, воплощая в своем онтологическом (фактическом) статусе власть как таковую. Эта власть основывается на диалектическом (противоречивом) сопряжении регулятивных потенциалов политики и права, когда первое благодаря второму становится аутентичной (подлинной) политикой, а второе благодаря первому превращается в позитивное (в качестве системы законодательства) право, становясь регулятором, опирающимся на мощь государства как ключевого социального института. Подобное единство политики и права не абсолютное, а относительное, поскольку каждый из этих регуляторов подчиняется «своей» парадигме – либо эффективности (политика), либо легитимности (право). И сопряжение регулятивных потенциалов этих парадигм необходимо понимать в диалектическом ключе – как никогда не прекращающуюся борьбу по расставлению соответствующих принципиальных акцентировок в деле регулятивного «облучения» общества.

Список литературы

1. Алексеев С.С. 1999. Право: азбука – теория-философия: Опыт комплексного исследования. М., «Статут»: 712.
2. Алексеев С.С. 1997. Философия права. М., НОРМА: 336.
3. Бовин А.Е. 1983. Политика. В кн.: Философский энциклопедический словарь. Под ред. Л.Ф. Ильичева. М., Сов. Энциклопедия: 507-508.
4. Борисов Г.А. 2007. Теория государства и права. Белгород, Изд-во БелГУ: 292.
5. Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия. В кн.: Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М., Прогресс: 644-706.
6. Демидов А.И. 1995. Власть в единстве и многообразии ее измерений. Государство и право, 11: 3-11.
7. Ильин В.В. 1994. Философия власти. М., Изд-во МГУ: 271/
8. Ильин В.В., Ахиезер А.С. 1997. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., Изд-во МГУ: 384.
9. Кант И. 2018. Критика чистого разума. М., Изд-во АСТ: 784.
10. Кассирер Э. 1988. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. В кн.: Проблема человека в западной философии. Сост. и послесловие П.С. Гуревича. М., Прогресс: 3-30.

11. Кравченко И.И. 1998. Введение в исследование политики. М., ИФРАН: 188.
12. Ледяев В.Г. 2000. Власть: концептуальный анализ. Полис, 1: 97-107.
13. Неновски Н. 1987. Право и ценности. Пер. с болг. М., Прогресс: 248.
14. Носков В.А. 2017. Апология интегративного права в свете рефлексивной трактовки. Журнал российского права, 5: 37-45.
15. Панарин А.С. 1997. Политология. Учебник. М., Проспект: 408.
16. Тонков Е.Е. 2016. Государство созидающее: совершенствование форм деятельности в условиях модернизации. В кн.: Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. Под ред. О.Н. Полухина. М., Юрлитинформ: 142-210.
17. Черных С.С. 2018. Антропология власти: опыт концептуальной реконструкции. Автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. Белгород: 39.

References

1. Alekseyev S.S. 1999. Pravo: azbuka – teoriya-filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya [Law: ABC-theory-philosophy: experience of complex research]. М., «Statut»: 712.
2. Alekseyev S.S. 1997. Filosofiya prava [Philosophy of law]. М., NORMA: 336.
3. Bovin A.Ye. 1983. Politika [Politics] In: Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. [Philosophical encyclopedic dictionary]. Pod red. L.F. Il'icheva. М., Sov. Entsiklopediya: 507-508.
4. Borisov G.A. 2007. Teoriya gosudarstva i prava. [Theory of state and law. Textbook] Belgorod: Izd-vo BelGU, 292.
5. Veber M. 1990. Politika kak prizvaniye i professiya [Politics as a vocation and profession]. V kn.: Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Per. s nem. М., Progress: 644-706.
6. Demidov A. I. 1995. Vlast' v yedinstve i mnogoobrazii yeye izmereniy [Power is in the unity and diversity of its dimensions]. Gosudarstvo i parvo, 11: 3-11 (in Russian)
7. Il'in V.V. 1994. Filosofiya vlasti [Philosophy of power]. М., Izd-vo MGU: 271.
8. Il'in V.V., Akhiyezer A.S. 1997. Rossiyskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy [Russian statehood: origins, traditions, prospects]. М., Izd-vo MGU: 384 p.
9. Kant I. 2018. Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. М., Izd-vo AST: 784.
10. Kassirer E. 1988. Opyt o cheloveke: vvedeniye v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury [Human experience: introduction to the philosophy of human culture]. In: Problema cheloveka v zapadnoy filosofii [The problem of man in Western philosophy]. Sost. i poslesloviye P.S. Gurevicha. М., Progress: 3-30.
11. Kravchenko I.I. 1998. Vvedeniye v issledovaniye politiki [Introduction to the study of politics]. М., ИФРАН: 188.
12. Ledyayev V.G. 2000. Vlast': kontseptual'nyy analiz [Power: a conceptual analysis]. Polis, 1: 97-107.
13. Nenovski N. 1987. Pravo i tsennosti [Law and values]: Per. s bolg. М., Progress: 248.
14. Noskov V.A. 2017. Apologiya integrativnogo prava v svete refleksivnoy traktovki [Apologia of integrative law in the light of reflexive interpretation]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law], 5: 37-45.
15. Panarin A.S. 1997. Politologiya. Uchebnik [Political science. Textbook]. М., Prospekt: 408.
16. Tonkov Ye.Ye. 2016. Gosudarstvo sozidayushcheye: sovershenstvovaniye form deyatel'nosti v usloviyakh modernizatsii [The creative state: improvement of forms activities in the conditions of modernization]. In: Gosudarstvo sozidayushcheye: yuridicheskaya model' i sovremennyye riski [The creative state: the legal model and modern risks]. Pod red. O.N. Polukhina. М., Yurlitinform: 142-210.
17. Chernykh S.S. 2018. Antropologiya vlasti: opyt kontseptual'noy rekonstruktsii [Anthropology of power: the experience of conceptual reconstruction]. Avtoreferat diss. ... d-ra filoz. nauk. Belgorod: 39.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Борисов Г.А., Носков В.А., Мочалов В.С. 2019. Политика и право как ипостаси власти: критерий регулятивного размежевания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 452–459. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-452-459

Borisov G.A., Noskov V.A., Mochalov V.S. 2019. Politics and law as the hypostasis of power: the criterion of regulatory separation. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 452–459 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-452-459

УДК 342

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-460-466

**О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР
ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ВЫБОРАМ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ABOUT INCONSISTENCY OF SEPARATE PROCEDURES OF ELECTORAL
PROCESS ON ELECTIONS OF HEADS OF SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**А.Н. Гуторова
A.N. Gutorova**

ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет»,
Россия, 305040, г. Курск, 50-лет Октября, 94

Southwest State University,
94 50-let Octaybra St, Kursk, 305040, Russia

e-mail: allagutorova@mail.ru

Аннотация

Сегодняшняя политическая действительность явно демонстрирует необходимость перемен в процессе выдвижения кандидатов на должность главы субъекта. Автором рассмотрено введение муниципального фильтра, последствия его применения и на практике последних выборов, отслежены новые тенденции в выдвижении кандидатов на должность главы субъекта. Методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: сравнительно-правовой, историко-правовой, комплексного анализа, сравнения и обобщения. Проведен анализ регионального законодательства о выборах глав субъектов, выборов глав субъектов РФ в единый день голосования в 2017 и 2018 годах с точки зрения выдвижения кандидатур и результатов выборов. Муниципальный фильтр в большей степени является препятствием для проведения честных и демократических выборов. Сложившаяся практика назначения Президентом временно исполняющих обязанности главы, а затем проходящих через систему выборов, ставит под сомнение демократичность процедуры и превращает ее в формальность. Исходя из статуса выборной должности главы субъекта, отправление его в отставку Президентом РФ и назначение им временной кандидатуры вызывает достаточно много нареканий. На наш взгляд, более правильно с точки зрения права исполнять обязанности ушедшего в отставку главы до следующих выборов лицом, занимающим близкую должность.

Abstract

The federal system of Russia assumes the existence of the verticals of power locally. This power is represented in the subjects the head of the subject - the head of the republic, the governor, the mayor (for cities with federal significance). The election procedure for the highest officer of the federation is determined by federal law and the law of the subjects of the Russian Federation. The head of the federation subject is chosen by the population of the subject or deputies of the legislative (representative) body subject of the federation for a period of five years. The law of the subject of the federation controls the ability to participate in elections, set requirements for the number of signatures of deputies in support of the candidate, the requirements for the candidate. It is interesting to review and analyse the implementation of the municipal filter, effects of its application and on practice of the last election to trace the new trends in the nomination candidates for the post of head of the subject. The methodological basis of the study was a set of methods of scientific knowledge: comparative legal, historical legal, complex analysis, comparison and generalization. The result of the held study is held analysis of regional legislation on the election of heads of subjects, elections of the heads of the subjects of the Russian Federation on the single voting day in 2017 and 2018, from the point view of the nomination and election results. Today's political reality clearly

demonstrates the necessity of the change in the process of nominating candidates for the position of head of the subject. The municipal filter is largely an obstacle to hold fair and democratic elections. Established practice of the appointment by the President of the acting heads and then passing through the electoral system, puts in doubt the democratic procedures and turns it into a formality. Based on electoral status of the subject head his dismissing and appointing ad hoc candidate which given by the President causes a lot of complaints. In our opinion, more correctly as a matter of law to deputize the duties of a retired chapter before the election by a person holding close position.

Ключевые слова: глава субъекта федерации, выборы главы, губернатор, прямые выборы, отставка главы субъекта, муниципальный фильтр.

Key words: head of the subject of the federation, election of the head governor, direct election, resignation of the head of the subject, municipal filter.

Федеральный закон (ФЗ) от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предоставляет субъектам федерации возможность выбрать из двух вариантов порядка выборов высшего должностного лица субъекта РФ. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами, проживающими на территории данного субъекта. При этом кандидатуру на выборную должность выдвигают только политические партии, за исключением случаев, когда законом субъекта предусмотрено самовыдвижение кандидатов (один из немногих регионов – Тульская область). Или же высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается депутатами законодательного (представительного) органа субъекта федерации из числа трех кандидатур, представленных Президентом РФ (в республиках Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Адыгея, Северная Осетия – Алания и в Ямало-Ненецком автономном округе). Тем самым государство продолжило политику, направленную на повышение роли политических партий в общественной и государственной жизни.

Законодателем было изменено требование к выдвижению кандидатов, избираемых гражданами, проживающими на территории данного субъекта. Сбор подписей был заменен так называемым муниципальным фильтром. При этом кандидат для избрания его высшим должностным лицом должен собрать определенное законом субъекта количество подписей депутатов городов, районов данного субъекта. На сегодняшний день это количество устанавливается в пределах 5–10 % подписей муниципальных депутатов, порядка 18 субъектов федерации установили 10 % барьер (Республика Хакасия, Краснодарский край и др.), около 11 субъектов установили требование о необходимости сбора 5 % подписей (Белгородская область, Новосибирская область, Красноярский край и др.), остальные субъекты федерации определили 6–8 % подписей депутатов (в Курской области 6 %, в Брянской, Вологодской, Тульской, Ленинградской областях, Чеченской республике это 7 %, а в Орловской, Владимирской областях необходимо собрать 8 % подписей депутатов).

Данное положение уже становилось предметом рассмотрения Конституционного суда РФ и было признано не противоречащим Конституции Российской Федерации [Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П]. Если рассматривать положительные аспекты муниципального фильтра, то, бесспорно, депутат любого уровня, прежде чем поставить подпись в пользу кандидата на должность главы региона, должен продумать и понимать, что может сделать для региона в качестве его руководителя данный кандидат. Таким образом, максимально исключается возможность прихода к власти человека, которого не знают в регионе, который не знает проблем и нужд данного региона, не пользуется авторитетом и не смог продемонстрировать свои деловые качества.

Но имеют место и негативные аспекты использования такого фильтра. Во-первых, учитывая сложившуюся сегодня систему, когда основная масса депутатских мандатов принадлежит одной партии, возникает реальная угроза невозможности регистрации кан-

дидатов от других политических партий. Председатель ЦИК Э.А. Панфилова неоднократно говорила о том, что при сложившейся системе кандидаты вынуждены «договариваться» с представителями партии «Единая Россия», в противном случае они не имеют возможности выдвинуть свою кандидатуру для участия в выборах. Таким образом, нет каких-либо четких, прозрачных критериев, по которым депутаты от партии власти ставили бы свои подписи в пользу той или иной кандидатуры. К сожалению, зачастую решения принимаются, исходя из мотивов, не имеющих отношения к нормам права, а обусловленных критериями взаимных уступок и личностных договоренностей в пользу того или иного лица, что, на наш взгляд, является злоупотреблением правом. Кроме того, в случае участия в выборах нечистоплотных кандидатов, имеется возможность заблокировать выдвижение других лиц. Для этого достаточно собрать большее количество подписей, чем требуется в соответствии с законом субъекта. А учитывая положение федерального закона (ст. 18 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации») депутат может отдать свою подпись только одному кандидату. В случае, если избирательная комиссия установит, что имеет место подписание для двух кандидатов, то засчитывается та подпись, которая была проставлена раньше. Подобное положение неоднократно находило подтверждение в решениях судов [Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.09.2018 № 86-АПГ18-9; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 28.08.2017 № 73-АПГ17-4]. Таким образом, у других кандидатов не будет набрано достаточного количества подписей депутатов.

Это, безусловно, вызывает определенные негативные последствия. В данном случае депутаты от «Единой России» вынуждены или выразить согласие в пользу кандидата от другой партии (имя которого предварительно согласовано), или допустить проведение в регионе безальтернативных выборов.

Во-вторых, в соответствии с федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» «Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается гражданами Российской Федерации, проживающими на территории данного субъекта Российской Федерации и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». Соответственно, при условии наличия муниципального фильтра, население субъекта выбирает уже из тех лиц, которых «отобрали» для участия в выборах.

Участники рабочей группы Администрации Президента РФ в феврале 2019 года пришли к соглашению о необходимости снижения процента подписей, собираемых кандидатом на должность главы субъекта федерации. Таким образом, муниципальный фильтр снизится до 5 %. Следующий шаг – это внесение законопроекта, который, чтобы быть принятым, должен получить одобрение членов Государственной Думы. В случае принятия такого закона субъектам потребуется внести изменения в свое региональное законодательство и установить соответствующий процент необходимых подписей депутатов. Открытым остается вопрос, достаточно ли такое снижение для обеспечения объективности и равенства участия в выборах высшего должностного лица субъекта представителями различных политических партий. С определенной долей вероятности можно предполагать, что данный законопроект не получит поддержки. Так как оппозиционные партии неоднократно заявляли требование об отмене «муниципального фильтра» (например, депутаты Государственной Думы: заместитель председателя фракции «Справедливая Россия» Олег Нилов, заместитель председателя ЦК КПРФ Юрий Афонин), мало вероятно, что они захотят удовлетвориться снижением размера количества подписей, необходимых для выдвижения кандидата, скорее всего, они будут продолжать требовать полной отмены сбора подписей депутатов.

Без ответа остается вопрос о необходимости замены в 2012 году процедуры сбора подписей избирателей на действующий сегодня муниципальный фильтр. Учитывая, что согласно ФЗ от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», кандидат, выдвинувший свою кандидатуру в порядке самовыдвижения, должен собрать еще и подписи избирателей в количестве, определенном законом субъекта. К примеру, в Тульской области самовыдвиженец должен собрать 7 % подписей депутатов представительных органов муниципальных образований Тульской области и 2 % подписей избирателей, зарегистрированных на территории области. Таким образом, законодатель установил двойной порог доступа для самовыдвиженца, что еще раз подчеркивает, что государство отдает предпочтение политическим партиям и принимает все возможные меры для повышения их значимости.

К сожалению, в Российской Федерации за несколько последних лет сложилась, на наш взгляд, достаточно негативная практика в вопросе выборов главы субъекта. Можно с уверенностью утверждать, что сложился определенный механизм действий, предшествующий дню голосования. В субъекте федерации, глава субъекта, чей срок истекает, слагает полномочия (подаёт прошение Президенту РФ об отставке по собственному желанию). Президент РФ принимает отставку и назначает временно исполняющего обязанности главы субъекта (врио). Именно этот врио и выдвигается политической партией в качестве кандидата на сентябрьские выборы. И, как ни странно, он и становится главой субъекта, за редким исключением этот механизм дает сбой.

На выборах в сентябре 2017 года в Калининградской области губернатором области избран А.А. Алиханов, с октября 2016 года исполняющий обязанности; в Кировской области – И.В. Васильев, с июля 2016 года врио главы; Пермский край – М.Г. Решетников, с февраля 2017 года врио главы и т.п. На сентябрьских выборах 2017 года избирались главы в 16 субъектах Российской Федерации, из них в 15 субъектах были избраны лица, временно исполняющие обязанности главы субъекта, и в одном (Белгородская область) – действующий губернатор.

На выборах 2018 года в Самарской области главой избран Д.И. Азаров, с сентября 2017 года врио главы; в Нижегородской области – Г.С. Никитин, с сентября 2017 года врио главы; в Красноярском крае – А.В. Усс, с сентября 2017 года врио главы; в Орловской области – А.Е. Клычков, с сентября 2017 года врио главы и т.п. В общем, в сентябре 2018 года выборы глав проводились в 22 субъектах, из них в одном субъекте выборы были признаны не состоявшимися (Приморский край), и только в пяти субъектах не было назначено врио, но при этом в двух из них на выборы шли действующие губернаторы. Таким образом получается, что в 18 субъектах главой стали действующие главы (губернаторы, мэры) или лица, временно исполнявшие эти обязанности, и только в 3 субъектах главами были избраны иные лица.

Если проанализировать причины отставки действующих губернаторов, мэров и глав субъектов, то получается, что в 2017 году Президент отправил в отставку двух глав субъектов в связи с утратой доверия, двух глав субъектов в связи с новым назначением, а в 11 субъектах это была добровольная отставка.

В преддверии выборов 2018 года сложилась похожая ситуация: отправлены в отставку в связи с новым назначением главы трех субъектов, добровольная отставка главы принята в 13 субъектах.

И выборы, которые будут проходить в сентябре 2019 года, скорее всего, пройдут аналогично. Так как в Курской области в октябре 2018 года назначен врио главы Р.В. Старовойт, и уже последовало заявление о том, что на выборы он пойдет от партии «Единая Россия» (предыдущий губернатор А.Н. Михайлов традиционно подал в отставку), в Липецкой области – И.Г. Артамонов, назначенный врио в октябре 2018 года, в Челябинской области – А.Л. Текслер, назначенный врио в марте 2019 года (Б.А. Дубровский подал в отставку); в республике Калмыкия – Хасиков Б.С., назначенный врио в марте 2019 года

(глава республики А.М. Орлов ушел в отставку по собственному желанию); в Республике Алтай – О.Л. Хорохордин, назначенный врио в марте 2019 года (глава республики А.В. Бердников подал в отставку в связи с переходом на новую работу), то имеются вполне объективные основания предполагать, что задействована уже устоявшаяся схема, при которой главам дают возможность до выборов поработать в регионе.

Определенные сомнения в данном случае вызывает также процедура досрочного прекращения полномочий главы субъекта Президентом РФ. Учитывая, что глава субъекта (в рассматриваемых нами случаях) выбирается населением субъекта, не ясно, почему именно Президенту направляется прошение о досрочном прекращении полномочий. В соответствии с ФЗ № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» п. 1.2 ст.19 предусматривает, что в случае досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта по собственному желанию решение принимает Президент РФ без согласования с кем-либо, т.е. без учета мнения населения, избравшего высшее должностное лицо. На наш взгляд, следует согласиться с мнением ряда авторов о необоснованности данного процесса. В частности, С.В. Нарутто верно указывает на отсутствие подчиненности между Президентом РФ и главой субъекта [Нарутто, 2013].

Досрочное прекращение полномочий главы субъекта федерации в связи с утратой доверия также осуществляется Президентом РФ, согласно п.п. «г» п.1 ст.19 ФЗ №184-ФЗ. Данный пункт неоднократно пересматривался и дополнялся. Если первоначальная редакция была абсолютно расплывчатой, то после внесения изменений возможность досрочного прекращения полномочий в связи с утратой доверия осталась, но предпринята попытка конкретизации условий, при наличии которых президент может принять данное решение. Тем не менее современные ученые конституционалисты говорят о необходимости в данном случае предварительного вынесения решения судом, а затем только становится возможным принятие решения Президентом РФ о досрочном прекращении полномочий [Дзидзоев, 2012; Мирзоев, 2016; Кравцова, 2017]. Аргументы различны, но в общем сводятся к тому, что главу субъекта выбирает население или представительный (законодательный) орган власти субъекта, соответственно доверие оказывают именно они, а не Президент, но при этом Президент имеет возможность самовольного отстранения главы субъекта от должности. Кроме того, несмотря на попытку законодателя очертить круг оснований для выражения недоверия, вопросов остается достаточно много. Нельзя не согласиться с мнением И.А. Володько [Володько, 2015], что отсутствие конкретных оснований для утраты доверия ставит под вопрос не только сам механизм отрешения от должности, но и возможность дальнейшего обжалования Указа Президента РФ, т.е. защиты лицом своих прав, а при этом Конституция РФ гарантирует каждому право на судебную защиту. Ведь действительно Указы Президента сформулированы шаблонно «отрешить... от должности... в связи с утратой доверия Президента РФ» [указы Президента РФ от 28.07.2016 № 377 и от 04.04.2017 №142], не обосновывая самих причин утраты такого доверия.

На наш взгляд, необходимо дальнейшее усовершенствование механизма отставки главы субъекта федерации, с тем чтобы исключить возможность субъективного и произвольного отстранения. Кроме того, на наш взгляд, более целесообразным было бы предусмотреть в региональном законодательстве исполнение обязанностей главы субъекта лицом, занимающим должность близкую к должности главы субъекта, в случае, если действующий глава покинул свой пост до единого дня голосования. Такое лицо исполняло бы функции главы субъекта в силу своего должностного положения до вступления в должность вновь избранного главы.

Таким образом, необходимость сбора подписей депутатов в поддержку кандидата, которая на сегодняшний день осложнена существующей политической системой, отсутствие в ряде регионов прямых выборов главы субъекта и практика предварительного назначения кандидата на должность временно исполняющего обязанности главы региона составляют сформированную государством систему, при которой номинально существу-

ют выборы главы субъекта, но фактическая составляющая выборов достаточно далека от демократических принципов.

Список литературы

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.09.2018 № 86-АПГ18-9. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06092018-n-86-apg18-9/> (дата обращения 11.05.2019)
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 28.08.2017 № 73-АПГ17-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082017-n-73-apg17-4/> (дата обращения 11.05.2019)
3. Володько И.А. 2015. Совершенствование отдельных мер конституционно-правового принуждения. Конституционное и муниципальное право, 9: 19-22.
4. Дзидзоев Р.М. 2012. Призвание к должности главы субъекта Российской Федерации: новый формат. Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 г. / отв. ред. С.А. Авакьян. М., Юрист, С. 464-468.
5. Кравцова Е.А. 2017. К вопросу об участии Президента Российской Федерации в процедуре досрочного прекращения полномочий высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Конституционное и муниципальное право, 6: 45-49.
6. Мирзоев М.Г. 2016. К вопросу о конституционно-правовых способах влияния федеральной власти на порядок замещения и процедуру досрочного прекращения полномочий главы субъекта Российской Федерации. Государственная власть и местное самоуправление, 1: 33-38.
7. Нарутто С.В. 2013. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом РФ. Lex Russica, 7: 698-705.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139674/ (дата обращения 11.05.2019)
9. Указ Президента РФ от 04.04.2017 №142 «О досрочном прекращении полномочий Главы Удмуртской Республики». URL: <http://docs.cntd.ru/document/456053634> (дата обращения 11.05.2019)
10. Указ Президента РФ от 28.07.2016 № 377 «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Кировской области. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420367715> (дата обращения 11.05.2019)

References

1. The appeal determination of the Supreme Court of 06.09.2018 № 86-APPG 18-9. Available at: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06092018-n-86-apg18-9/> (accessed 11 May 2019)
2. The appeal determination of the Supreme Court of 28.08.2017 № 73-APPG17-4. Available at: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28082017-n-73-apg17-4/> (accessed 11 May 2019)
3. Volod'ko I.A. 2015. Sovershenstvovanie otchel'nyh mer konstitucionno-pravovogo prinuzhdeniya [Improvement of certain measures of constitutional and legal coercion]. Konstitucionnoe i municipal'noe parvo [Constitutional and municipal law], 9: 19-22. (in Russian)
4. Dzidzoev R.M. 2012. Prizvanie k dolzhnosti glavy sub"ekta Rossijskoj Federacii: novyj format [Calling to the post of head of the subject of the Russian Federation: new format].

Konstitucionnoe pravo i politika: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Constitutional law and policy: Proceedings of the International scientific conference]: YUridicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 28-30 marta 2012 g. / otv. red. S.A. Avak'yan. M., YUrist, 464-468.

5. Kravcova E.A. 2017. K voprosu ob uchastii Prezidenta Rossijskoj Federacii v procedure dosrochnogo prekrashcheniya polnomochij vysshih dolzhnostnyh lic sub"ektov Rossijskoj Federacii [On the participation of the President of the Russian Federation in the procedure of early termination of powers of senior officials of the Russian Federation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 6: 45-49.

6. Mirzoev M.G. 2016. K voprosu o konstitucionno-pravovyh sposobah vliyaniya federal'noj vlasti na poryadok zameshcheniya i proceduru dosrochnogo prekrashcheniya polnomochij glavy sub"ekta Rossijskoj Federacii [To the question of constitutional and legal methods of influence of the Federal government on the procedure of substitution and the procedure of early termination of powers of the head of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 1: 33-38.

7. Narutto S.V. 2013. Otreshenie vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta Rossijskoj Federacii ot dolzhnosti Prezidentom RF [Otreshenie vysshego dolzhnostnogo lica sub"ekta Rossijskoj Federacii ot dolzhnosti Prezidentom RF]. *Lex Russica*, 7: 698-705.

8. Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of 24.12.2012 No. 32-P "On the case of verification of constitutionality of certain provisions of Federal laws "On General principles of organization of legislative (representative) and Executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation" and "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139674/ (accessed 11 May 2019)

9. The decree of the President of the Russian Federation from 28.07.2016 № 377 "On early termination of powers of the Governor of the Kirov region. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420367715> (accessed 11 May 2019)

10. The decree of the President of the Russian Federation from 04.04.2017 No. 142 "On early termination of powers of the Head of the Udmurt Republic». Available at: <http://docs.cntd.ru/document/456053634> (accessed 11 May 2019)

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Гуторова А.Н. 2019. О противоречивости отдельных процедур избирательного процесса по выборам глав субъектов Российской Федерации. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* 44 (3): 460–466. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-460-466

Gutorova A.N. 2019. About inconsistency of separate procedures of electoral process on elections of heads of subjects of the Russian Federation. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series.* 44 (3): 460–466 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-460-466

УДК 343.131.5

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-467-473

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА РАССЛЕДОВАНИЯ
– УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**FORENSIC INVESTIGATION INTO THE CAUSES OF AND CONDITIONS
CONDUCTIVE TO COMMITTING A CRIME**

М.Е. Игнатьев

M.E. Ignatiev

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, 1, строение 13

Lomonosov Moscow state University Department of criminalistics,
1, building 13 Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russia

e-mail: 89166810785@mail.ru

Аннотация

Дана краткая историческая справка возникновения идеи профилактики преступлений в правовой науке, а также рассмотрены основы исследования данного вопроса в аспекте предмета криминалистики известными отечественными учеными. Приводятся актуальные для современной криминалистики аспекты профилактической деятельности следователя в процессе расследования преступлений на основе установления их причин и условий. Объясняется двухвекторное развитие современной криминалистической профилактики на основе деятельности следователя по предупреждению преступлений, осуществляемой как в процессуальной, так и в не процессуальной форме, а также деятельности эксперта, выявляющего при производстве экспертных исследований обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Abstract

In this publication, the author considers topical issues related to the problems of establishing the causes and conditions conducive to the Commission of crimes, including those related to the purposes of forensic prevention. At the beginning of the publication provides a brief historical background of the emergence of this issue in legal science, as well as the basis of its research in the aspect of the subject of criminology by well-known domestic scientists. The aspects of preventive activity of the investigator in the course of investigation of crimes because of establishment of their reasons and conditions are given actual for modern criminalistics. Two-vector development of modern criminalistics prevention on the basis of activity of the investigator on the prevention which is carried out both in procedural, and not procedural form, and also activity of the expert revealing at production of expert researches of the circumstances promoting Commission of crime is explained.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая профилактика, причины и условия преступлений, следственная профилактика, экспертная профилактика.

Key words: criminalistics, crime prevention, the causes and conditions of crimes, investigation, prevention, peer prevention.

Общеизвестно, что криминалистическая профилактика является неотъемлемой составной частью деятельности по расследованию преступления. Попытки выделить криминалистическую профилактику из следственной деятельности, а потом показать их неразрывную сущность, вызывают определенные затруднения. Следственную деятельность невозможно представить изолированно от профилактики по причине того, что, расследуя

преступление, следователь обязан установить его причины (иначе преступление не будет раскрыто), а установив их, обязан принять меры к их устранению (в противном случае прокурор не утвердит обвинительное заключение). Отсюда следует вывод: деятельность по расследованию преступлений и деятельность по установлению его причин – едины и неделимы, и объединяют эти две составляющие именно причинно-следственные связи.

Расследование преступлений традиционно протекает по одной и той же схеме. Установив один из элементов состава преступления (на практике, в большинстве случаев, – это объективная сторона, например, произошло дорожно-транспортное происшествие (ДТП)), следователь обязан установить и оставшиеся три элемента (объект, субъект и субъективную сторону, т.е. автомобили, участвовавшие в ДТП, факт причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшим или их гибель и данные о личности водителя, причастного к ДТП), и не просто установить «кредит доказательств» (такой термин широко используется специалистами в сфере уголовного права) в виде объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, но и «скрепить» эти элементы причинно-следственными связями. В примере о ДТП – установить, по крайней мере, располагал ли водитель технической возможностью избежать ДТП, т.е. момент времени, с которого нормальная дорожная обстановка превратилась в аварийную, интервал времени, в течение которого водитель имел возможность избежать ДТП, и момент столкновения – наезда, повлекшего либо смерть потерпевшего, либо причинение тяжкого вреда его здоровью. Доказав эти и иные обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, следователь обязан выполнить требования ч. 2 ст. 73 УПК РФ и выявить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, т.е. установить те причины, совокупность которых позволяет утверждать, что преступление расследовано полно, объективно и всесторонне. В примере о ДТП – установить несоответствие скорости движения автомобиля, избранной водителем, требованиям безопасности движения, поскольку последний был, например, некачественно подготовлен в автошколе. После выявления перечисленных обстоятельств, которые в криминалистике называют причинами и условиями, способствовавшими совершению преступления, следователь обязан принять меры к их устранению, т.е. принять соответствующие меры профилактики. В нашем примере – приостановить деятельность автошколы, подготовившей неграмотного водителя и проверить её деятельность на предмет соответствия техническим и образовательным стандартам обучения водителей. Поэтому, по нашему мнению, причинно-следственные связи между расследованием и профилактикой достаточно очевидны. Расследование не может считаться завершённым без принятия мер профилактического характера. В свою очередь, меры профилактики целесообразно применять, если преступление расследовано однобоко, неполно и необъективно.

Повторимся: разделить процесс расследования и профилактическую деятельность невозможно. Но, как и в каждом правиле, могут быть исключения. Так, в случае, если преступление не раскрыто, то вполне естественно, что его причины не установлены, следовательно, о мерах профилактики говорить преждевременно. Правда, и в этой ситуации имеется исключение: даже если преступление не раскрыто и лицо, подлежащее уголовной ответственности, не установлено, в ряде случаев организовать профилактические мероприятия правоохранительные органы обязаны. Например, в случаях серийных убийств и изнасилований, когда преступник годами скрывается от правосудия, продолжая свою преступную деятельность, профилактической мерой является усиление контроля за теми участками местности, где наиболее часто происходят нападения на жертвы. В этих местах (парках, улицах) налаживается освещение в тёмное время суток, туда направляются дополнительные наряды полиции при патрулировании и т.д.

Под профилактикой (от греческого слова *prophylaktikos* – предохранительный) – понимается совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [Ожегов 1989]. Профилактика преступлений – не изобретение отечественных юристов. Идея профилактики прозвучала уже в трактатах Платона, где он высказался за ряд уголовно-профилактических идей и советовал

законодателю так составлять законы, чтобы отвращать от преступления тех, которые могут сделаться преступниками из-за несовершенства законов. Профилактика преступлений исследовалась и другим виднейшим ученым древности, например, Аристотелем, который прямо писал об этом явлении, осознавая, что с преступлением не только нужно бороться, но и по возможности постараться предупредить его [Иванов, 2004].

В Русском государстве идея профилактики, пожалуй, впервые прозвучала в X-XI веках, в Уставе Владимира Мономаха, который являлся составной частью сборника древнерусских правовых норм – «Русской Правды (Пространной редакции)». В дальнейшем она нашла свое отражение и развитие в Указах Петра I, Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, вступившем в действие в 1832 году [Гиляровский, 2007] и других нормативно-правовых документах.

Научными проблемами организации профилактики преступлений в Российской Империи достаточно активно занимались видные ученые-юристы. К таковым следует отнести Б.Н. Чичерина, считавшего, что государство должно энергично заботиться о благе общества и самого себя как политического союза [Иванов, 2004, с. 23-24].

В советский период развития российского государства проблема профилактики также не осталась вне поля зрения ученых-криминалистов. Идею создания теории криминалистической профилактики выдвинул в 1961 г. В.П. Колмаков. Эта идея длительное время оставалась слабо разработанной [Колмаков, 1961]. В 70-е годы XX века, судя по материалам фундаментальных трудов общепризнанного лидера отечественного криминалистического научного знания Р.С. Белкина [Колмаков, 1961, с. 129], криминалистика, как и криминология уже занимались проблемами предупреждения преступлений, но между ними не было дублирования. Предметом криминалистической профилактики являлись такие меры предупреждения преступлений, как технические и тактические. Они основывались на закономерностях возникновения доказательств и работы с ними (например, технические меры охраны определенных объектов).

В этой связи можно отметить работу криминалиста А.Г. Лекаря, в которой он предложил структуру криминалистической профилактики преступлений [Лекарь, 1972], работы В.Ф. Зудина [Зудин, 1983], многих других отечественных криминалистов.

Криминалистическая профилактика периода «перестройки» и формирования суверенной российской государственности в силу ряда причин была вынуждена базироваться на обобщении и анализе расследования уголовных дел в определенном регионе за весьма непродолжительный период времени. В этой связи в обстоятельствах колоссального роста преступности ученые-криминалисты, не прекращая исследований в области профилактической деятельности следователя, вынуждены были обратиться к криминалистической профилактике как к самостоятельному криминалистическому учению и обосновать его основные атрибуты.

С этого времени система научных знаний о криминалистической профилактике и ее месте в общей системе криминалистики постоянно пополняется новыми трудами ученых, среди которых следует отметить работы В.К. Гавло, И.И. Иванова, А.М. Кустова, В.В. Степанова, С.А. Шейфера, М.Ш. Махтаева, Н.П. Яблокова и других ученых.

В XXI веке по данной проблематике были защищены докторские диссертации М.Ш. Махтаевым «Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений» (2001 г.), Ивановым И.И. «Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив» (2004 г.).

М.Ш. Махтаев посвятил свой труд общим положениям криминалистики и криминалистической профилактики, под которыми он рассматривал учение о закономерностях возникновения, обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах, приемах и методах криминалистики, направленных на устранение указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся пре-

ступлений [Махтаев, 2001]. Вероятно, М.Ш. Махтаев прав, обратив внимание на готовые преступления. Однако, по нашему мнению, криминалистическая профилактика гораздо шире и глубже, и начинаться должна даже не с момента начала вынашивания каким-либо субъектом замысла на совершение преступления, а гораздо раньше, например, с момента принятия явно непродуманного законодательного акта, открывающего возможности для нецелевого использования государственного бюджета, других преступлений.

Внимание И.И. Иванова в значительной степени уделено типичным элементам профилактики на различных этапах расследования преступлений. Применительно к первоначальному этапу расследования – это следственные действия по сбору информации профилактического содержания, предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременному обнаружению, быстрому раскрытию совершенных преступлений, пресечению конкретной преступной деятельности, выявлению обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений и признаков противодействия расследованию.

Для последующего этапа расследования, по мнению Иванова, характерны следственные действия, направленные на полное раскрытие преступлений, ликвидацию опасных последствий конкретной преступной деятельности, преодоление противодействия расследованию [Иванов, 2004].

Интересно, что точки зрения двух ведущих профессоров, Р.С. Белкина и Н.П. Яблокова, о природе криминалистической профилактики практически совпали. Так, профессор Н.П. Яблоков на одной из конференций, состоявшихся в 1997 г., высказал мнение о том, что криминалистическая профилактика содержит два направления: первое – в экспертной профилактике, второе – в изучении профилактических основ следственной практики. По его мнению, основой для экспертно-криминалистической профилактики являются экспертная практика и данные криминалистической техники [ЯБЛОКОВ, 1997, с. 110-111]. Профессор Р.С. Белкин в работе 1999 г. также посчитал, что криминалистическая профилактика должна развиваться по двум направлениям [Белкин, 1999].

Представляет интерес точка зрения А.А. Баракшина, который предложил изучать проблемы криминалистической профилактики применительно к конкретным ситуациям, возникающим в деятельности следователя. По его мнению, к особенностям, формирующим такого рода ситуации по расследуемым делам, можно отнести следующие факторы: 1) объем и качество криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления; 2) характер источников криминалистически значимой и иной информации о таких обстоятельствах; 3) особенности объекта предупредительного воздействия; 4) практическая целесообразность проведения соответствующих предупредительных мероприятий в анализируемый момент расследования; 4) наличие у следователя возможности четко определить характер требуемого предупредительного воздействия криминалистическими средствами на выявленный объект в данный момент в реальном для следователя объеме; 5) возможность оказания предупредительного воздействия средствами, приемами и методами криминалистики на конкретный объект в данной ситуации; 6) отсутствие мешающих воздействию каких-либо барьеров (организационных, правовых, психологических и иных); 7) обеспеченность возможных предупредительных мероприятий реальным временем [Баракшин, 2008].

Свою точку зрения по поводу криминалистической профилактики высказали и представители саратовской школы криминалистов И.П. Можяева и В.В. Степанов [Можяева, 2007], а также специалист из Санкт-Петербурга В.В. Вандышев [1982].

Творчески развивая мысли криминалистов о профилактике преступлений, в 2011 г. Ю.Н. Аксёнова-Сорохтей в Воронежском государственном университете успешно защитила кандидатскую диссертацию «Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних», привнеся в криминалистическую профилактику несколько достойных внимания авторских позиций, одной из которой явилось её актуальное

предложение по созданию отдельного криминалистического учения о профилактике преступлений несовершеннолетних [Аксенова-Сорохтей, 2011].

Уже отмечалось, что сфера криминалистической профилактики преступлений существенно отличается от криминологической профилактики. По справедливому замечанию Р.С. Белкина, именно специальный характер средств и методов криминалистического предупреждения преступлений отграничивает их от средств и методов профилактики преступлений, составляющих предмет иных юридических наук [Белкин, 2001]. Действительно, проблемами криминалистической профилактики занимаются многие государственные и общественные структуры, но лишь следователь обладает тем комплексом технических, информационных, вербальных, моральных и этических средств воздействия на окружающих его лиц, чтобы намеченные им мероприятия по профилактике могли начать реализовываться немедленно. Не менее важно, что именно он, следователь, первым получает данные о первопричинах противоправного поведения правонарушителя, используя для этого различные источники информации – от вербальных до компьютерных.

Так, привлекая к участию в допросе несовершеннолетнего подозреваемого его родителей, педагогов и психологов, следователь одновременно, фактически не отрываясь от технологии и тактики допроса, может установить момент зарождения у подростка желания заняться криминальной деятельностью, высветить ряд негативных моментов, изобличающих лиц, окружающих подростка, в создании условий, приведших его в кабинет следователя. Другими словами, следователь может установить причины возникновения криминальной направленности подростка. Например, допрашивая подростка о проблемах в семье, следователь выясняет, что в ней создан культ силы, денег и единовластия, который отразился на формировании юного правонарушителя. А учитывая, что на допросе присутствуют родители подростка, следователь, даже не вынося предусмотренного ст. 158 УПК РФ представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, обязан предупредить этих родителей об изменении взаимоотношений в семье, чтобы на скамье подсудимых не оказался следующий их «отпрыск». Допрашивая об условиях учебы и установив, что в классе сформировался негативный настрой к отличникам, приведший к изоляции подростка, и именно этот факт послужил началом формирования криминальных интересов молодого человека, следователь обязан здесь же, в своем кабинете, провести профилактическую беседу с учителем и потребовать принять меры, исключая возвеличивание двоечников над примерными ребятами и т.д. Насколько можно судить по судебной практике, нередко уже к моменту судебного разбирательства руководители школ рапортуют суду о полном изменении отношения детей к обучению, т.е. беседа следователя была правильно понята и имела успех. Это – только один из многих примеров, когда следователь, выявив момент и причины начала формирования криминальных наклонностей у подростка, имеет право и обязан в полной мере пользоваться своими полномочиями с той целью, чтобы остальные подростки из семьи, школы и двора, не совершали аналогичных преступлений.

Помимо совершения профилактически направленных действий в ходе допроса, следователь имеет право и обязан употребить свои полномочия и авторитет для организации профилактики преступлений при проведении фактически любого следственного или иного процессуального действия. Это может касаться и очной ставки, и проверки показаний на месте, и проведения следственного эксперимента, и при избрании меры пресечения и пр. Выбор профилаксирующих действий бесконечен. Он зависит от опыта, желания и времени следователя, а также от помощи со стороны руководителя следственного отдела. Как пример удачной профилактики можно привести эпизод из следственной практики, когда девочки из одного класса в туалете школы «опустили» свою одноклассницу за то, что она была, по их мнению, слишком шикарно одета. Они избивали её, вырвали из её ушей золотые серёжки. При обсуждении данного деяния в классе (чему очень резко препятствовала директор школы), следователь объяснил всем старшеклассникам, что наказание за данные действия – не пятнадцать суток, как уже решили «юридически грамотные» под-

ростки и их родители, а реальный срок в местах лишения свободы. После такого мероприятия в данной школе на протяжении, по крайней мере, следующих 10 лет не было ни одного аналогичного происшествия, хотя суд ограничился условным наказанием.

Подводя итоги вышеизложенному, считаем необходимым обратить внимание, что «бум» развития научных основ криминалистической профилактики произошел в результате фактического слома эффективно действовавшей в течение трех десятилетий системы взаимного дополнения криминологической и криминалистической профилактики, которая имела место в конце 80-х – начале 90-х годов, что было связано с отсутствием достоверной информации о состоянии преступности, поскольку она несколько лет скрывалась от ученых-криминологов, отсутствием криминологических анализов и прогнозов (по В.В. Лунееву).

Основоположниками обновленной теории криминалистической профилактики в 1997 и 1999 годах явились профессора Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков М.Ш. Махтаев, практически одновременно заявившие о двухвекторном развитии основ криминалистической профилактики. Первый вектор: деятельность следователя по предупреждению преступлений, осуществляемая как в процессуальной, так и не процессуальной форме. Второй вектор: деятельность эксперта, выявляющего при производстве экспертных исследований обстоятельства, способствовавших (могущих способствовать) совершению преступления.

Криминалистическая профилактика лишь тогда эффективна, когда в её основе лежат бесспорно установленные данные о первопричинах начала развития либо преступной деятельности, либо формирование криминальных черт личности конкретного субъекта, т.е. причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Список литературы

1. Аксенова-Сорохтей Ю.Н. 2011. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж. 23 с.
2. Баракшин А.А. 2008. Проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений военнослужащих. Вестник криминалистики. М., СПАРК, 2 (26): 65 с.
3. Белкин Р.С. 2001. Курс криминалистики. М., ЮНИТИ-ДАНА: 69 с.
4. Белкин Р.С. 1999. Криминалистика: учебный словарь-справочник. М., Юристъ: 89 с.
5. Вандышев В.В. 1982. Криминалистическая профилактика в системе криминалистики. Правоведение, 12: 212 с.
6. Гиляровский В.А. 2007. Трущобные люди. М., Эксмо: 89 с.
7. Зудин В.Ф. 1983. Социальная профилактика. Криминологические и криминалистические проблемы. Издательство Саратовского университета: 109 с.
8. Иванов И.И. 2004. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 330 с.
9. Колмаков В.П. 1961. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. Советское государство и право, 12: 129 с.
10. Лекарь А.Г. 1972. Профилактика преступлений. М., Юридическая литература: 3-4 с.
11. Махтаев М.Ш. 2001. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: монография. М., Раритет: 96 с.
12. Можяева И.П., Степанов В.В. 2007. Организация расследования преступлений. Вестник криминалистики, 1 (21): 43 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 1989. Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М., Рус. яз. С.145.
14. Яблоков Н.П. 1997. Криминалистика и предупреждение преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции по проблеме профилактики правонарушений. М., С. 64.

References

1. Aksenova-Sorohtej YU.N. 2011. Chastnoe kriminalisticheskoe uchenie o profilaktike prestuplenij nesovershennoletnih [Private criminalistic doctrine about the prevention of crimes of minors]: Avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh. 23 p.

2. Barakshin A.A. 2008. Problemy kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniyaprestuplenij voennosluzhashchih [Problems as to criminal maintenance of investigation of crimes military personnel]. Vestnikkriminalistiki [Journal of criminology]. M., SPARK, 2 (26): 65 p.
3. Belkin R.S. 2001. Kurskriminalistiki [Course criminology]. M., YUNITI-DANA: 69 p.
4. Belkin R.S. 1999. Kriminalistika: uchebnyjslovar'-spravochnik [Criminalistics: educational dictionary-reference book]. M., YUrist": 89 p.
5. Vandyshev V.V. 1982. Kriminalisticheskaya profilaktika v sisteme kriminalistiki [Forensic prevention in the system of criminology]. Pravovedenie [Jurisprudence], 12: 212 p.
6. Gilyarovskij V.A. 2007. Trushchobnyelyudi [Slum people]. M., Eksmo: 89 p.
7. Zudin V.F. 1983. Social'nayaprofilaktika [Social preventive maintenance]. Kriminologicheskieikriminalisticheskie problem [Criminological and criminological problems]. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 109 p.
8. Ivanov I.I. 2004. Kriminalisticheskayaprevenciya (kompleksnoeissledovaniegenezisa, sostoyaniya, perspektiv) [Forensic prevention (comprehensive study of Genesis, condition, prospects)]: Dis. ...dokt. jurid. nauk. SPb., 330 p.
9. Kolmakov V.P. 1961. Nekotorye voprosy kriminalisticheskoy profilaktiki prestuplenij [Some questions of criminalistic crime prevention]. Sovetskoe gosudarstvo I parvo [Soviet state and law], 12: 129 p.
10. Lekar' A.G. 1972. Profilaktikaprestuplenij [Crime prevention]. M., YUridicheskayaliteratura: 3-4 p.
11. Mahtaev M.SH. 2001. Osnovyteoriiikriminalisticheskogopreduprezhdeniyaprestuplenij [Fundamentals of the theory of criminalistic prevention of crimes]: Monografiya. M., Raritet: 96 p.
12. Mozhaeva I.P., Stepanov V.V. 2007. Organizaciyarassledovaniyaprestuplenij [the Organization of crime investigation]. Vestnikkriminalistiki [Journal of criminology], 1 (21): 43 p.
13. Ozhegov S.I. Slovar' russkogoyazyka [Dictionary of Russian language]. 1989. Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.YU. SHvedovoj. M., Rus. yaz. P. 145.
14. Yablokov N.P. 1997. Kriminalistika i preduprezhdenie prestuplenij [Criminalistics and crime prevention]. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii po problem profilaktiki pravonarushenij [Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference on the problem of crime prevention]. M., P. 64.

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Игнатъев М.Е. 2019. Криминалистическая задача расследования – установление причин и условий, способствующих совершению преступления. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 467–473. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-467-473

Ignatiev M.E. 2019. Forensic investigation into the causes of and conditions conducive to committing a crime. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 467–473 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-467-473

УДК 342.7

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-474-479

**КОНСТИТУЦИОННО-СТРУКТУРНАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ
ПРАВООЗАЩИТНЫХ РИСКОВ В ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ 1918 ГОДА****CONSTITUTIONAL AND STRUCTURAL CORRELATION
OF HUMAN RIGHTS RISKS IN THE BASIC LAW OF 1918****А.Е. Новикова****A.E. Novikova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация

В связи с современной разработкой теории правозащитных рисков целесообразно в историческом сравнительно-правовом ключе говорить о декларативно-конституционной модели (по последовательности текста Основного документа Конституции РСФСР 1918 года). По мнению автора, в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа очевидны титульные и содержательные несовпадения, опосредующие правозащитные риски. Кроме того, в ней использованы термины, ведущие к количественной и качественной неоднозначности круга адресатов субъективных прав и свобод, их минимальному закреплению в связи с обеспечением власти трудящихся над эксплуататорами или иными политическими установками, а также формулировки, предназначенные для благих целей, но в большей мере создающие опасные условия для прав и свобод личности. Автором продемонстрировано, что именно Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа является «источником» правозащитных рисков не только с установленными и присущими ей терминологическими разночтениями, но и генеральной нестыковкой в адресатах-гражданах, формализованных в Конституции РСФСР 1918 года.

Abstract

In connection with the modern development of the theory of human rights risks, it is advisable in a historical comparative legal way to talk about the declarative-constitutional model (according to the sequence of the text of the Main document of the Constitution of the RSFSR in 1918). According to the author, in the Declaration of the rights of the working and exploited people, titular and substantive discrepancies mediating human rights risks are obvious. In addition, it uses terms that lead to quantitative and qualitative ambiguity in the range of recipients of subjective rights and freedoms, their minimum consolidation in connection with the provision of workers' power over exploiters or other political attitudes, as well as language designed for good purposes, but to a greater extent creating dangerous conditions for the rights and freedoms of the individual. The author demonstrates that the Declaration of the rights of the working and exploited people is the "source" of human rights risks not only with established and inherent terminological differences, but also General inconsistency in the addressees-citizens formalized in the Constitution of the RSFSR in 1918.

Ключевые слова: конституция, риск, правозащитный риск, гражданин, трудящийся, права и свободы.

Key words: Constitution, risk, human rights risk, citizen, worker, rights and freedoms.

В связи с разработкой теории правозащитных рисков, включающей дефинитивные, регулятивные, вариативные и минимизирующие аспекты [Новикова, 2011а; Новикова, 2011б; Новикова, 2017], считаем целесообразным обратить внимание и на историко-правовую часть вопроса.

Уточним, что для современной юридической науки характерны исследования в области теории рисков. Определение риска с точки зрения права отлично от иных даваемых определений и заключается в следующем: это объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при котором неизвестно, наступит этот вред или нет [Лиховидов К., 2011]. В отраслевом аспекте даются соответствующие определения риска с учетом своей методологии и правового инструментария. Примечательно, что в юридической литературе можно встретить и различные характеристики риска. Его называют обоснованным [Комментарий к Уголовному кодексу..., 2006], правомерным [Сокол П.В., 2006], оправданным [Комментарий к Трудовому кодексу..., 2005], нормальным производственно-хозяйственным [Фофанов В.А., 2006] и т.д.

В рамках данной работы правовой оценке подлежит Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. (далее – Конституция / Основной закон РСФСР) [СУ РСФСР, 1918] на предмет установления в ней норм, влияющих на появление правозащитных рисков.

Исходя из положений преамбулы Конституции РСФСР 1918 г., в ее текст включена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (Раздел 1). Факт консолидации подобного рода документа в Основной Закон расцениваем как положительный. Однако последующий анализ указал на то, что прикладного гуманитарного значения для человека и гражданина нормы Декларации не имели.

Так, адресаты, названные в Декларации, специфичны как носители субъективных прав и свобод (что соответствовало требованиям времени). Кроме того, трудящийся и эксплуатируемый народ – категория населения численно меньшая, чем совокупность людей, находящихся на территории государства, включая и иностранцев. Таким образом, Декларация, как часть Конституции, не закрепляла универсальное наделение, признание, гарантирование прав и свобод личности. Полагаем, данный терминологический аспект является первым в числе правозащитных рисков.

Структурно разбирая Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, видим, что Глава 1 посвящена характеристике и способу учреждения государства, источнику власти и ее организации, но не статусу носителей субъективных прав. Такой подход в миниатюрном варианте соответствует и современному конституционному структурированию, когда Глава первая посвящена основам конституционного строя, а вторая глава – правам и свободам человека и гражданина [Конституция..., 1993 г.]. Вместе с тем только в одной из четырех глав Декларации можно обнаружить формулировки, которые следует расценить как субъективные права. В остальных главах на основе торжественных и оценочных конструкций изложены политические ориентиры Советской рабоче-крестьянской Республики в мире.

Стоит отметить, что непосредственных формулировок субъективных прав и свобод личности в классическом юридико-техническом варианте в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа все же не было. Дополнительно еще и имеющиеся положения в связи с наделением права телеологически были аффилированы не с личностью, а с предназначением государства. Так, с отменой частной собственности трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования передавался земельный фонд, объявленный общенародным достоянием. Таким достоянием были все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия. В этой связи затруднительно коррелировать народное достояние с экономическими правами личности.

Исходя из норм Декларации, в собственность Советской рабоче-крестьянской Республики должны были перейти фабрики, заводы, рудники, железные дороги и прочие

средства производства и транспорта. Соответственно данная норма и вовсе была бы не сопоставима с адресатами, заявленными в Декларации, если бы не цель такого перехода собственности – обеспечение власти трудящихся над эксплуататорами.

В п. «г» Главы второй и вовсе речь идет об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первом ударе по международному банковому финансовому капиталу с выражением уверенности в том, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала. Таким образом, отсутствуют положения о правах личности, а сама норма изобилует гротесковыми терминами, емко характеризующими мировые процессы с позиции вновь созданного государства, в то время как примененные характеристики, конечно, не разделялись идентичным образом всеми государствами.

В аналогичном телеологическом ключе подтверждался переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства. Подчеркнем, что личность не являлась субъектом-носителем вновь объявленных благ, им все-таки являлось государство.

Как частность, в качестве следующей нормы с риск-содержанием укажем п. «ж» Главы второй Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В соответствии с ней в интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретировалось вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов. Если в связи с достижением формализованной цели можно согласиться с образованием армии и полным разоружением имущих классов, то вооружение трудящихся буквально следует расценивать, как создание условий для развития престоупной среды.

Введение всеобщей трудовой повинности (п. «е» Глава 2) скорее является нормой-обязанностью, нежели, наделением правом.

Таким образом, в структурно включенной в Конституцию РСФСР 1918 г. Декларации отсутствовали различные виды субъективных прав и свобод в типичных прямых формулировках. В качестве прообраза политического права мы можем считать формулировку п. 8 Декларации о том, что, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд Советов предоставил рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

Кроме того, в правовом пространстве и в связи с реализацией прав человека, безусловно, не имеют дополнительного смысла и гарантирующего гуманитарного потенциала оценочные термины и формулировки, примененные в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа: «беспощадное подавление», «первый удар международному банковому...», «ига капитала», «паразитические слои общества», «когти финансового капитала и империализма, залившие землю кровью», «варварская политика», «коренные начала» и пр.

В качестве генерального вывода сформулируем тезис о том, что принятая Декларация с учетом своего наименования должна была стать источником прав для номинального адресата – трудящегося и эксплуатируемого народа. Анализ текста позволил утверждать лишь фрагментарный функционал формализации искомых субъективных прав и свобод. Таким образом, очевидны титульные и содержательные несовпадения. Кроме того, в Декларации использованы термины, ведущие к количественной и качественной неоднозначности круга адресатов субъективных прав и свобод, их минимальному закреплению в связи с обеспечением власти трудящихся над эксплуататорами или иными политическими установками, а также формулировки в буквальном смысле предназначенные для благих целей, но в большей мере создающие опасные условия для прав и свобод личности.

На наш взгляд, перечисленные деструкции в Декларации и являются правозащитными рисками.

В целом, давая оценку уже структурно-содержательной композиции текста Конституции РСФСР 1918 г. по поводу последовательности расположения норм, посвященных субъективным правам и свободам, уместны следующие умозаключения.

Интересно, что из 23 пунктов Раздела второго «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» 10 посвящены субъективным правам и свободам.

В числе личных прав и свобод трудящихся заявлены такие:

- свобода совести с отделением церкви от государства и школы (п. 13);
- признание свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами (п. 13). Отметим, что в данной норме впервые употреблен термин «гражданин». Конечно, такая конституционная позиция заслуживает одобрения, но в совокупности с установлениями включенной декларации – возникает вопрос об идентификации адресатов субъективных прав и свобод.

В числе политических прав можно указать на положение п. 10 Раздела второго, согласно которому Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России, и вся власть в пределах Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах.

В политическом каталоге была закреплена свобода выражения мнений трудящихся (п. 14). При этом заявленная свобода формализована в обеспечительном сопряжении, т.е. в целях обеспечения свободы выражения мнений РСФСР уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства для издания газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

В аналогичном наделятельно-обеспечительном формате сформулирован п. 15 Конституции РСФСР: обеспечивая за трудящимися действительную свободу собраний, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением. Таким образом, отмечаем употребление термина «гражданин» еще раз, а общее число его упоминания в Конституции РСФСР – 10.

Пункт 16, устанавливая и обеспечивая за трудящимися действительную свободу союзов, определил за РСФСР оказание рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации.

Отметим также важность п. 20 Конституции РСФСР 1918 г., так как в нем идет речь об иностранных гражданах и наделении их всеми политическими правами российских граждан, а также право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, право российского гражданства.

В следующем п. 21 Конституция РСФСР 1918 г. предоставила право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления. Таким образом, в тексте Конституции сепарированы категории граждан Российской Республики и иностранцев.

В рассматриваемом Разделе втором Конституции РСФСР 1918 г. формализовано и социальное право – в п. 17 в целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Республика ставила своей задачей предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование.

Заслуживают внимания положения п. 22 и 23 Конституции РСФСР 1918 г. Согласно первому из них, в РСФСР признавались равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности; объявлялось противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ

на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

В п. 23, руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Республика лишила отдельных лиц и отдельные группы прав, которые использовались ими в ущерб интересам социалистической революции.

Положительным резюме по данным двум положениям является формализация отдельных принципов правового статуса личности, а также основания для лишения субъективных прав. Хотя с сожалением следует указать на минимально ограниченный перечень основания для недопущения личностной дискриминации.

Прогрессивным для 1918 г. считаем наличие в Конституции Раздела четвертого «Активное и пассивное избирательное право», формализовавшего субъективные политические права.

На основании п. 64, правом избирать и быть избранными в Советы пользовались граждане РСФСР обоего пола, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., которым ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет. В приведенной статье содержится большее количество критериев для исключения дискриминации в сравнении с универсальной установкой п. 22 Конституции РСФСР, в котором речь идет только о расовом и национальном критериях.

Подводя итоги осуществленного исследования, полагаем в рамках теории правозащитных рисков целесообразно в историческом сравнительно-правовом ключе говорить о декларативно-конституционной модели (по последовательности текста Основного документа). При этом, как нами продемонстрировано, именно Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа является «источником» правозащитных рисков не только с установленными и присущими ей терминологическими разночтениями, но и генеральной нестыковкой в адресатах-гражданах, формализованных в Конституции РСФСР 1918 года.

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.). СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ). СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2006. Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М., Юрайт-Издат: 1060 с.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 2005. Под ред. Е.Н. Сидоренко. М., Юрайт-Издат: 751 с.
5. Лиховидов К. 2001. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности. Законность. № 12: 33–38.
6. Новикова А.Е. 2011а. Понятие и сущность правозащитных рисков. Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. № 14 (109), 17: 151–157.
7. Новикова А.Е. 2011б. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России. Государственная власть и местное самоуправление. № 10: 21–24.
8. Новикова А.Е. 2017. Правозащитные риски в Российской Федерации: дефинитивный, вариативный и управленческий аспекты. Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сборник статей X Международной научно-практической конференции. Пенза, МЦНС «Наука и Просвещение»: 196–203.
9. Сокол П.В. 2006. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (постатейный). М., ЗАО Юстицинформ: 200 с.
10. Фофанов В.А. 2006. Особенности организации системы материальной ответственности в Российской Федерации. Право и экономика. № 9: 61–71.

References

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federal Soviet Republic (adopted by the V all-Russian Congress of Soviets on 10.07.1918). SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582 (in Russian).
2. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by The laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 5.02.2014 № 2-FKZ). SZ RF. 2014. № 9. St. 851 (in Russian).
3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (article-by-article)] 2006. Under the editorship A.A. CHEkalina, V.T. Tomina, V.V. Sverchkova. M., YUrajt-Izdat: 1060 p.
4. Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Comment to the Labor code of the Russian Federation (article-by-article)]. 2005. Under the editorship E.N. Sidorenko. M., YUrajt-Izdat: 751 p.
5. Lihovidov K. 2001. Risk kak uslovie differenciacii ob"ema i mer juridiche-skoj otvetstvennosti [Risk as a condition of differentiation of the scope and measures of legal liability]. Zakonnost'. № 12: 33–38.
6. Novikova A.E. 2011a. Concept and nature of risk of human right. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy Sociology Law. № 14 (109). Issue 17: 151–157. (in Russian).
7. Novikova A.E. 2011b. Problemy institucionalizacii pravozashchitnyh riskov v sovremennoj konstitucionno-pravovoj nauke Rossii [Problems of institutionalization of human rights risks in contemporary constitutional-law science of Russia]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. № 10: 21–24.
8. Novikova A.E. 2017. Pravozashchitnye riski v Rossijskoj Federacii: definitivnyj, variativnyj i upravlencheskij aspekty [Human rights risks in the Russian Federation: definitive, variable and managerial aspects]. V kn.: Innovacionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie» [Innovative research: theory, methodology, practice: collection of articles of the X International scientific-practical conference]. Penza, MTsNS «Nauka i Prosveshchenie»: P. 196–203.
9. Sokol P.V. 2006. Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) [Comment to the Law of the Russian Federation "on the organization of insurance business in the Russian Federation" (article-by-article)]. M., ZAO YUsticinform: 200 p.
10. Fofanov V.A. 2006. Osobennosti organizacii sistemy material'noj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii [Features of the organization of the system of liability in the Russian Federation]. Pravo i ekonomika [Law and Economics]. № 9: 61–71.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Новикова А.Е. 2019. Конституционно-структурная корреляция правозащитных рисков в основном законе 1918 года. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 474–479. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-474-479

Novikova A.E. 2019. Constitutional and structural correlation of human rights risks in the basic law of 1918. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 474–479 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-474-479

УДК 340

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-480-489

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ
НЕКОТОРЫХ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ПРАВОВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ (НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВОГО ПРАВА)**

**TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF SOME AUXILIARY
METHODOLOGICAL APPROACHES TO LEGAL RESEARCH
(ON THE EXAMPLE OF DIGITAL LAW)**

**О.Л. Солдаткина
O.L. Soldatkina**

Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, дом 1,
Саратовский филиал Института государства и права РАН,
410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
135 Chernyshevsky Street, Saratov, 410028, Russia,
Saratov State Law Academy
1 Volskaya Street, Saratov, 410056, Russia

E-mail: buzum@mail.ru

Аннотация

Дана оценка возможностей и областей применения некоторых методов, характерных для естественно-научных дисциплин на правовом поле, а также анализ результатов их использования. В качестве юридического объекта исследования выбраны проблемы, связанные с формированием цифрового права. Сделан вывод о том, что некоторые из методов (системный анализ, информационный подход) вполне применимы и дают интересные результаты. В частности, на основе системного анализа получено «дерево» целей для цифрового сегмента правовой политики (в сфере цифровизации судебной системы), а информационный подход успешно использован для формирования дефиниции понятия «правовая политика в сфере цифровизации права».

Abstract

The main purpose of this article is to assess the possibility of applying in the legal field of certain research methods characteristic of natural scientific disciplines, as well as analyzing the results of their application. As a legal object of research, the problems associated with the formation of digital law were chosen, since the program “Digital Economy of the Russian Federation”, among other things, which launched research into the problems of digital law transformation, brings chaos into these surveys. The author of the article comes to the conclusion that some of the methods (system analysis, informational approach) are quite applicable (as ancillary) and give interesting results. In particular, it is possible to use system analysis to form a hierarchy of goals for any social processes, allocate resources, and to evaluate the effectiveness of the tools used or planned to achieve the goal. For example, the article builds a “tree” of goals for the digital segment of the legal policy (in the field of digitization of the judicial system). The possibilities of using the information approach are illustrated by the successfully carried out drafting of the definition of the notion “legal policy in the field of digitalization of law”.

Ключевые слова: цифровое право, цифровизация судебной системы, правовая политика, системный анализ, информационный подход.

Key words: digital law, digitalization of the court, legal policy, system analysis, information approach.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»] послужила толчком к изменениям государственных регуляторов, в том числе и права. Работа в данном направлении уже потребовала активного законотворчества, изменения судебной практики, что, с одной стороны, способствует формированию цифрового права, с другой – вносит определенную неразбериху в исследования по цифровизации права, не давая сформироваться прочному теоретическому фундаменту. Причем проблемы начинаются еще при определении понятия «цифровое право».

Обзор публикаций показывает, что все исследователи признают факт изменения права в самой своей сути, однако в научных статьях, посвященных цифровизации права, упор делается на правовом обеспечении внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни [Ломакин, 2017; Талапина, 2018 и др.]. Учитывая, что такой процесс приводит к изменению основных элементов права, он, безусловно, составляет важнейшую сторону изучаемого явления. И все же такой подход видится однобоким. Процесс цифровизации права имеет минимум два аспекта: с одной стороны, это как раз разработка «сопровождающего» права, новое познание и осмысление его элементов (объектов, субъектов, прав) с точки зрения цифровой эпохи, с другой – автоматизация правовой отрасли, так называемые *legaltech* (программы искусственного интеллекта, боты), призванные алгоритмизировать юридические процессы и нормотворчество.

Если же рассматривать цифровое право как продукт процесса цифровизации права, то при формировании его дефиниции так же необходимо учитывать двойственную природу родового понятия. Таким образом, цифровое право – это новая форма существования правовой системы, получаемая в процессе глубокого проникновения информационно-коммуникационных технологий в общественную жизнь, имеющая цифровую природу и характеризующаяся изменениями по сравнению с классическим правом всех структурных элементов (субъект, взаимодействие субъектов, объект, права человека), а также работы юриста и всей юридической системы, включая законотворчество, правоприменение и т.д.

Кроме того, стало очевидным и то, что в условиях информационной революции, повсеместной цифровизации, успехов математического моделирования сложных социологических и природных процессов в фундаментальных теоретических исследованиях неправомерно использование устаревших методов и моделей. Это утверждение верно как для науки в целом, так и для правоведения в частности [Добрынин, 2012]. Юридическая наука консервативна, но не статична: в числе прочего здесь происходит расширение круга используемых наукой методов познания. Некоторые из таких методов уже «прижились» (к примеру, социологический или исторический), другие вызывают в научном сообществе дискуссии относительно самой возможности их применения.

К числу таких спорных методов относятся прежде всего те, которые были заимствованы из естественно-научных дисциплин. Полемика по поводу их использования на правовом поле ведется давно, но в связи с формированием информационного общества и цифрового права вопрос о применении специфических методик исследования получает новое звучание. Хотя и цифровизация – процесс по сути своей технический, что влечет за собой насыщение юридической сферы понятиями из информатики, физики и других «технических» научных дисциплин. Соответственно, выглядит логичным «заимствование» некоторых научных методов. Проиллюстрируем это на примере отдельных методов, рассмотрев также, какие результаты они дают в юридической науке и применимы ли в принципе такие подходы.

1. Системный анализ.

Системный анализ сегодня достаточно часто используется в правоведении в силу того, что его ценность «заключается в его способности всестороннего анализа целостных объектов, структурные элементы которых находятся между собой в сложной взаимосвязи» [Маркунин, 2019]. Применение этого метода нами уже апробировано в ранее издан-

ных научных работах [Солдаткина, 2011], и сама применимость в принципе обоснована. Посмотрим, какие результаты может дать системный анализ в теоретических разработках понятия «цифровое право».

Одной из областей применения положений системного анализа является постановка целей какой-либо деятельности. В рамках ранних наших работ мы столкнулись с тем, что сколь-либо внятного определения понятию «цель» в гуманитарных науках нет. Поэтому определение понятия «цель» было заимствовано из системного анализа: под целью стали понимать желаемое конечное состояние системы в результате управляемого процесса ее развития [Лопатников, 2003]. Состояния системы оцениваются с точки зрения соответствия или несоответствия целям.

Удобство такого подхода к процессу целеполагания состоит в следующем. Все изменения в важнейших областях деятельности государства (законодательная деятельность, судебная система и др.), по нашему мнению, должны производиться в рамках соответствующего направления правовой политики, а умение ставить рациональные, реалистичные, социально-ориентированные цели является, несомненно, одним из ее приоритетов [Малько, Шундилов, 2003]. Построение «дерева целей» на основе системного анализа существенно упрощает процесс их постановки, делает его более наглядным, позволяет избежать пробелов и повторов.

Для процесса целеполагания системный анализ предлагает схему, состоящую из нескольких этапов: ставится задача, описывается текущее состояние системы, намечается желаемое состояние системы. Далее на основе разницы текущего состояния системы и желательного определяются направления развития, подцели.

Подходит данный метод и для постановки целей отдельных сегментов цифрового права. Для примера возьмем не самую популярную и потому слабо изученную область по цифровизации деятельности судебных органов.

1 этап. Постановка задачи. На модернизацию судебной системы ежегодно выделяются сотни миллиардов рублей, часть из которых тратится на информатизацию отрасли [Кузьмин, 2019]. При таких огромных вложениях справедливо ожидать отдачи, повышения результативности работы судебной системы и доверия к ней граждан. «Цифровой суд» (назовем его так) должен создаваться таким образом, чтобы максимально использовать преимущества информационных технологий и цифровых данных.

2 этап. Определение текущего состояния системы. Отечественное правосудие в информационную эпоху меняется: действует и развивается государственная автоматизированная система (ГАС) «Правосудие», в базе данных которой уже находится более 80 млн дел; существует возможность подавать документы в суд в электронном виде; при рассмотрении дел все чаще прибегают к системе видеоконференций, чтобы заявитель мог участвовать в рассмотрении обжалования приговора, даже если он, например, отбывает наказание в другом регионе.

Положительная динамика есть, но данный процесс в отечественной судебной системе зачастую натывается на всевозможные преграды: неподготовленность кадров, устаревшие технологии, недостаточно современная компьютерная техника. Кроме того, непонимание сути цифровизации сводит ее к банальной компьютеризации, не позволяющей использовать все ресурсы, представляемыми современными информационными технологиями.

Упомянутая ранее ГАС «Правосудие», в частности, демонстрирует отсутствие грамотной стыковки узлов системы, зачаточное состояние модуля межведомственного взаимодействия, заведомо устаревшие программные средства. В совокупности это приводит к тому, что информационная система путем дублирования действий только добавляет количество необходимых от судьбы действий, увеличивая их и так большую нагрузку. Не совсем удобна ГАС «Правосудие» и с точки зрения пользователей (как граждан, так и судей).

Еще одной проблемой ГАС «Правосудие» является то, что, как справедливо замечает Т. Золотова, в законодательстве требования и нормы по переводу документов в электронный вид не прописаны, не обозначены форматы хранения информации, нет стандар-

тов электронного документооборота, отсутствуют регламенты [Золотова, 2018], что обуславливает чисто технические проблемы со стыковкой отдельных модулей системы.

Таким образом, ГАС «Правосудие» всего лишь дублирует бумажный документооборот, что было существенным шагом в начале информатизации судебной системы, но сейчас уже не удовлетворяет требованиям времени.

Цифровизация помогает решить и ряд вопросов, напрямую с информационными технологиями не связанных. К таковым относится, например, проблема доверия граждан к отечественной судебной системе (некоторые технологии в принципе позволяют свести к нулю коррупционную составляющую). Кроме того, обратим внимание на то, что при огромных финансовых затратах не существует системы оценки эффективности информатизации и цифровизации судебной системы.

3 этап. Желательное состояние системы. Для успешной цифровизации сегодня уже мало ставить в судах компьютеры и программы документооборота – необходима перестройка всей судебной системы в принципе. Это означает, что именно цифровая форма существования судебной информации и самой системы должна стать первичной, а реальные судебные органы должны быть ориентированы, прежде всего, на «цифровую» форму работы с «клиентом».

С технической стороны вариантов конечного вида ГАС «Правосудие» существует множество: предлагаются системы на основе облачного программирования, больших данных, даже блокчейн. Все они имеют свои плюсы и минусы (например, технология блокчейн автоматически решает проблему доверия граждан, но ставит вопрос относительно полной открытости всех транзакций внутри системы). Однако в наших исследованиях техническая составляющая имеет второстепенное значение – наша задача определить правовые параметры системы.

В плане мероприятий программы «Цифровая экономика Российской Федерации» есть пункты, касающиеся и правосудия, в частности:

- унификация правил подачи исковых заявлений, жалоб, ходатайств, а также иных заявлений и ходатайств в электронной форме, а также допустимости электронных доказательств;

- отмена обязанности истца направлять копии искового заявления и приложений к нему участникам процесса в случае подачи заявления в электронном виде и при заранее данном согласии ответчика и иных участников процесса, в том числе юридических лиц, в личных кабинетах на портале госуслуг;

- установление обязанности суда при получении заявления в электронном виде размещать его и приложения к нему на определенном для этих целей ресурсе с предоставлением прав на ознакомление с ними и их копирование;

- закрепление права любой из сторон судебного процесса, в том числе юридического лица, подать любой документ доказательства (фото, аудио- и видеозаписи) по делу в электронной форме в личном кабинете на сайте суда или в системе ГАС «Правосудие»

- установление порядка электронного, в том числе автоматизированного, взаимодействия между участниками процесса, судами и Федеральной службой судебных приставов, а также иными органами и организациями при исполнении судебного решения;

- унификация положений процессуальных кодексов в части возможности представления в суд доказательств в электронной форме;

- закрепление гарантий участников процесса на дистанционное участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи.

В целом, предлагаемые нововведения позволят сэкономить время сторонам процесса, однако это – частности, и они дают представления о том, каким должен в итоге получиться «цифровой суд».

Выскажем свои представления о том, какой должна быть судебная система будущего:

1. Для судебной системы важна ориентированность на удобство работы пользователей (судей, граждан), для которых в свою очередь нужно обеспечить процесс подготовки к работе в цифровом суде.

2. На смену документу как единице существования информации придут цифровые данные. Это подразумевает существование возможности проводить судебные процессы в цифровой форме от начала и до конца (возможно, не во всех случаях). Для организации межведомственного взаимодействия следует унифицировать форматы хранения данных для всех государственных информационных систем. Так же необходима разработка «типовых» сервисов.

3. Транзакции в суде нового поколения должны стать прозрачными настолько, насколько это возможно, что обеспечит доверие граждан к системе.

4. Уровень защиты конфиденциальной информации нужно установить высокий, причем не только технический, но и организационный (новые стандарты защиты пользовательских данных).

5. Внедрение системы должно быть экономически обоснованным.

4 этап. Формирование «дерева целей». На основе разницы между тем, что есть и тем, что необходимо, намечаем подцели цифровизации судебной системы.

1 цель:

1) Создание новых стандартов обучения на различных этапах образования, как общеобразовательных (для того, чтобы граждане могли активно пользоваться цифровой формой взаимодействия с судом), так и специальных (подготовка юристов нового поколения, более адаптированных для цифрового судопроизводства).

2) Действующие информационные системы сегодня часто становятся цифровым «прикрытием» устаревших форм работы судов. В рамках процесса цифровизации это недопустимо, причем изменения должны коснуться не только судебного документооборота, но и самого процесса. В качестве апробации таких радикальных изменений возможно проведение «пилотных» проектов в отдельных регионах.

3) Обеспечение равных цифровых возможностей судебных органов в различных регионах.

2 цель:

1) Создание стандартов хранения данных, официального электронного оборота данных, протоколов обмена информацией при межведомственных транзакциях.

2) Обеспечение легальности межведомственных сервисов для совместного использования на основе современных информационных технологий (например, облачных) путем внесения изменений в действующее законодательство как на федеральном, так и на региональном уровне.

3) Организация возможности автоматической подготовки статистической отчетности и публикации в личных кабинетах граждан аудиовидеозаписей судебных заседаний.

3 цель:

1) Обеспечение легальности применения технологии блокчейн для частичной информатизации судебной системы.

2) Изменение интерфейса ГАС «Правосудие» на более «дружелюбный», повышение прозрачности процесса подачи заявлений и их движения для участников процесса.

3) Повышение уровня открытости и прозрачности работы органов судебной власти и взаимодействия их со СМИ, в том числе и через Интернет.

4) Проведение представителями органов судебной власти на уровне регионов разъяснительной работы для населения с целью доведения сведений о возможностях информационных систем и повышения правовой грамотности населения.

4 цель:

1) Изменение закона о персональных данных с учетом ориентации на цифровые данные и существования в сети «виртуальной личности» гражданина.

2) Разработка стандартов информационной безопасности для судебных информационных систем.

5 цель:

Определение количественных критериев эффективности цифровой модернизации (например, время достижения результата; степень принятия цифровых каналов населением и сотрудникам судов; финансовая экономия; экономия времени для граждан и другие).

Другой сферой применения метода системного анализа является количественная и качественная оценка влияния отдельных элементов системы на эффективность ее функционирования в целом. Методология уже апробирована нами ранее на примере установления приоритетов правовой политики в сфере обеспечения информационной безопасности в сети Интернет [Малько и др., 2017].

Особенность исследований цифровизации права так же, как и в случае правового регулирования отношений в сети Интернет, состоит в том, что эта деятельность должна носить комплексный характер, быть целенаправленной, научно обоснованной и четко структурированной. Речь, таким образом, идет о необходимости выстраивания эффективной правовой политики в направлении цифровизации права – и здесь также применимы модели системного анализа. В силу специфики правовой политики в сфере цифровизации права вопрос отбора ее приоритетов стоит особенно остро; необходимы и способы оценки эффективности реализации тех или иных избранных направлений. Учитывая сказанное выше, для исследований разрабатывается комплекс математических моделей для анализа тенденций и основных факторов, действующих на показатели эффективности процессов цифровизации права. Изменяя входные параметры разработанной модели, можно спрогнозировать, какие действия в ходе цифровизации права приведут к положительной динамике системы, а какие наоборот, ухудшат состояние системы. Это, в свою очередь, позволит действенно распределять финансовые и прочие ресурсы путем правильного определения приоритетов данного сегмента правовой политики, а также прогнозировать реакцию социума на те или иные намеченные направления развития.

Таким образом, метод системного анализа может быть использован в юриспруденции при целеполагании и распределении ресурсной базы важных системных явлений, например, цифрового права. Однако заметим, что при всем богатстве получаемых результатов метод системного анализа при работе на правовом поле применим только как вспомогательный.

2. Информационный подход.

Эта методология исследований возникла в 60-70-х годах прошлого столетия и изначально включала в себя комплекс математических средств [Философский..., 1983], но со временем превратилась в общенаучное средство исследования. Несмотря на то, что в основном этот подход используется с технологических позиций, его применение возможно и в гуманитарных и социальных исследованиях. Конечно, описание социальных систем в соответствии с информационным подходом накладывает на них определенные требования и содержит некоторые этапы: информационное описание структуры объекта исследования; информационное описание ситуации объектов исследования, информационное описание отношений и связей с другими объектами, влияющими на них; информационное описание процессов исследования; применение информационных единиц для описания и моделирования, построение информационных конструкций результатов исследований [Цветков, 2016]. В результате применения этого подхода происходит построение модели исследуемого процесса, которая составлена из гипотетических блоков, соединенных последовательно или параллельно и реализующих определенные функции. На каждом этапе информация претерпевает определенные видоизменения: происходит ее кодирование, выделение признаков, фильтрация, распознавание, осмысливание, выработка решения, формирование ответного действия [Визуальный словарь]. В случае применения в исследованиях информационного подхода первым делом выявляются и анализируются наиболее

характерные для процессов информационные аспекты, которые существенным образом определяют их состояние и развитие.

Что касается правоведения, информационный характер права заметил еще В.А. Копылов на заре формирования отрасли информационного права [Копылов, 2002]. Эту мысль развивает И.Л. Бачило: «Предварительно стоит напомнить, что в связке информация–право присутствует своеобразная дихотомия, зависимость двойного свойства. Каждая из этих категорий – самостоятельный феномен. Но право, с одной стороны, является видом информации и подчиняется ее законам. А с другой – информация, как ресурс, регулируется правом, и отношения, связанные с этим ресурсом, должны находиться в рамке закона государственного, социального» [Бачило, 2007]. В более поздних ее работах данный подход находит свое развитие, приобретая и коммуникационный аспект [Бачило, 2012]. Однако среди методов научных исследований в юриспруденции информационный подход традиционно не упоминается до сих пор, хотя его принципиальная применимость была нами обоснована и апробирована на примере термина «правовая политика» [Солдаткина, 2013].

Проиллюстрируем методику построения дефиниций на основе информационного подхода. Как видим из данного выше описания метода, речь идет о различных процессах, подразумевающих некоторую деятельность. Например, информационный подход может быть использован для составления дефиниции термина «правовая политика в сфере цифровизации права», так как сущностное содержание этого феномена как раз и составляет деятельность. Кратко процесс составления определения будет выглядеть так.

Шаг 1. Выделяем «опорные точки». Представляется, что эти блоки не будут отличаться от блоков правовой политики: Субъекты, Теоретические конструкции, Органы власти, Социум.

Шаг 2. Составляем схему оборота информации в системе «правовая политика в сфере цифровизации права» (рис. 1).

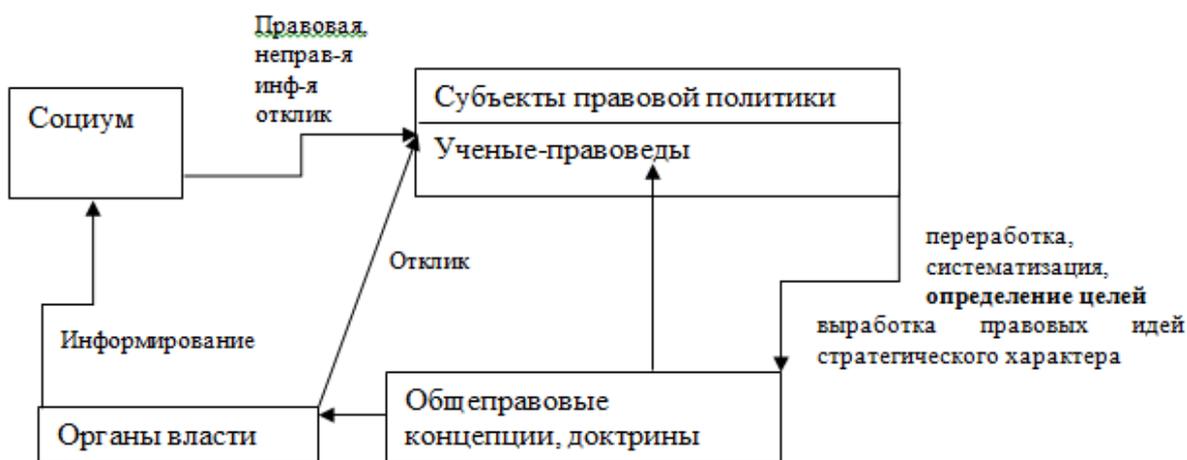

Рис. 1. Схема оборота информации в системе «правовая политика в сфере цифровизации права»

Fig. 1. Scheme of information circulation in the system “legal policy in the field of digitalization of law”

Шаг 3. Опираясь на наглядное представление движения информации, предлагаем следующее определение термина: «Правовая политика в сфере цифровизации права представляет собой научно обоснованную, комплексную и последовательную деятельность государства, научно-правового сообщества, индивидов, их объединений, включая все общество, связанную с переработкой информационных потоков, созданием стратегических правовых идей и их реализацией органами власти в целях формирования цифрового права».

Конечно, мы привели лишь малое количество естественно-научных методов (например, существуют отдельные исследования по разработке универсальной методики использования средств кибернетики для теоретических и практических нужд юриспруденции [Керимов, 1964], применяется и математическое моделирование [Bogomolov A. et al., 2019]), но основываясь даже на уже сказанном выше, можно сделать следующий вывод.

Помимо классических для гуманитарных наук методов познания, начатый сегодня процесс формирования цифрового права требует использования также и межотраслевых подходов, в том числе – и особенно – тех, что пришли из информатики и кибернетики. Их применение дает интересные результаты, а во многих случаях те из них, в истоках которых находятся естественно-научные дисциплины, могут стать «мостиком», эффективно связывающим между собой различные области научного познания.

Список литературы

1. Бачило И.Л. 2007. Роль и место информационного права в системе отраслей права Российской Федерации. Информационные ресурсы России, 2.
2. Бачило И.Л. 2012. Право как явление и феномен познания и практики (информационно-коммуникационный аспект). Дискуссионные проблемы права. Труды Института государства и права Российской академии наук, 5: 175–191.
3. Визуальный словарь. URL: <http://vslovar.org.ru/psy/456.html> (дата обращения: 19 апреля 2019).
4. Добрынин Н.М. 2012. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, номам методология. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/dobrinin.htm> (дата обращения: 15 апреля 2019).
5. Золотова Т. 2018. Бумажная беда цифровой трансформации. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/29/785065-tsifrovoi-transformatsii> (дата обращения: 15 апреля 2019).
6. Керимов Д.А. 1964. Право и кибернетика. Советское государство и право, 9: 86–94.
7. Копылов В.А. 2002. Информационное право (учебник). М., Юристъ: 512 с.
8. Кузьмин В. 2019. Суд под защитой. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/02/12/pravitelstvo-vydelit-bolee-200-mlrd-rublej-na-razvitie-sudebnoj-sistemy.html> (дата обращения: 14 апреля 2019).
9. Ломакин А. 2017. Цифровизация права. Трудовое право, 9: 103–111.
10. Лопатников Л.И. 2003. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки. М., Дело: 520 с.
11. Малько А.В., Резчиков А.Ф., Иващенко В.А., Кушников В.А., Богомолов А.С., Солдаткина О.Л., Филимонюк Л.Ю. 2017. Правовая политика в сфере обеспечения информационной безопасности в сети Интернет: моделирование процессов. Юридическая наука и правоохранительная практика, 2: 72–81.
12. Малько А.В., Шундииков К.В. 2003. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, Изд-во СГАП: 296 с.
13. Маркунин Р.С. 2019. Система юридической ответственности органов публичной власти: методология исследования. Правовая политика и правовая жизнь, 1: 142–145.
14. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (дата обращения: 15 апреля 2019).
15. Солдаткина О.Л. 2011. Информационные ресурсы российской правовой политики: общетеоретический аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 188 с.
16. Солдаткина О.Л. 2013. Информационный подход при исследованиях в теории правовой политики (на примере формирования дефиниций термина «правовая политика»). Вестник гуманитарного института ТГУ, 1: 55–58.
17. Талапина Э.В. 2018. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. Журнал

российского права, 2: 5–17.

18. Философский энциклопедический словарь. 1983. Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М., Советская энциклопедия: 840 с.

19. Цветков В.Я. 2016. Информационный подход. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 4–3: 645–645.

20. Bogomolov, A., Rezhnikov A., Kushnikov V., Tverdokhlebov V., Soldatkina O., Shulga T. 2019. Modeling of Struggle Processes in the Computer-Related Crime Field. In: Recent Research in Control Engineering and Decision Making. Ed. Olga Dolinina, Alexander Brovko, Vitaly Pechenkin, Alexey Lvov, Vadim Zhmud, Vladik Kreinovich. Springer Nature Switzerland: 396–406.

References

1. Bachilo I.L. 2007. Rol' i mesto informacionnogo prava v sisteme otraslej prava Rossijskoj Federacii [The role and place of information law in the system of branches of law of the Russian Federation]. Informacionnye resursy Rossii [Information resources of Russia], 2.

2. Bachilo I.L. 2012. Pravo kak javlenie i fenomen poznanija i praktiki (informacionno-kommunikacionnyj aspekt) [Law as a phenomenon and phenomenon of knowledge and practice (information and communication aspect)]. Diskussionnye problemy prava. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk [Debatable problems of law. Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences], 5: 175–191.

3. Vizual'nyj slovar' [Visual dictionary]. Available at: <http://vslovar.org.ru/psy/456.html> (accessed 19 April 2019).

4. Dobrynin N.M. 2012. Sinergetika i federalizm: ocenka sostojanija, sootnoshenie, nonam metodologija [Synergetics and federalism: state estimation, ratio, but us methodology]. Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/dobrinin.htm> (accessed 15 April 2019).

5. Zolotova T. 2018. Bumazhnaja beda cifrovoj transformacii [Paper the trouble with digital transformation]. Vedomosti [Statements]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/29/785065-tsifrovoi-transformatsii> (accessed 15 April 2019).

6. Kerimov D.A. 1964. Pravo i kibernetika [Law and Cybernetics]. Sovetskoe gosudarstvo i parvo [Soviet state and law], 9: 86–94.

7. Kopylov V.A. 2002. Informacionnoe pravo (uchebnik) [Information law (textbook)]. М., Jurist: 512 p.

8. Kuz'min V. 2019. Sud pod zashhitoy [The court of protection]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. Available at: <https://rg.ru/2019/02/12/pravitelstvo-vydelit-bolee-200-mlrd-rublej-na-razvitie-sudebnoj-sistemy.html> (accessed 14 April 2019).

9. Lomakin A. 2017. Cifrovizacija prava [Digitalization of law]. Trudovoe parvo [Labour law], 9: 103–111.

10. Lopatnikov L.I. 2003. Jekonomiko-matematicheskij slovar': slovar' sovremennoj jekonomicheskoy nauki [Economic and mathematical dictionary: dictionary of modern economic science]. М., Delo, 520 p.

11. Mal'ko A.V., Rezhnikov A.F., Ivashhenko V.A., Kushnikov V.A., Bogomolov A.S., Soldatkina O.L., Filimonjuk L.Ju. 2017. Pravovaja politika v sfere obespechenija informacionnoj bezopasnosti v seti Internet: modelirovanie processov [Legal policy in the field of information security on the Internet: process modeling]. Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika [Legal science and law enforcement practice], 2: 72–81.

12. Mal'ko A.V., Shundikov K.V. 2003. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike [Aims and means in law and legal policy]. Saratov, Izd-vo SGAP: 296 p.

13. Markunin R.S. 2019. Sistema juridicheskoy otvetstvennosti organov publicnoy vlasti: metodologija issledovanija [System of legal responsibility of public authorities: research methodology]. Pravovaja politika i pravovaja zhizn' [Legal policy and legal life], 1: 142–145.

14. Passport nacional'noj programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii»: utv. resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam 24 dekabrja 2018 g. [Passport of the national program "Digital economy of the Russian Federation": app. by the decision of the Presidium of the presidential Council for strategic

development and national projects on December 24, 2018] Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (accessed 15 April 2019).

15. Soldatkina O.L. 2011. Informacionnye resursy rossijskoj pravovoj politiki: obshheteoreticheskij aspekt [Information resources of the Russian legal policy: General theoretical aspect]. Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 188 p.

16. Soldatkina O.L. 2013. Informacionnyj podhod pri issledovanijah v teorii pravovoj politiki (na primere formirovanija definicij termina «pravovaja politika») [Information approach in research in the theory of legal policy (for example, the formation of definitions of the term "legal policy")]. Vestnik gumanitarnogo instituta TGU [Bulletin of the Institute of Humanities TSU], 1: 55–58.

17. Talapina Je.V. 2018. Pravo i cifrovizacija: novye vyzovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law], 2: 5–17.

18. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. 1983. Pod red. L.F. Il'icheva, P.N. Fedoseeva, S.M. Kovaleva, V.G. Panova. M., Sovetskaja jenciklopedija: 840 p.

19. Cvetkov V.Ja. 2016. Informacionnyj podhod [Information approach]. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International journal of applied and fundamental research], 4–3: 645–645.

20. Bogomolov, A., Rezhnikov A., Kushnikov V., Tverdokhlebov V., Soldatkina O., Shulga T. 2019. Modeling of Struggle Processes in the Computer-Related Crime Field. In: Recent Research in Control Engineering and Decision Making. Ed. Olga Dolina, Alexander Brovko, Vitaly Pechenkin, Alexey Lvov, Vadim Zhmud, Vladik Kreinovich. Springer Nature Switzerland: 396–406.

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-480-489

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Солдаткина О.Л. 2019. К вопросу о применении некоторых вспомогательных методологических подходов к правовым исследованиям (на примере цифрового права). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 480–489. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-480-489

Soldatkina O.L. 2019. To the question of the application of some auxiliary methodological approaches to legal research (on the example of digital law). Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 480–489 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-480-489

УДК 340.13

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**LEGAL REGULATION IN THE CONDITIONS
OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS**

**Е.Е. Тонков, Л.А. Пожарова
E.E. Tonkov, L.A. Pozharova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru

Аннотация

Переход современного российского общества к цифровой модели развития затрагивает и сферу правового регулирования. Учитывая, что механизм, наделенный искусственным интеллектом, способен эффективно осуществлять систематизацию и предварительную подготовку документов, необходимых правоприменителю для анализа рассматриваемой конфликтной ситуации, выполнять типовые стандартизированные процедуры авторы обосновывают позицию, что цифровизация представляет собой лишь один из действенных способов оптимизации правового регулирования при помощи информационных и коммуникационных технологий. В настоящее время отсутствуют веские доводы и основания для придания феномену цифровизации статуса панацеи от всех бед российской юридической действительности и большинства социальных проблем. Все наукообразные попытки доказать обратное обусловлены в значительной степени конъюнктурными соображениями.

Abstract

The authors consider the main problems of legal regulation, the emergence of which is due to the digitalization of society. Taking into account that the mechanism endowed with artificial intelligence is able to effectively carry out the systematization and preliminary preparation of documents necessary for the law enforcement officer to analyze the conflict situation under consideration, to perform standard procedures, the position that digitalization is one of the effective ways to optimize legal regulation with the help of information and communication technologies is justified. At the same time, the authors believe that at present there are no strong arguments and grounds for giving the phenomenon of digitalization of the law the status of a panacea for all the ills of the Russian legal reality and most social problems. All science-like attempts to prove the opposite are largely due to market considerations.

Ключевые слова: государство, право, законодательство, цифровизация, информатизация, информационное общество, искусственный интеллект, правовое регулирование, юридические формы.

Key words: state, law, legislation, digitalization, Informatization, information society, artificial intelligence, legal regulation, legal forms.

Широко анонсируемый переход современного российского общества к цифровой модели развития предполагает определенный перенос акцентов в интересах и потребностях государства и личности, которые подчас носят диаметрально противоположный характер.

Это существенно влияет на саму парадигму управления государством, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют осмысления. Характерно, что именно государство является инициатором процессов цифровой трансформации общества, что означает создание информационных систем и информационного пространства, в котором свободно распространяется информация.

Вместе с тем данная проблема не может считаться новой, несмотря на активные усилия ее апологетов убедить в этом население. Еще в 1993 году Указом Президента РФ была утверждена Концепция правовой информатизации России [Указ..., 1993], а двумя годами позже принята президентская программа «Правовая информатизация органов государственной власти Российской Федерации» [Указ..., 1995]. В ней, в частности, отмечалось, что «в качестве основных средств тиражирования и распространения эталонных баз правовой информации должны использоваться высокоскоростные каналы и системы цифровой передачи данных, обеспечивающие конфиденциальность, безопасность, надежность и своевременность передачи информации» [Указ..., 1995].

В 2002 году была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)» [Постановление..., 2002], а после ее завершения – государственная программа «Информационное общество» [Постановление..., 2014], которые предусматривали использование в экономике страны широкого спектра сетевых технологий, создание разделов «Электронное правительство» и «Электронные услуги» на официальных сайтах правительств в субъектах Российской Федерации.

В 2006 году издается Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Федеральный..., 2006], который предусматривает свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом. Уже почти десятилетие реализуются федеральные законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Федеральный..., 2009] и «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Федеральный..., 2010].

Кроме того, в 2017 году Президентом страны утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, которая определила цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики нашего государства в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [Указ..., 2017]. Тем самым обеспечено формирование достаточно прочного нормативно-правового каркаса для регулирования процессов информатизации и развития информационных технологий на федеральном и региональном уровнях. Вот почему нет веских доводов и оснований для придания феномену цифровизации статуса панацеи от всех бед российской юридической действительности и большинства социальных проблем, а все научнообразные попытки доказать обратное продиктованы, на наш взгляд, конъюнктурными соображениями. Цифровизацию следует рассматривать лишь как один из дополнительных способов оптимизации правового регулирования при помощи цифровых технологий и не проявлять в ее отношении неоправданный фетишизм. Более того, по нашему мнению, общество пока не осознает всех масштабов неопределенности, которую несет расширение неконтролируемого цифрового пространства.

Вполне популистскими выглядят сентенции председателя правления Сбербанка Г. Грефа о том, что «нейронная сетка» готовит иски значительно лучше, чем юристы, и 450 юристов, работавших в компании и готовивших иски, были сокращены [Петров, 2017]. Действительно, с помощью интеллектуальной платформы можно подготовить шаблонные заявления для заполнения потребителями каких-то услуг, однако в большинстве случаев юристы имеют дело с персонифицированными ситуациями,

огромным объемом различных индивидуальных особенностей и обстоятельств, разобраться в существе которых и оценить их соответствующим образом роботу вряд ли под силу.

Особенно досадно, когда к восторженным ожиданиям от цифровизации присоединяются состоявшиеся ученые, представляющие авторитетные научные учреждения. Так, Э.В. Талапина формирует проблемный аспект, связанный с субъектами права, – технологически обусловленное появление новых субъектов, тех же роботов. По ее мнению, мы имеем дело с новой «цифровой личностью», новым субъектом права наряду с человеком [Талапина, 2018, с. 9]. При этом, определяя тенденции развития права под влиянием технологического фактора, она достаточно безапелляционно утверждает, что «выделяемые в теории основные признаки права... в цифровую эпоху теряют прежний смысл» [Талапина, 2018, с. 15].

Высоко оценивая преимущества и в каком-то смысле неизбежность цифровизации, следует понять, что существование гражданского общества, реальной демократии, правового государства, в первую очередь, подразумевают приоритет права и закона. Цивилизованное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать эффективным и адекватным инструментарием, позволяющим осуществлять надежное противостояние тем скрытым угрозам, которые содержит эйфория от цифровизации и совершаемые под ее эгидой реформации в характеристике правоотношений.

Очевидно, что цифровизация экономики подразумевает многочисленные варианты трансформации управленческих функций, которые нецелесообразно все без исключения трактовать как правоотношения. Различаются потенциальная возможность и действительность возникновения правоотношений в процессе государственного управления. Осуществляя воздействие на социальную среду путем формирования соответствующих правовых норм, власть в лице государства исходит из собственных интересов и потребностей. Юридические формы деятельности государства получают при этом импульс к своему дальнейшему развитию и совершенствованию в результате столкновения и борьбы интересов различных носителей властных полномочий.

Д.А. Пашенцев справедливо отмечает, что «внедрение цифровых технологий в юридическую практику позволяет автоматизировать ряд процессов, которые раньше могли осуществляться лишь при прямом участии субъекта права» [Пашенцев, 2019, с. 7]. Однако в качестве примера он приводит «внедрение электронного правосудия, при котором решение по типичным делам может принимать робот, а не живой судья» [Пашенцев, 2019]. С этим, безусловно, нельзя согласиться. Трудно даже представить, что так называемые «типичные дела» начнет рассматривать судья-автомат или робот-полицейский. Думается, что участников таких процессов, особенно подсудимых и потерпевших, ожидает незавидная участь.

Нельзя забывать, что важнейшую роль в судебном процессе играет судебное усмотрение, т.е. *мыслительная* деятельность конкретного судьи по конкретному делу, которая в качестве результата представляет собой вполне определенное решение, принятое на основе анализа альтернативных вариантов, предлагаемых законодательством. Электронный судья-робот при всем своем совершенном устройстве к мыслительной деятельности не способен, в связи с чем реализация такого неотъемлемого атрибута судопроизводства, как судебное усмотрение ставится под сомнение.

Более того, под угрозой могут оказаться дискреционные полномочия судебной власти, под которыми понимаются «направленные на преодоление фактической и правовой неопределенности и допускаемые принципами уголовного судопроизводства полномочия суда применять на основе внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов» [Пронин, 2010, с. 7]. Данные опасения распространяются и на производство по гражданским делам. Робот, по нашему мнению, вообще не может быть ни в какой, даже самой отдаленной перспективе управомоченным субъектом, наделенным государством полномочиями принятия правомерных решений и совершения соот-

ветствующих действий. Для достижения определенности суд обязан не просто руководствоваться действующим законодательством, массив которого успешно может сосредотачиваться в цифровом формате, но и во многом принимать во внимание конкретные обстоятельства рассматриваемого дела, исходя не только из принципов права, но и морали. Доступна ли такая «неоднородная» среда электронному правосудию – большой вопрос.

Впрочем, Д.А. Пашенцев предполагает автоматизацию таких профессий, как секретарь судебного заседания и нотариус. Нам представляется, что даже поверхностное ознакомление с перечнем должностных обязанностей секретаря судебного заседания и, тем более, с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, дают веские основания усомниться в возможности реализации на практике подобных гипотез.

Полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных инстанциях М. Барщевский, комментируя аналогичные предложения, отметил: «...я не понимаю, как компьютер сможет удостоверить завещание, разъяснив при этом завещателю его права» [Петров, 2017].

На наш взгляд, в чем-то они перекликаются с воззрениями французского утописта XIX века Т. Дезами, который составил список профессий, подлежащих ликвидации в коммунистическом обществе: «Хищная порода судопроизводителей, законовевов, судебных исполнителей, нотариусов, стряпчих, адвокатов, третейских судей, членов примирительных комиссий и т.д. ...будет упразднена» [Дезами, 1956, с. 165].

Вполне вероятно, что механизм, наделенный искусственным интеллектом, способен осуществлять систематизацию и предварительную подготовку документов, необходимых правоприменителю для анализа конфликтной ситуации, выполнять типовые стандартизированные процедуры. Думается, что робот будет справляться с этой задачей лучше человека. По словам В.Д. Зорькина, «цифровые технологии могут существенно повысить качество правоприменения в органах исполнительной власти» [Зорькин, 2018].

Активно внедряемые в судебную деятельность информационные новшества (подача исков и их регистрация в электронном виде, движение дела между судами в электронной форме, заседание с помощью видеоконференций, отправка уведомлений участникам судебного процесса с помощью смс-сообщений или по электронной почте и т.д.) не должны влиять на сущность механизма принятия решения по делу, оставляя его исключительной прерогативой суда.

Мы солидарны с позицией Н.А. Петухова и М.В. Чижова по поводу того, что «применяемые в ходе осуществления правосудия информационные и коммуникационные технологии являются одним из способов повышения эффективности правосудия, но не свидетельствуют о переходе к новому типу правосудия – электронному правосудию» [Петухов, Чижов, 2015, с. 17]. Использование искусственного интеллекта не может и не должно заменить принятие обоснованного решения юристом-профессионалом по внутреннему убеждению, как это предписывают принципы правосудия. Как справедливо подчеркивают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, «все нормы права, в том числе и процессуальные, а также методики, выработанные юридической наукой, никогда не содержат всей полноты информации для разрешения конкретного дела – ситуации. Поэтому навыки человека, выступающего субъектом в данном конкретном случае, и образуют каркас юридической практики» [Хабриева, Черногор, 2018, с. 90].

Содержание правового регулирования фактически опосредовано множеством целей и интересов субъектов правоотношений и существенно зависит от них, поэтому доверить его обеспечение электронному фантому было бы не только легкомысленно, но и безрассудно. Цифровизация мировой экономики неизбежно влечет за собой изменения процессов правовой регуляции. Различные юридические и неюридические формы государственной деятельности, реализуемые основными звеньями государственного механизма, равно как и всей системой государственных органов, будут испытывать в связи с этим соответствующее воздействие. Однако специфика их организации и структуры, занимаемое

ими место в системе механизма государства, органически связанное с формами их деятельности, не может претерпевать принципиальных изменений. Как формы государственной власти, так и структура органов, осуществляющих эту деятельность, подчинены задачам наиболее успешного претворения в жизнь основных функций государства и не могут находиться в зависимости от цифровизации.

Государство в условиях цифровизации общества уже испытывает дефицит эффективных средств для разумного разрешения возникающих проблем. К ним, в частности, относятся следующие:

- юридические пробелы в регулировании деятельности постоянно возникающих на основе цифровизации объединений, корпораций, союзов, агентств, ассоциаций и т.д.;
- недостаточность действенных и надежных правовых инструментов, позволяющих верифицировать полезность для государства и общества создаваемых структур;
- отсутствие конкретности и правовой определенности в их учредительной документации и программах;
- несоразмерные административные барьеры на пути конкурентоспособных организаций и учреждений, имеющих скептическое отношение к цифровизационной эйфории.

Г.В. Мальцев пророчески писал о том, что «современному технизированному миру, вступившему в эпоху информатизации, предлагается очередная социальная утопия, которая пытается сделать прорыв и пойти дальше зашедших в тупик идеологических споров, противоречий между индивидуализмом и коллективизмом, консерватизмом и либерализмом, капитализмом и социализмом» [Мальцев, 2008, с. 272].

Особенно важно, чтобы в погоне за всеобщей цифровизацией мы не утратили главное содержание правового государства, а именно: верховенство права и законности на фоне констатируемого многими учеными снижения качества и эффективности правового регулирования. По мнению Н.А. Власенко, «кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного инструмента, без которого цивилизованное общество существовать не может» [Власенко, 2015, с. 303].

Неблагоприятный прогноз указанной ситуации может существенно усугубиться прогрессирующими негативными процессами в экономике, несмотря на оптимистические заявления приближенных к власти политологов, возглавляющих якобы независимые фонды и другие структуры, финансируемые правительством непосредственно или опосредованно. Вместе с тем механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Достижению такого результата должны быть подчинены усилия всех составных элементов механизма правового регулирования.

Правовое регулирование – юридическая функция, реализуемая государством в процессе воздействия на общественные отношения, посредством которой поведение субъектов права приводится в соответствие с требованиями и дозволениями, содержащимися в законодательстве, легитимность и обязательность исполнения которых поддерживается обществом и обеспечивается возможностями применения властной силы государства. Правовое регулирование можно рассматривать как часть государственного управления, поскольку эта функция принадлежит исключительно государству, которое выступает гарантом права, обладая при этом исключительной монополией на правоприменительную и правоохранительную деятельность.

Общественные отношения, в которых выражен государственный интерес, т.е. практически реализуются задачи и функции государства по управлению делами общества, возникают, изменяются и прекращаются не только в связи с организацией и функционированием органов государственной власти, но и в связи с реализацией функций государственной власти в соответствии с компетенцией и полномочиями.

По мнению Т.Я. Хабриевой, «мы сейчас находимся в той стадии развития правовой среды, когда в целях создания цифровой экономики государство будет пытаться использовать не только нормы частного права, но и инструменты публичного права, где регулятивная роль государства больше» [Хабриева, 2019, с. 18]. Вот почему принципиально важно отделить юридические формы государственной деятельности от неправовых (неюридических), к которым, несомненно, относится и так называемая цифровизация. Мы придерживаемся позиции Н.И. Матузова в том, что в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство [Матузов, 2003, с. 103].

Человеческое общество всегда испытывало дефицит точных и совершенных правовых решений, в результате которых создавались бы справедливые нормы права, правила поведения граждан и организаций. Таких решений очень не хватало и Советскому государству, однако этот нормативно-правовой дефицит был вызван не упущениями в теоретических изысканиях в сфере правотворческой деятельности (таких работ было достаточно), а другими, лежащими за пределами науки причинами.

Технологические возможности цифровизации располагают необходимым потенциалом для совершенствования правотворческой работы и в целом законодательства, однако эти возможности целесообразно рассматривать в качестве дополнительной поддержки усилий и мыслительных способностей реальных субъектов правотворчества. Учитывая, что сознание личности и его компоненты представляют собой довольно гибкий материал, способный преобразовываться в многомерные комбинационные построения, особенно под воздействием новых идей и различных перспективных линий, необходимо с достаточной осторожностью использовать возможности цифровизации в процессе государственного управления.

Цифровизация требует поиска взаимоприемлемых решений и инициативного взаимодействия личности и общества. Необходимо, чтобы не только государство, но и само общество проявили желание разрешить возникающие проблемы. Без этого невозможно обеспечить эффективность социального взаимодействия и адекватной коммуникации. Правовые ограничения призваны при этом обозначить пределы негативной активности в цифровой среде и создать условия для повышения уровня адекватного противодействия в случае необходимости охраны и защиты прав человека.

Степень жесткости юридического регулирования, наличие ограничений для активности субъектов права зависит от политического режима, сложившегося в государстве, демонстрирующего соотношение и взаимодействие гражданского общества и государства, объем политических, социальных, экономических прав и свобод личности и реальные возможности их осуществления. В цифровую эпоху особое звучание получает социальное поведение субъектов права, которое осуществляется преимущественно через виртуальную интеракцию.

Современные демократические принципы предполагают усиление роли гражданского общества, населения и граждан в выполнении и переориентации государственных функций. Цифровизация может способствовать выстраиванию партнерских отношений государства и личности, которые пока не получили заметного развития и распространения, стать определенным противовесом нарастающего расширения в обществе государственного пространства институциональным методом, когда постоянно учреждаются дополнительные государственные институты, обрастающие многочисленными вспомогательными органами.

Список литературы

1. Власенко Н.А. 2015. Избранное. М., Норма. 688 с.
2. Дезами Т. 1956. Кодекс общности. М., Издательство Академии Наук СССР, 544 с.

3. Зорькин В.Д. 2018. Право в цифровом мире. Российская газета, 115(7578). URL: <https://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=648247> (дата обращения 20 мая 2019 г.).
4. Мальцев Г.В. 2008. Нравственные основания права. М., Издательство Современного гуманитарного университета: 522 с.
5. Матузов Н.И. 2003. Актуальные проблемы теории права. Саратов, Издательство Саратовской государственной академии права: 512 с.
6. Пашенцев Д.А. 2019. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации. Журнал российского права, 2: 5–13.
7. Петров И. 2017. Погрешность. Российская газета, 163(7329). URL: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekcij-pered-studentami-vzorval-set.html> (дата обращения 29 мая 2019 г.).
8. Петухов Н.А., Чижов М.В. 2015. Соотношение понятий «правосудие» и «электронное правосудие». Российское правосудие, 6: 13–18.
9. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002–2010 годы)"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
10. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
11. Пронин К.В. 2010. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 25 с.
12. Талапина Э.В. 2018. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. Журнал российского права, 2: 5–17.
13. Указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98561/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
14. Указ Президента РФ от 04.08.1995 № 808 «О президентских программах по правовой информатизации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=229291#027876485657201777> (дата обращения 20 мая 2019 г.).
15. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
17. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
18. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения 20 мая 2019 г.).
19. Хабриева Т.Я. 2019. Право в условиях цифровизации. СПб, СПбГУП: 36 с.
20. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. 2018. Право в условиях цифровой реальности. Журнал российского права, 1: 85–102.

References

1. Vlasenko N.A. 2015. Izbrannoye [Favourites]. M., Norma: 688 p.
2. Dezami T. 1956. Kodeks obshchnosti [Code of community]. M., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR: 544 p.
3. Zorkin V.D. 2018. Pravo v tsifrovom mire [Law in the digital world]. Rossiyskaya gazeta, 115(7578). Available at: <https://rg.profkiosk.ru/article.aspx?aid=648247> (accessed 20 May 2019 g.).
4. Maltsev G.V. 2008. Nravstvennyye osnovaniya prava [Moral grounds of law]. M., Izdatel'stvo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta: 522 p.
5. Matuzov N. I. 2003. Aktualnyye problemy teorii prava [Actual problems of the theory of law]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava: 512 p.
6. Pashentsev D.A. 2019. Rossiyskaya zakonotvorcheskaya traditsiya pered vyzovom tsifrovizatsii [Russian legislative tradition facing the challenge of digitalization]. Zhurnal rossiyskogo prava, 2: 5–13.

7. Petrov I. 2017. Pogrefnost [Pogrefnost]. Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper], 163(7329). Available at: <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekcij-pred-studentami-vzorval-set.html> (accessed 29 May 2019 g.).
8. Petukhov N.A., Chizhov M.V. 2015. Sootnosheniye ponyatiy «pravosudiye» i «elektronnoye pravosudiye» [The relationship between the concepts of "justice" and "electronic justice"]. Rossiyskoye pravosudiye, 6: 13–18.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.01.2002 № 65 «On the Federal target program "Electronic Russia (2002–2010)»». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90180/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 313 "On approval of the state program of the Russian Federation "Information society"». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
11. Pronin K.V. 2010. Diskretionnyye polnomochiya suda v ugovnom sudoproizvodstve [Discretionary powers of the court in criminal proceedings]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk. 25 p.
12. Talapina E.V. 2018. Pravo i tsifrovizatsiya: novyye vyzovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. Zhurnal rossiyskogo prava, 2: 5–17.
13. The decree of the President of the Russian Federation from 28.06.1993 № 966 «On the Concept of legal Informatization of Russia». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98561/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
14. The decree of the President of the Russian Federation dated 04.08.1995 № 808 «About the presidential programs of legal Informatization». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=229291#027876485657201777> (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
15. The decree of the President of the Russian Federation from 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy of information society development in the Russian Federation for the years 2017–2030». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
16. Federal law No. 149–FZ of 27.07.2006 «On information, information technologies and information protection». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
17. Federal law No. 8–FZ of 9.02.2009 «On access to information on the activities of state and local self-government bodies». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
18. Federal law of 27.07.2010 № 210–FZ «On the organization of state and municipal services». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (accessed 20 May 2019 g.) (in Russian).
19. Khabriyeva T.Ya. 2019. Pravo v usloviyakh tsifrovizatsii [Law in the conditions of digitalization]. SPb, SPbGUP: 36 p.
20. Khabriyeva T.Ya., Chernogor N.N. 2018. Pravo v usloviyakh tsifrovoy realnosti [Law in the conditions of digital reality]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law], 1: 85–102. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Тонков Е.Е., Пожарова Л.А. 2019. Правовое регулирование в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 490–497. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

Tonkov E.E., Pozharova L.A. 2019. Legal regulation in the conditions of digitalization of society: problems and prospects. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 490–497 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-490-497

УДК 347.97

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-498-504

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ:
ОПЫТ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ****THE LEGALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF JUDICIAL
POWER: THE EXPERIENCE OF AMERICAN STATES****А.П. Тресков****A.P. Treskov**

Ростовский государственный университет путей сообщения,
Россия, 344038, г. Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2,

Rostov state University of railway engineering,
2 square of the Rostov Shooting Regiment of the National Militia,
Rostov-on-don, 344038, Russia

e-mail: altreskov@yandex.ru**Аннотация**

В статье представлены результаты сравнительно-правового исследования порядка легализации принципов судебной власти в конституциях американских государств. Анализ показал, что искомые принципы расположены в структурных частях, которые специально посвящены судебной власти, а также в иных разделах. Формализация последних и выступила предметом настоящей статьи. Автором установлено, что в неспециализированных разделах конституций в числе ключевых принципов судебной власти содержатся независимость, сотрудничество/согласованность, а также ряд судопроизводственных принципов (в неисчерпывающем перечне). Все иные выявленные принципы имеют отношение непосредственно к деятельности судебной власти в гуманитарном аспекте. Концентрация принципов судебной власти в главах о правах и свободах личности опосредована характером и назначением таких структурных единиц. С одной стороны, искомые принципы – основа организации и деятельности судебной власти, а с другой – гарантии субъективных прав и свобод.

Abstract

The article presents the results of a comparative legal study of the order of legalization of the principles of judicial power in the constitutions of American States. The analysis showed that the required principles are located in the structural parts, which are specifically devoted to the judiciary, as well as in other sections. The formalization of the latter was the subject of this article. The author found that the non-specialized sections of the constitutions among the key principles of the judiciary contain independence, cooperation / coherence, as well as a number of judicial principles (in the non-exhaustive list). All other principles identified are directly relevant to the work of the judiciary in the humanitarian aspect. The concentration of the principles of the judiciary in the chapters on the rights and freedoms of the individual is mediated by the nature and purpose of such structural units. On the one hand, the principles sought are the basis for the organization and activities of the judiciary, and on the other hand, guarantees of subjective rights and freedoms.

Ключевые слова: судебная власть, принципы судебной власти, судья, независимость, взаимодействие, сотрудничество, содействие, судебная защита.

Key words: judicial power, principles of judicial power, judge, independence, interaction, cooperation, assistance, judicial protection.

Содержательному раскрытию различных правовых явлений способствует применение сравнительно-правового метода. Принципы судебной власти, выступающие ключевыми началами организации и деятельности одной из функциональных разновидностей власти [Анишина, 2006; Ганижева, 2018], также целесообразно сопоставлять на уровне конституционного опыта различных стран [Тресков, 2018]. В рамках данной работы исследовательское внимание уделено выявлению принципов судебной власти в конституциях американских государств. Анализ показал, что искомые принципы расположены в структурных частях, которые специально посвящены судебной власти, а также в иных разделах. Формализация последних и выступила предметом настоящей статьи.

Итак, принципы судебной власти традиционно располагаются в главах, посвященных основам организации государства (Раздел первый «Государство» Конституции Боливии [Конституция Боливии..., 2019], Раздел I «Об основных принципах» Конституции Бразилии [Конституция Бразилии..., 2019], Глава I «Суверенитет и власти, которым делегировано его осуществление» Конституции Гаити [Конституция Гаити..., 2019], Часть I «Нация и государство» Конституции Гватемалы [Конституция Гватемалы..., 2019], Часть IV «Форма правления» Конституции Гондураса [Конституция Республики..., 2019], Раздел первый «Нация и ее правительство» Конституции Доминиканской Республики [Конституция Доминиканской..., 2019], Часть 5 «Отрасли государственной власти и государственная служба» Конституции Колумбии [Конституция Колумбии..., 2019], Часть I «Республика» Конституции Коста-Рики [Конституция Коста-Рики..., 2019], Глава VII «Принципы организации и деятельности государственных органов» Конституции Кубы [Конституция Кубы..., 2019], Глава I «О разделении властей» из Раздела третьего Конституции Мексики [Конституция Мексиканских..., 2019], Раздел 2 «Формы правления» Конституции Никарагуа [Конституция Республики..., 2019]) либо правам и свободам человека и гражданина (разделы второй и четвертый «Права и гарантии», «Гражданство и гражданские права» Конституции Боливии, Раздел II «Об основных правах и гарантиях» Конституции Бразилии, Раздел III «Права человека, гарантии и обязанности» Конституции Венесуэлы с дроблением на главы об общих положениях, гражданских и экономических правах [Конституция Боливарианской..., 2019], Глава I «Права» Конституции Гаити, Часть IV «Права человека» с конкретизацией в Главе I «Личные гарантии» и Главе II «О судебном покровительстве» Конституции Гватемалы, части II, III «Гражданство и гражданские права» и «Права и гарантии» и Конституции Гондураса, Часть II «Личные права» Конституции Доминиканской Республики, Часть 3 «О гражданских правах и социальных гарантиях» Конституции Колумбии, Часть IV «Личные права и гарантии» Конституции Коста-Рики, Глава VI «Основные права, обязанности и гарантии» Конституции Кубы, Глава I «О гарантиях прав личности» из Раздела первого Конституции Мексики, Часть IV «Права и гарантии» Конституции Никарагуа, Раздел I «Основные права личности» Конституции Перу [Политическая Конституция..., 2019]).

Отдельного внимания заслуживает Конституция Аргентины [<http://worldconstitutions.ru/archives/38>]. В ней структурно Глава первая объединила нормы, связанные и с государственной организацией, и с правовым статусом личности («Принципы, права и гарантии»).

В качестве еще одного результата исследования укажем, что искомые принципы были обнаружены и в иных структурных единицах конституций и, скорее, это является исключением, чем правилом.

В числе нестандартных структурных частей конституции, которые формализовали искомые принципы – ст. 178 (Часть 17 «Выборы») Конституции Колумбии, установившая принцип несовместимости судебской должности с членством в политических партиях.

Придерживаясь обозначенного тезиса о раскрытии формализации принципов судебной власти в американских конституционных структурных единицах, которые специально не предназначены для характеристики судебной власти, представим краткие результаты осуществленного сравнительно-правового исследования.

Итак, первый принцип, который «открывает» конституционные основы судебной власти – это ее независимость.

В Конституции Боливии в сопряжении с принципом делегирования суверенитета народа законодательной, исполнительной и судебной властям, легализована независимость и согласованность этих властей. Следовательно, можно говорить о закреплении не только принципа независимости, но и согласованности применительно к судебной власти и ее отношениям с иными разновидностями государственной власти (ст. 2).

На основании ст. 2 Конституции Бразилии ветвями власти, независимыми друг от друга и находящимися в состоянии гармонии друг с другом, являются законодательная, исполнительная и судебная власти. В аспекте независимости ситуация с формализацией однозначная, а формулировка «находящиеся в состоянии гармонии друг с другом» может быть интерпретирована, как вариант – принцип согласованности.

В ряду конституций, которые легализуют не только принцип независимости, стоит конституция Колумбии. В ее ст. 55, заключено, что Конгресс, Правительство и судьи выполняют различные функции, но сотрудничают в осуществлении задач государства. Следовательно, объективно говорить о принципе сотрудничества. Безусловно, этимологически сотрудничество и согласованность имеют различный смысл, однако глобально их наличие связано с тем, чтобы продемонстрировать важность и независимого состояния судебной власти, и принципиальных основ конструктивного взаимодействия.

Исключительно принцип независимости судебной власти закреплён в ст. 2 Конституции Гватемалы и ст. 9 Конституции Коста-Рики. В Конституции Доминиканской Республики, кроме полноценного принципа независимости судебной власти, установлен принцип ответственности лиц, осуществляющих судебную власть за свои действия (ст. 2).

Полагаем, для конституционного уровня логичен факт отражения принципа ответственности судей. Данный опыт отражен в ст. 8 Конституции Боливии – должностные и частные лица, которые воспрепятствуют исполнению судебного решения, будут во всякое время отвечать за нарушение конституционных гарантий, и ссыла на то, что они выполняли приказ вышестоящей власти, не может служить им оправданием.

В ст. 18 Конституции Аргентины ответственность судьи предусмотрена за неоправданную гибель лиц в тюрьме вследствие применения предупредительных мер, которые он санкционировал.

Согласно ст. 49 Конституции Венесуэлы, помимо права пострадавших требовать персональной ответственности судей, признается право государства предпринимать в отношении них соответствующие меры.

В ст. 64 Конституции Гватемалы установлена ответственность судей за нарушение срока вынесения постановления либо о заключении в тюрьму, либо об освобождении задержанного.

В конституциях заявленной группы распространено контекстное упоминание принципа компетентности судьи (статьи 8, 9 Конституции Боливии, ст. 40 Конституции Никарагуа, ст. 56 Конституции Гватемалы), судебного должностного лица (ст. 12 Конституции Доминиканской Республики), суда (ст. 34, 35 Конституции Боливии, ст. 28 Конституции Венесуэлы, ст. 52, 187 Конституции Гондураса, ст. 26 Конституции Колумбии, ст. 58 Конституции Кубы, ст. 41 Конституции Никарагуа) или судебной власти (п. LXI Конституции Бразилии, ст. 45 Конституции Никарагуа) в различных частях документа.

В рамках статей гуманитарного блока о правах человека и гражданина, а также их гарантиях закономерно размещение принципа судебной защиты. Адресатами такой защиты может быть неограниченный круг лиц или же лица, конкретизированные конституционными нормами.

Так, согласно ст. 8 Конституции Боливии, установлена судебная защита для лиц, которые считают себя незаконно арестованными, подвергшимся судебному преследованию или тюремному заключению (ст. 8).

В ст. 10 Конституции Гаити принцип судебной защиты отражен в сопряжении с правом пострадавших обратиться с жалобой в компетентные суды без предварительного разрешения со стороны лиц начальствующих или исполнителей.

Реализуя такую защиту, суды в рассматриваемой группе стран также следуют принципу, что гражданское лицо никогда не может быть судимо военным судом. Точно также военнослужащий по делам чисто гражданского характера не может быть изъят из подсудности судам общего права; исключение допускается в случае официально объявленного осадного положения (ст. 11 Конституции Гаити). Аналогично и содержание ст. 13 Конституции Мексики.

В Гондурасе, согласно ст. 32, Конституция признает гарантию *habeas corpus*. Поэтому каждое лицо, незаконно задержанное, или кто-либо другой от его имени имеют право обратиться в соответствующий суд устно или письменно с просьбой о доставке задержанного в суд. Данное право признано ст. 41 Конституции Никарагуа.

В ст. 85 Конституции Гондураса содержится положение о том, что, если исполнительная власть нарушит какое-либо из положений, потерпевший или любое другое лицо от его имени может прибегнуть к защите суда.

Специфической формой судебной защиты считаем судебное покровительство, закрепленное в Главе II «О судебном покровительстве» Конституции Гватемалы. Судебное покровительство имеет основной функцией обеспечение индивидуальных гарантий и нерушимость положений Конституции; осуществляется посредством особого обращения по форме, определенной законом, к судам, которые создаются этим законом (ст. 79–80).

Еще одной специфической формой судебной защиты является процедура *амраго*, формализованная ст. 27 Конституции Венесуэлы. Так, в соответствии с ней каждый человек имеет право на защиту со стороны судов в интересах осуществления конституционных прав и гарантий, которые, будучи присущими человеческой личности, не нашли четкого отражения в Конституции или международных договорах по правам человека. Судебное разбирательство, возбуждаемое на основе конституционной процедуры *амраго*, является устным, открытым, оперативным, бесплатным и проводится без каких бы то ни было формальностей; и компетентные судебные органы правомочны незамедлительно восстанавливать нарушенный правовой статус, прибегая для этого к наиболее подходящим, на их взгляд, средствам. Суд рассматривает такие дела в первоочередном порядке, откладывая разбирательство по другим делам. На наш взгляд, важность приведенной процедуры подчеркнута специально закрепленными для нее принципами устности, открытости, оперативности, бесплатности и отсутствия формальностей.

Отражение принципа судебной защиты для неопределенного круга лиц выявлено в ст. 18 Конституции Аргентины, ст. 49 Конституции Венесуэлы, ст. 60 Конституции Гватемалы. В гуманитарной плоскости важно наличие принципа презумпции невиновности как основы деятельности судебной власти (ст. 49 Конституции Венесуэлы, ст. 68 Конституции Гватемалы, п. 11 Приложения В Конституционного акта Канады 1982 г., ст. 39 Конституции Коста-Рики, ст. 58 Конституции Кубы, ст. 24 Конституции Перу).

В конституциях американских стран в различных вариациях встречается принцип рассмотрения дел судами, образованными в порядке закона, или чаще всего это формулировка отрицающая рассмотрение дела специальными комиссиями или судами. К примеру, согласно ст. 18 Конституции Аргентины, ни один житель Республики не может быть судим специальными комиссиями либо быть изъят из-под юрисдикции судьи, назначенного в соответствии с законом, до возбуждения дела. В аналогичном ключе сформулированы ст. 13 Конституции Боливии, ст. 49 Конституции Венесуэлы, ст. 60 Конституции Гватемалы, ст. 99 Конституции Гаити, ст. 43 Конституции Гондураса, ст. 35 Конституции Коста-Рики, ст. 13 Конституции Мексики, ст. 48 Конституции Никарагуа.

В неспециализированных разделах конституций встречаются принципы, которые стандартно расцениваем в качестве принципов судопроизводства. Так, исходя из содержания ст. 12 Конституции Доминиканской Республики, можно заключить наличие публичности заседания: из числа дел, рассматриваемых и заслушиваемых в публичном заседании суда, исключаются дела, для рассмотрения которых по закону создаются дисциплинарные суды.

О публичности судебного заседания повествует и ст. 20 Конституции Мексики в смысловом сопряжении с гарантиями обвиняемым: имеют право судиться в публичном судебном заседании судьей или судом присяжных, состоящим из граждан, умеющих читать и писать и являющихся жителями местности, в которой было совершено преступление, при условии, что оно влечет за собой тюремное заключение более чем на один год.

На основании ст. 43 Конституции Никарагуа судопроизводство является гласным.

В рассматриваемых структурных единицах конституций обнаружены и принципы, которые сопоставимы с решениями/приговорами суда.

В п. 2 ст. 44 Конституции Боливии по поводу приговора суда закреплён принцип окончательности.

В параграфе 1 ст. 41 Конституции Бразилии окончательный судебный приговор – основание потери служащим органов публичной власти постоянной должности.

Об окончательности судебного решения идет речь в ст. 115 и 116 Конституции Венесуэлы в качестве оснований для экспроприации любого вида имущества либо конфискации имущества.

В ч. 2 ст. 19 Конституции Гватемалы и ст. 26 Конституции Гондураса отражен принцип окончательности приговора суда как основание приостановления гражданских прав.

Окончателность приговора констатируется и в ст. 39 Конституции Коста-Рики. Это основание для отбывания наказания за преступление, правонарушение или проступок, предусмотренные ранее принятым законом.

В отношении итогового судебного решения также формализуется принцип законности (ст. 18 Конституции Аргентины). Здесь же уместно указать контекстное закрепление принципа обоснованности решения суда в ст. 73 Конституции Гондураса: никто не может быть лишен собственности иначе, как в силу закона или по обоснованному решению суда. Применительно к конституциям, которые легализовали нормы о формате взаимодействия судебной власти с иными органами и должностными лицами, объективно говорить о наличии принципа взаимодействия. Данное имеет место быть в части 11 «Президент республики и замещающее президента лицо» Конституции Колумбии в перечислении полномочий Президента Республики в отношении правосудия (ст. 119). Как правило, это поддержка, необходимая для быстрого выполнения функции правосудия. Аналогичны установления Главы III Конституции Мексики «Об исполнительной власти» (ст. 89).

В соответствии со ст. 58 Конституции Колумбии Сенат осуществляет определенные судебные функции.

Нормы о взаимодействии адресованы не только главе государства, но и главам территориальных единиц государства (к примеру, в их функции входит содействие отправлению правосудия в соответствии с законом, ч. 4 ст. 194 Конституции Колумбии, ст. 193 Конституции Никарагуа).

Кстати, есть и противоположные по смыслу нормы. Согласно ст. 109 Конституции Аргентины, Президент Республики ни при каких обстоятельствах не может осуществлять функции судебной власти, в том числе присваивать себе право рассмотрения находящихся в производстве дел либо возобновления производства по уже разрешенным делам.

Считаем логичным расценивать наличие принципа взаимодействия во всех случаях, когда оно осуществляется при реализации кадровых полномочий или в рамках процедуры отрешения от должности.

Обратим отдельное внимание на нормы конституций Венесуэлы, Коста-Рики и Мексики в связи с тем, что в их мононормах, расположенных в неспециализированном разделе

базового документа, в порядке перечисления предусмотрены ключевые принципы судебной власти, стандартно включаемые в специализированные конституционные разделы.

Так, в ст. 26 Конституции Венесуэлы государством гарантировано бесплатное, беспрепятственное, беспристрастное, надлежащее, транспарентное, самостоятельное, независимое, надежное, справедливое и оперативное судебное разбирательство без каких-либо необоснованных задержек, ненужных формальностей или отсрочек. В ст. 41 Конституции Коста-Рики, расположенной в Части IV «Личные права и гарантии определено, что правосудие должно совершаться быстро, полно, безотказно и в строгом соответствии с законами.

В данном смысловом ключе, но с формализацией иного набора отметим Конституцию Мексики. В ее ст. 17 (Глава I. О гарантиях прав личности) установлено, что суды осуществляют правосудие в сроки и на условиях, указываемых законом; отправление правосудия бесплатно, поэтому взимание судебных издержек запрещается. Здесь также представляет интерес норма о том, что никто не может осуществлять самочинно правосудие или прибегать к насилию для осуществления своих прав.

Таким образом, полагаем, локализация указанных статей в главах о правах и свободах человека и гражданина опосредована характером и назначением таких глав/частей. С одной стороны, искомые принципы – основа организации и деятельности судебной власти, а с другой – гарантии субъективных прав и свобод. В порядке резюме отметим, что в специализированных разделах конституции в числе ключевых принципов судебной власти – независимость, сотрудничество/согласованность, а также ряд судопроизводственных принципов (в неисчерпывающем перечне). Все иные выявленные принципы имеют отношение непосредственно к деятельности судебной власти в гуманитарном аспекте.

Список литературы

1. Анишина В.И. 2006. Конституционные принципы как основа совершенствования организации и деятельности судебной власти. Вестник Костромского государственного университета, 5: 23-27.
2. Ганижева П.М. 2018. Принципы судебной власти и принципы правосудия. Международный научный журнал «Инновационная наука», 3: 57-59.
3. Тресков А.П. 2018. Принципы судебной власти: опыт стандартной конституционной легализации в странах СНГ. Социально-политические науки, 4: 112-116.
4. Конституция Боливии промульгирована 17 ноября 1947 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=39&page=2> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
5. Конституция Бразилии от 5 октября 1988 г. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/41662> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
6. Конституция Гаити от 25 ноября 1950 г. URL: <https://sites.google.com/site/ustavniky/home/konstitucia/konstitucii-kvalificirovannyh-gosudarstv/gaiti-rus> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
7. Конституция Гватемалы от 1956 г. URL: <https://sites.google.com/site/ustavniky/home/konstitucia/konstitucii-kvalificirovannyh-gosudarstv/gvatemala-rus> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
8. Конституция Республики Гондурас от 28 марта 1936 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=45> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
9. Конституция Доминиканской Республики от 10 января 1947 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=46> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
10. Конституция Колумбии принята 5 августа 1886 г. URL: <https://sites.google.com/site/ustavniky/home/konstitucia/konstitucii-kvalificirovannyh-gosudarstv/kolumbia-konstitucia-rus> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
11. Конституция Коста-Рики от 7 ноября 1949 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=49> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
12. Конституция Кубы от 15 февраля 1976 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1248> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
13. Конституция Мексиканских соединенных штатов от 5 февраля 1917 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (дата обращения: 02.06.2019 г.).
14. Конституция Республики Никарагуа от 19 ноября 1986 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=52> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

15. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла от 30 декабря 1999 г. URL: <http://constitutions.ru/?cat=32> (дата обращения: 02.01.2019 г.).

16. Политическая Конституция Перу от 29 декабря 1993 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=534> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

17. Конституция Аргентинской Республики принята Генеральным Конституционным Конгрессом 1 мая 1853 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/38> (дата обращения: 02.06.2019 г.).

References

1. Anishina V.I. 2006. Konstitucionnye principy kak osnova sovershenstvovaniya organizacii i deyatelnosti sudebnoj vlasti [Constitutional principles as a basis for improving the organization and activities of the judiciary]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 5: 23-27.

2. Ganizheva P.M. 2018. Principy sudebnoj vlasti i principy pravosudiya [Principles of the judiciary and principles of justice]. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka», 3: 57-59.

3. Treskov A.P. 2018. Principy sudebnoj vlasti: opyt standartnoj konstitucionnoj legalizacii v stranah SNG [Principles of judicial power: experience of standard constitutional legalization in CIS countries]. Social'no-politicheskie nauki, 4: 112-116.

4. The Constitution of Bolivia was promulgated on November 17, 1947. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=39&page=2> (access date: 02.06.2019 г.).

5. Brazilian Constitution of 5 October 1988. Available at: <http://www.krugosvet.ru/node/41662> (access date: 02.06.2019).

6. The Constitution of Haiti of 25 November 1950. Available at: <https://sites.google.com/site/ustavniki/home/konstitucia/konstitucii-kvalificirovannyh-gosudarstv/gaitirus> (access date: 02.06.2019).

7. The Constitution of Guatemala of 1956. Available at: <https://sites.google.com/site/ustavniki/home/konstitucia/konstitucii-kvalificirovannyh-gosudarstv/gvatemala-rus> (access date: 02.06.2019).

8. Constitution of the Republic of Honduras of 28 March 1936. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=45> (access date: 02.06.2019).

9. Constitution of the Dominican Republic of 10 January 1947. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=46> (access date: 02.06.2019).

10. The Constitution of Colombia was adopted on August 5, 1886. Available at: <https://sites.google.com/site/ustavniki/home/konstitucia/konstitucii-kvalificirovannyh-gosudarstv/kolumbia-konstitucia-rus> (access date: 02.06.2019).

11. The Constitution of Costa Rica of 7 November 1949. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=49> (access date: 02.06.2019).

12. The Constitution of Cuba of February 15, 1976. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=1248> (access date: 02.06.2019).

13. The Constitution of the United Mexican States of February 5, 1917. Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=51> (access date: 02.06.2019).

14. Constitution of the Republic of Nicaragua of 19 November 1986. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=52> (access date: 02.06.2019).

15. Constitution of the Bolivarian Republic of Venezuela of 30 December 1999. Available at: <http://constitutions.ru/?cat=32> (access date: 02.06.2019).

16. The political Constitution of Peru of December 29, 1993. Available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=534> (access date: 02.06.2019).

17. The Constitution of the Argentine Republic was adopted by the General Constitutional Congress on 1 мая 1853. Available at: <http://worldconstitutions.ru/archives/38> (access date: 02.06.2019).

Ссылка для цитирования статьи Reference to article

Тресков А.П. 2019. Конституционная легализация принципов судебной власти: опыт американских государств. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 498–504. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-498-504

Treskov A.P. 2019. The legalization of the constitutional principles of judicial power: the experience of american states. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 498–504 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-498-504

УДК 342.33

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-505-512

**ОГРАНИЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПАРЛАМЕНТА
КАК ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ
ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОЙ ВЛАСТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ СООБРАЖЕНИЯ**

**RESTRICTIONS OF THE LEGISLATIVE POWERS OF THE PARLIAMENT
AS A CONDITION FOR ESTABLISHING A BALANCED AUTHORITIES:
HISTORICAL AND CONSTITUTIONAL CONSIDERATIONS**

**Яцек Залесны¹, Ярослав Шиманек²
Jacek Zalesny, Yaroslav Szymanek**

¹ Варшавский университет (Польша),
Варшава, ул. Nowy Świat, 69 (Польша)

² Аналитическое управление Канцелярии Сейма (Польша),
Варшава, ул. Wiejska, 4/6/8

¹University of Warsaw,
69 street Nowy Świat, Warsaw

²Analytical Department of the Office of the Seimas (Poland),
4/6/8 street Wiejska, Warsaw

e-mail: jaroslawszymanek@o2.pl

Аннотация

Осуществлен обзор и оценка процесса становления и развития контроля конституционности законов в Европе. Сфокусировано внимание на результатах данного процесса, следующих из особого значения закона как парламентского акта, соотносимого с выражением воли суверена. Исследован генезис процесса контроля конституционности законов и его основные фазы, а также обоснованы сопутствующие им противоречия в государственном устройстве. Сделан вывод, что в настоящее время контроль законодательной деятельности парламента имеет сложный характер и осуществляется такими субъектами, как: парламентом, который во время законотворческой процедуры должен предусмотреть особые решения, направленные на проверку соответствия закона конституции; главой государства, который как гарант конституции должен проверять соответствие принятого закона конституционным стандартам; конституционные суды (либо другие аналогичные ним органы), оценивающие конституционность законов.

Abstract

The review and evaluation of the process of formation and development of control of constitutionality of laws in Europe. Attention is focused on the results of this process, following from the special importance of the law as a parliamentary act, correlated with the expression of the will of the sovereign. Genesis of process of control of constitutionality of laws and its main phases is investigated, and also the contradictions accompanying them in the state structure are proved. It is concluded that currently the control of legislative activity of the Parliament is complex and is carried out by such subjects as: the Parliament, which during the legislative procedure should provide for special decisions aimed at checking the compliance of the law with the Constitution; the head of state, which, as the guarantor of the Constitution, should check the

compliance of the adopted law with constitutional standards; constitutional courts (or other similar bodies), assessing the constitutionality of laws

Ключевые слова: становление и развитие контроля конституционности законов, европейские страны, закон как акт парламентской, баланс власти

Key words: formation and development of control over the constitutionality of laws, european countries, law as an act of parliamentary, balance of power.

В современных государствах контроль законодательной деятельности парламента признается конституционным стандартом – обязательным и очевидным условием защиты прав и свобод граждан от риска неконституционной деятельности парламента. Необходимость введения данного рода оценки была выражена в конце XVIII в. Она была сформулирована в связи с формированием современных парламентов, создаваемых на основании актуального толкования политического представительства суверена, приобретающих все большее значение политических фракций и в связи с распространением избирательного права в парламентах. В то время полагалось, что законодательная деятельность парламента должна проверяться на предмет ее соответствия фундаментальным законам государства. Установление данного рода контроля, однако, в течение долгого времени встречало препятствия на своем пути. Первым и наиболее важным было следующее убеждение: парламента как выразитель воли самого суверена не может подлежать никакому контролю. Следовательно, это означало бы косвенный контроль самого народа, что, в свою очередь, ставило под вопрос его суверенный характер, а этого по принципиальным соображениям нельзя было допустить. Тот, кто должен был контролировать соответствие законов конституции, должен был располагать аналогичным политическим основанием, что и автор законов. Де-факто данное условие соблюдено было только самим парламентом, и, в сущности, единственной правовой формой контроля законов был парламентский самоконтроль [Piotrowski, 1997].

Другим также часто называемым аргументом против контроля законодательной деятельности парламента была позиция парламента в структуре государственных органов. Данная позиция в классическом конституционном праве была исключительной, что обуславливалось его представительским характером и тем, что он выражает не свою собственную волю, а волю суверенного народа. Если выражение данной воли, как было принято считать, должно быть полным и вместе с тем эффективным, то орган, выражающий ее, то есть парламента, должен был занимать доминирующую позицию среди всех других органов, составляющих так называемый государственный аппарат. В некоторых системах, например, во Франции или Великобритании XIX века, данная точка зрения ушла еще дальше, поскольку восприятие парламента как верховного, и что с этим связано, наиболее важного органа в государстве сформулировало в конечном результате принцип суверенности парламента в соответствии с идеей о том, что «нет никакой иной воли кроме воли парламента», чему способствовало в то время отсутствие института непосредственной демократии. В результате этого стандартным решением являлось отсутствие процедур контроля, а воля парламента, выражением которой была, в том числе, суть закона, не подлежала ничьему контролю. Данную конструкцию дополняла дефиниция закона, согласно которой он был «проявлением всеобщей воли», тем более не встречающей никаких барьеров в виде, например, процедур контроля.

Однако со временем было признано, что также и деятельность парламента должна быть помещена в корсет процедур контроля. Как правильно аргументировалось, отход от абсолютизма должен повлечь за собой установление проверочных механизмов также относительно парламента. Но и в парламенте усматривался источник угрозы правам и свободам граждан. Как говорил Джеймс Мэдисон во время работы над созданием американской конституции, и это не были отдельные мысли, абсолютным тираном может быть в

равной степени как личность, группа, так и несколько сотен депутатов законодательной власти, если над ними не существует никакой инстанции, которая бы их проверяла и сдерживала.

Заявляемый все более громко постулат введения контрольного механизма привел в результате к коррекции законотворческой процедуры, в которую были внесены проверочные механизмы. В последствии парламент и далее был монополистом, а его законодательных действий никто извне не контролировал, однако с теоретической точки зрения это было, несмотря ни на что, существенное изменение. Поскольку принятый парламентом закон воспринимался не только как выражение всеобщей воли (суверена), но и как результат проверочных действий, целью которых была оценка того, будет ли соблюдена законодательная процедура, и соответствовала ли суть закона изначально принятым основам (трактуемым либо как всеобщая воля, либо как чувство справедливости, либо как действия, соответствующее государственным интересам, либо, в конце концов, как действие, соответствующее конституции).

Таким образом возникла концепция законодательного самоконтроля парламента. Она признавала, что если парламент принял окончательно закон, то тем самым он признал, что он принят надлежащим образом с точки зрения процедуры, и что он верен с материальной точки зрения (содержательной). Во-первых, это было связано с регламентированием и конкретизацией регламентных условий законодательного процесса, который из данных соображений требовал все более детальных норм и все больше этапов на уровне парламентских работ (работы в комиссиях, на пленарных заседаниях палат). Во-вторых, концепция самоконтроля парламента осуществила переориентирование статуса в устройстве государства верхней палаты парламента, которую с этого времени начали воспринимать как палату, на которую накладывается особая обязанность заботы о качестве создаваемого парламентом закона. В результате этого верхнюю палату стали определять именами «ревизионной палаты», «палаты законодательной сдержанности», «контрольной палаты» или «палаты размышлений и рассудительности», а определяющей идеей двухпалатного парламента стало своеобразное разделение задач обеих палат. Нижней палате было предоставлено принятие закона определенной формы, а верхняя палата, в свою очередь, должна была ее контролировать как с формальной, так и с материальной точки зрения. Таким образом принятый окончательно парламентом закон воспринимался не только как акт воли самого суверена, выразителем которой являлся парламент, но также как акт заверченный, с юридической точки зрения «идеальный» в том аспекте, что он отвечает требованиям конституционной корректности.

Однако к таким образом сформулированной концепции контроля законодательных прав парламента были заявлены критические замечания. Одним из основных и наиболее часто формулируемых было то обстоятельство, что таким образом организованный контроль был в действительности самоконтролем, что, в свою очередь ставило под вопрос его объективный характер. Было замечено, что он целится в принцип *nemo iudex in causa sua* (никто не может быть судьей в собственном деле), что критика такого положения вещей привела к тому умозаключению, что пока контроль является самоконтролем, до той поры он не является, в сущности, никаким контролем. Помимо этого, указывалось на недостаточный профессионализм парламентского контроля и его, главным образом, политического характера. Также акцентировалось внимание на том, что в основной системе, определяющей ритм работы парламента, т.е. в правительстве – оппозиция, законодательный контроль являются по определению неэффективными, поскольку парламентская оппозиция, именно по той причине, что является парламентской оппозицией, может только критиковать, а правящее большинство и так поступит по-своему.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на произошедший в дальнейшем уход от модели самоконтроля, определенные свойственные ему решения остались. Первым является принцип того, что, хотя в настоящее время орган, осуществляющий контроль законодательной деятельности парламента, находится вне парламента, однако палаты в своих ре-

гламентных процедурах все еще имеют обязанность установления таких решений, цель которых определяет контроль принимаемого закона с точки зрения его соответствия конституции. Вторым является коррелируемая с этим концепция законодательных обязанностей парламента. Согласно ней, на парламент возложены обязанности двойкой формы, т.е. 1) так называемая позитивная обязанность, заключающаяся в требовании развития и детализации конституционных регулирований, что происходит, главным образом, посредством установления законов, задачей которых является в большей степени детализация конституционных установок и 2) так называемая негативная обязанность, заключающаяся в запрете установления закона, несоответствующего конституции. Третьим решением, представляющим собой отголосок оставшегося в истории права парламента на самоконтроль принимаемого им закона, является существующий сегодня принцип предположительного соответствия принимаемых законов конституции [Dąbrowski, 2017]. Согласно нему, закон, принятый парламентом, до того момента толкуется как соответствующий закону высшего порядка, пока его соответствие не будет поддано сомнению другим органом (например, конституционным судом), наделенным правом оценки законотворческой деятельности палаты (палат).

Волна критики, с которой была встречена парламентарная модель контроля (самоконтроля) законодательной деятельности, спровоцировала поиск механизмов другого вида эффективной (т.е. объективной и, по возможности, профессиональной) проверки законодательной деятельности палат. Их основным принципом было размещение контролирующего субъекта вне парламента. Хронологически первое такое предложение было заявлено в 1795 г. – в революционной Франции (во время конституционных работ) Эммануэлем-Жозефом Сийесом. Он предложил возложить контроль конституционности законов на элитарное *Конституционное жюри* (*jurie constitutionnaire*). Оно должно было быть выделенным и самостоятельным государственным органом. Первое *Жюри* должны были брать парламентарии из своего состава. Ежегодно *Жюри* должно было сменяться новым. Выбор преемников должно было осуществлять *Жюри* из числа парламентариев, срок полномочий которых истекал. *Конституционное жюри* должно было, прежде всего, исследовать на соответствие конституции акты государственной власти и отменять противоречащие ей [Szymanek, 2016; Wiszowaty, 2019]. Оно также должно было играть роль власти, устанавливающей государственное устройство путем формулирования предложения изменений конституции, чтобы гарантировать ее внутреннюю целостность. Э.-Ж. Сийес осознавал то, что законодательный контроль не является типичной судебной деятельностью, поэтому орган, который он предлагал создать, назвал *jury*, а не *court*. Он замечал, что это деятельность, имеющая политические последствия. Орган, выполняющий ее, находится между ветвями власти. Он имеет черты суда, касается законодательной деятельности, а результаты его деятельности оказывают влияние на конституцию, т.е. формирование государственного устройства. Проект Э.-Ж. Сийеса был поддан критике и отклонен как угрожающий правам Конвента. Как убеждал Антуан Клер Тибодо, «эта чудовищная власть была бы всем в государстве. Если дать государственной власти стража, это означает дать ей господина, который бы ее связал, чтобы ему было легче ее контролировать» [Burdeau, 1969, p. 374].

Хоть концепция конституционного жюри Сийеса не была реализована, вместе с тем, осталась проблема угроз, связанных с риском законотворческого произвола парламента. Таким образом, было признано, что единственно верным решением является возложение контроля над законами на главу государства, что нашло выражение в институте промюльгации закона. Действия главы государства, уполномоченного подписывать законы и распорядиться об их обнародовании – публикации в официальном издании, воспринималось в категориях проверки, соответствует ли принятый парламентом закон необходимым требованиям. Спорным вопросом было, однако, определение критериев контроля закона главой государства. Бесспорным было то, что глава государства, прежде, чем подписать закон и направить его в печать, может оценить, был ли он принят с соблюдением всех

процедур (конституционных, законодательных и регламентных). Так называемый формальный (процедурный) контроль, следовательно, был очевидным фактором. Спор касался, однако, того, имеет ли глава государства возможность предметной проверки (по сути). В конце концов было признано, что глава государства контролирует только процедурный аспект создания парламентом закона и на случай признания, что были нарушены процедуры, может направить закон повторно в парламент, чтобы тот снова его принял, и благодаря этому исправил возможные процедурные несоответствия, констатируемые при первом принятии. В то же время было признано, что не существует возможности, чтобы посредством промюльгации оценивать соответствие содержания закона конституции, хотя бы из тех соображений, что повторное принятие закона не связывалось с внесением в него какого-либо нового содержания.

Контроль законодательной деятельности парламента главой государства был высоко оценен. Считалось, что он решительно лучше ранее реализованной модели самоконтроля парламента, и это, по крайней мере, по нескольким причинам. Во-первых, потому, что контроль перестал быть самоконтролем. Во-вторых, потому, что глава государства, от которого ожидалась политическое беспристрастие, выполняя полномочия контроля, поступал – по крайней мере, должен был поступать – объективно, что повышало эффективность контроля. В-третьих, он давал хорошие доктринальные основания участия главы государства в процессе доведения закона до результата. Впрочем, стоит заметить, что последствием данной доктринальной интерпретации участия главы государства, являющейся до сегодняшнего дня приписываемая ему функция гаранта конституции, родословная которой уходит именно во времена, когда в главе государства усматривался контролер законодательной деятельности парламента.

Тем не менее, контроль в исполнении главы государства имел также существенные недостатки. Наиболее важным была фрагментарность данного контроля и тот факт, что за рамками оставался материальный (предметный) аспект контролируемых актов, что де-факто означало только половинчатый контроль. Другим недостатком было отсутствие профессионализма в таком контроле. Еще одним минусом была оговорка о том, что республиканский глава государства (в то время чаще всего приходивший на пост путем проведения выборов в парламенте) необязательно должен был быть органом действительно беспристрастным и абсолютно объективным. Относительно республиканского главы государства, приходившего на пост вследствие парламентских выборов, указывалось, что он не является на 100 % органом, абсолютно независимым от парламента (что хорошо подчеркивала Третья французская республика), и что следует, скорее всего, поискать другой субъект, который будет лучше контролировать законодательные акты, принимаемые палатой (палатами). Тем более так сложилось, что глава государства, действуя в качестве органа, осуществляющего промюльгацию, был включен в законодательный процесс, что в свою очередь, приводило к тому, – согласно критикам данного положения вещей – что контроль постоянно был внутренним контролем в том смысле, что осуществлялся в рамках законодательного процесса, неотъемлемой частью которого был монарх или президент. По этим причинам были предприняты поиски очередного механизма контроля.

В первых трех декадах XX века было признано, что таким идеальным решением будет возложить осуществление контроля законотворческой деятельности парламента на суды или органы, приближенные к ним в аспекте их роли в государственном устройстве. Так было решено, прежде всего, по той причине, что это размещало контролирующий орган за рамками законодательного процесса, кроме того – предполагался его абсолютный профессионализм. Имело значение также то обстоятельство, что суды были наделены атрибутом отдельной и независимой власти, что гарантировало абсолютный объективизм осуществляемой ими контролирующей деятельности. Определенный опыт несла американская практика (в которой с середины XIX века начали приводить в исполнение модель судебного контроля конституционности судами, в том числе Верховным Судом), также внесла свою лепту развивающаяся на европейской почве доктрина конституционного права.

В создании внешней модели законодательной деятельности парламента особые заслуги имел Ганс Кельзен [Клишас, 2015], сформулировавший теоретическую модель конституционного суда, как (по его мнению) оптимального решения проблемы конституционности законов. Он предполагал, что контроль законотворческой деятельности парламента, в отличие от американской модели, не должен быть возложен на суды общей юрисдикции, а должен быть доверен одному, особому органу государственной власти, определяемому как конституционный суд или трибунал (что должно было подчеркнуть приближенный к судебному профиль его деятельности). Несмотря на то, что Г. Кельзен использовал термин «суд», следует подчеркнуть, что он не воспринимал конституционный суд как любой другой суд. Термин суд должен был только дать ощущение независимости осуществления деятельности, тем более, что Г. Кельзен осознавал то, что поле деятельности данного органа, безо всякого сомнения, является политическим [Favoreu, 1990, p. 56]. В связи с этим зачастую вместо того, чтобы говорить о конституционном суде (*cour constitutionnelle*), он говорил о суде политическом (*cour politique*), поскольку деятельность данного суда, заключающаяся в оценке законотворческой деятельности парламента, определял как деятельность политическую. Дополнительным элементом, делающим конституционный суд органом, бесспорно, политическим, был для Г. Кельзена метод его формирования, который либо предполагал назначение членов данного органа парламентом, либо парламентом, действующим совместно с другим органом (например, главой государства).

Конституционный суд, или иначе называемый орган государственной власти, играющий его роль, должен был быть особым политическим органом государства, который по принципу исключительности должен был осуществлять контроль законодательной деятельности парламента. Более того, принципиальной идеей конституционного суда, в случае утверждения им неконституционности исследуемого закона, должно было быть отклонение несоответственного регулирования. Причем, по мнению Г. Кельзена, должна была проявиться сущность суда и его оригинальность по отношению к предыдущим видам контроля законотворческой деятельности парламента. Тем не менее, сам Г. Кельзен добавлял, что то, что должно придавать конституционному суду его важнейшее специфическое свойство, является также тем, что в еще большей степени делает его политическим органом. Более того, благодаря праву возможного отклонения законов, суд волей-неволей превращался в законодательный орган с той только разницей, что действует он специфическим образом, заключающимся в отклонении и введении законов в систему действующих правовых норм. Поэтому конституционный суд был назван также Г. Кельзенем «негативным законодателем» (*législateur négatif*), а законотворческую деятельность в целом он делил на имеющую позитивный характер (которую выполнял парламента, поскольку он вводит новые нормы в систему) и негативный характер (реализуемый конституционным судом в момент утверждения неконституционности, вызывающий результат дерогации).

Идея Г. Кельзена была признана «прототипом» европейской модели конституционности права [Sweet, 1990]. В межвоенный период она была частично реализована. Конституционные суды предполагались в Чехословакии, Австрии и Испании. После Второй мировой войны конституционное правосудие было признано стандартом и сегодня функционирует в большинстве демократических государств [Нуриев, 2015], хотя во многих из них ведется спор о рамках полномочий конституционного суда и его статусе в системе государственного устройства (речь идет, главным образом, о его легитимизации и судебном либо внесудебном характере). В некоторых государствах, в которых не был создан конституционный суд согласно концепции Г. Кельзена, контроль законодательной деятельности парламента возложен на особые органы (например, французский Конституционный совет, казахстанский Конституционный совет) или также на все суды общей юрис-

дикции, равно как наивысшие инстанции судов общей юрисдикции или административных судов (США, Бельгия, Греция, скандинавские государства).

Подводя итог, следует констатировать, что в настоящее время принято считать, что контроль законодательной деятельности парламента имеет сложный, многосубъектный характер. Это означает, что свое участие в данном контроле имеют: 1) парламент, который во время законотворческой процедуры должен предусмотреть особые решения, направленные на проверку соответствия закона конституции; 2) глава государства, который как гарант конституции должен проверять, отвечает ли закон, принятый законодательной властью, конституционным стандартам; 3) конституционные суды (либо другие аналогичные им органы), которые оценивают конституционность законов, а дополнительно – в модели Г. Кельзена – могут вынести решение о потере юридической силы и выведении из нормативной системы. Однако пока пришли к данному пониманию, прошло примерно 150 лет, в течение которых парламент считался органом суверенной власти, акты которого, с одной стороны, должны быть согласны с высшим законом, с другой же – не должны поддаваться внепарламентскому контролю соответствия ему.

Статья написана как часть исследовательского проекта «Конституционная юстиция в постсоветских странах: между моделью правового государства и ее местным применением» (№ 2016/23/B/HS5/03648) NCN (Национальный научный центр Польши).

Список литературы

1. Клишас А.А. 2015. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. М., Международные отношения. 556 с.
2. Нуриев Г.Х. 2015. Европейская модель конституционного судопроизводства. М., НОРМА ИНФРА. 223 с.
3. Piotrowski R. 1997. Parlamentarna kontrola konstytucyjności aktów prawnych. Prawo i kontrola jego zgodności z konstytucją. Warszawa
4. Dąbrowski M. 2017. Domniemanie zgodności ustaw z Konstytucją Rzeczypospolitej Polskiej z 1997 roku. Olsztyn.
3. Szymanek J. Emmanuel-Joseph Sieyès. 2016. O sędziie konstytucyjnym: tezy projektu ustawy przedstawionego przez Emmanuela-Josepha Sieyès'a podczas obrad Konwencji w dniu 18 Thermidora roku III (tłumaczenie, opracowanie i komentarz). Studia Prawnicze KUL, 2.
4. Wiszowaty M.M. Jury Konstytucyjne Emanuela Sieyès'a, czyli sędziowie w obronie narodu przed ludem URL: <http://www.konstytuty.pl/archives/2864> (accessed 23 May 2019).
5. Burdeau G. 1969. Traité de science politique. т. IV. Paris.
7. Favoreu L. 1990. Constitutional Review in Europe / Constitutionalism and Rights: The Influence of the United States Constitution Abroad. New York.
8. Sweet A.S. 1990. The Birth and Development of Abstract Review: Constitutional Courts and Policy-Making in Western Europe. Policy Studies Journal, 1.

References

1. Klishas A.A. 2015. Konstitucionnyj kontrol' i konstitucionnoe pravosudie zarubezhnyh stran [Constitutional control and constitutional justice of foreign countries]. М., Mezhdunarodnye otnosheniya. 556 с. (in Russian)
2. Nuriev G.H. 2015. Evropejskaya model' konstitucionnogo sudoproizvodstva [European model of constitutional justice]. М., NORMA INFRA. 223 с. (in Russian)
3. Piotrowski R. 1997. Parlamentarna kontrola konstytucyjności aktów prawnych [Parliamentary control over the constitutionality of legal acts]. Prawo i kontrola jego zgodności z konstytucją [Law and monitoring of its compliance with the Constitution]. Warszawa.

4. Dąbrowski M. 2017. Domniemanie zgodności ustaw z Konstytucją Rzeczypospolitej Polskiej z 1997 roku [Presumption of conformity of laws with the Constitution of the Republic of Poland 1997]. Olsztyn.

5. Szymanek J. Emmanuel-Joseph Sieyès. 2016. O sądzie konstytucyjnym: tezy projektu ustawy przedstawionego przez Emmanuela-Jospeha Sieyèsa podczas obrad Konwencji w dniu 18 Thermidora roku III (tłumaczenie, opracowanie i komentarz) [On the constitutional court: proceedings of the bill submitted by Emmanuel-will HOSPEEM SEACOM during the meeting of the Convention of 18 Thermidora III (translation, design and review)]. *Studia Prawnicze KUL*, 2.

6. Wiszowaty M.M. Jury Konstytucyjne Emanuela Sieyèsa, czyli sędziowie w obronie narodu przed ludem URL: <http://www.konstytuty.pl/archives/2864> (accessed 23 May 2019).

7. Burdeau G. 1969. *Traité de science politique* [Treaty of political science]. т. IV. Paris.

8. Favoreu L. 1990. *Constitutional Review in Europe / Constitutionalism and Rights: The Influence of the United States Constitution Abroad*. New York.

9. Sweet A.S. 1990. The Birth and Development of Abstract Review: Constitutional Courts and Policy-Making in Western Europe. *Policy Studies Journal*, 1.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Залесны Я., Шиманек Я. 2019. Ограничение законодательных полномочий парламента как предварительное условие для установления сбалансированной власти: исторические и конституционные соображения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 44 (3): 505–512. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-505-512

Zalesny J., Szymanek Y. 2019. Restrictions of the legislative powers of the parliament as a condition for establishing a balanced authorities: historical and constitutional considerations. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series*. 44 (3): 505–512 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-505-512

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 78.01

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-513-518

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ

MUSICAL SUBJECT AS A PHILOSOPHICAL CONCEPT

М.В. Андрейкина
M.V. Andreykina

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: mar.andreykina@gmail.com

Аннотация

Музыкальный субъект – важная составляющая всех процессов, в которых музыка провозглашается главнейшим объектом внимания. Каким образом субъекты, имеющие непосредственное отношение к музыкальному искусству, взаимодействуют друг с другом? В чем их отличие между собой? В настоящей статье исследуется культурно-историческая природа и формы осуществления музыкальной субъективности как элемента культуры чувственности. Показана связь понятия музыкальной субъективности с философскими понятиями свободы и интенциональности. Автор рассматривает музыкальное событие как живую «клеточку» культуры, а концерт – как ключевую форму музыкальной intersубъективности. В музыкальном искусстве можно выделить три модуса взаимодействия субъектов: *композитор – публика, композитор – исполнитель, исполнитель – публика*. Каждый из этих модусов заслуживает специального философско-культурного осмысления и теоретического исследования.

Abstract

The musical subject is an important component of all processes, in which music is proclaimed to be the main object of attention. How do subjects, directly related to musical art, interact with each other? What is the difference between the musical subjects? This article examines the cultural and historical nature and forms of the implementation of musical subjectivity, as an element of the culture of sensuality. The connection of the concept of musical subjectivity with the philosophical concepts of freedom and intentionality is shown. The authors view the musical event as a living «cell» of culture, and the concert as a key form of musical intersubjectivity. In the musical art, three modes of interaction of subjects can be distinguished: *composer - public, composer - performer, performer - public*. Each of these modes deserves a special philosophical and cultural reflection and theoretical research. In addition, a music theorist (historian) has important attention in music circles, the subject of which will not be affected by the limitations of this article.

Ключевые слова: музыкальная субъективность, свобода, катарсис, интенциональность, музыкальное событие, концерт, интересубъективность.

Key words: musical subjectivity, freedom, catharsis, intentionality, musical event, concert, intersubjectivity.

Музыка является неотъемлемым и существенным элементом человеческой субъективности, способом формирования субъекта как такового и шире – культуры чувственности. Музыкальный субъект – это человек, умеющий слышать красоту мира, способный воспринимать и выражать реальность в гармонии звуков с высоты культуры своей эпохи.

Музыкальный субъект может выступать в пяти существенно разных модальностях:

- исполнитель музыки,
- профессиональные сообщества музыкантов и музыкальных экспертов (критиков и теоретиков музыки),
- музыкальные предприниматели (в разных культурах они могут выполнять различающиеся функции и называться по-разному: антрепренеры, импресарио, менеджеры, продюсеры и т.д.),
- публика,
- общество в целом.

Характер музыкальной субъективности, разумеется, во всех этих случаях будет принципиально различным. Кроме того, следует учитывать культурно-историческую среду, в которой формируются музыкальные субъекты, и характер взаимодействия субъектов, в ходе которого рождается музыкальная интересубъективность.

Основы философской теории субъективности заложил Аристотель, и он же стал и пионером в исследовании субъективности музыкальной. Прежде всего необходимо отметить, что музыка рассматривается Аристотелем как принадлежность *свободного человека*, располагающего досугом¹. Это свободное время, писал он, «есть определяющее начало для всего». Музыка служит для заполнения нашего досуга, ради чего ее, очевидно, и ввели в обиход воспитания. В самом деле, «в чем, как думают, заключается развлечение свободнорожденных людей – к этому и относят музыку» [Аристотель, 1983, с. 631].

Таким образом, музыка – дитя свободы, и вместе с тем она сама способствует освобождению человеческих чувств от их первоначальной прикованности к «земле», т.е. к предметам, непосредственно полезным для поддержания физической жизни. Для Аристотеля музыка есть *искусство свободы чувств*. Музыка делает человека свободным субъектом в мире чувств точно так же, как философия освобождает человеческий разум [Destrée, 2018].

Если музыка ставится Аристотелем рядом с философией, то *теория* музыки включается в философию в качестве ее органической части. На этом специально останавливается А.Ф. Лосев – глубокий и тонкий знаток и античности, и музыки: «Аристотель решительным образом относит музыку, и именно теоретическую музыку, к первым философским дисциплинам» [Лосев, 2000, с. 21]. Подобно всякой философской науке, теория музыки занимается исследованием «начал и причин» своего предмета.

В своем интересе к музыке и трактовке ее отношений с философией Аристотель не оригинален. Практически такое же отношение к музыке мы находим и у многих других мыслителей на всем протяжении античности. «Для всякого греческого философа интерес к музыке – почти обязательное качество. По представлениям греков, музыка является неотъемлемой частью философии» [Лосев, 2000, с. 618].

¹ *Этой теме посвящена превосходная глава Пьера Дестре. Вслед за Аристотелем автор рассматривает музыку в контексте проблемы воспитания свободного гражданина полиса. «Как с самого начала разъясняет Аристотель, досуг должен быть высшей целью в образовании, а музыка – это та деятельность, которая особенно подходит для этой цели» (Destrée, 2018, p. 186).*

Воздействие музыки на субъекта Аристотель описывает посредством категории очищения, «катарсиса». Благодаря музыке, и прежде всего музыке в театральной трагедии, человеческие чувства очищаются от страстей, аффектов, обретая возможность *незаинтересованного* – и в этом смысле, опять-таки, свободного – восприятия красоты мироздания, «космоса».

Субъекты существуют не сами по себе, как атомы в пустоте, их творческая деятельность представляет собой процесс взаимодействия. В музыке можно выделить три модуса такого взаимодействия: *композитор – публика, композитор – исполнитель, исполнитель – публика*. Каждый из этих модусов заслуживает специального философско-культурного осмысления и теоретического исследования.

Взаимоотношение, взаимодействие, сопряжение музыкальных субъектов формирует музыкальное искусство как таковое. Основу музыкальной жизни составляет реальный процесс взаимодействия между субъектами музыкальной деятельности – музыкантами и слушателями, опосредованный музыкальным произведением и протекающий в самых разнообразных формах, которые могут быть условно разделены на две большие группы: контактные и дистантные [Капустин, 1985]. Под такими формами в настоящее время могут иметься в виду как непосредственный контакт субъектов, так и опосредованный с помощью технических средств.

Взаимоотношения композитора с публикой, исполнителем, восприятия публикой исполнителя и музыкальных произведений менялись исторически. В классицистский период слушателю была понятна большая часть композиторского замысла, к этому располагали отточенные формы, ясные мелодии, нюансировка и штрихи. Романтизм поначалу вызвал бурную реакцию на музыкальные произведения, которые оказались расширены бурными пассажами, вплетенными в общее музыкальное повествование. Появилась большая свобода исполнения музыки, образный строй стал обращен к любовной лирике и к гнетущим переживаниям отдельной личности. Публика остро чувствовала перемены, но общая концепция сочинений была достигаема для ее понимания. Влияние авангарда на композиторское творчество способствовало появлению *неких границ* между композитором, исполнителем и аудиторией. Если раньше на первом месте была сама музыка, то сейчас – математические структуры, формирующие произведение, и авторский замысел – *идея, эйдос*, лежащие в основе музыкального произведения.

Музыка, как звуковое искусство, предполагает *встречную интенциональность субъектов* – взаимную направленность внимания композитора на слушателя, на его вовлеченность и интерес к звучащему полотну, а также – внимания слушателя к замыслу композитора. При этом необходимо учитывать, что слушатель, как правило, уже имеет определенный музыкальный опыт, багаж, сквозь призму которого преломляется его восприятие той или иной композиции.

Акты взаимодействия музыкальных субъектов – в частности, композитора и аудитории – совершаются в культурном пространстве, задающем объективный контекст художественного восприятия. Этот культурный фон сообщает особые смыслы элементам музыкальной выразительности, обеспечивая более ясное воплощение авторской идеи и необходимое воздействие на публику. Отсюда возникают предпочтения определенных жанров и стилей, композиторов и эпох. Например, А. Рубинштейн ограничивал слушание оперы, прямо об этом заявляя, и это не могло не сказаться на субъективных взглядах его аудитории [Рубинштейн, 2005, с. 10].

Музыкальная субъективность проявляется в выборе техники, стиля, традиционных или новаторских средств выразительности, отличаясь от философской субъективности как таковой [Субъективность и идентичность, 2012]. С их помощью композитор воздействует на аудиторию, а следовательно и на глобальное развитие музыкальной индустрии, и на культуру общества в целом. За исключением античной философии, музыкальный субъект и музыкальная субъективность как таковые не подвергались широкому осмыслению ни в прошлые столетия, ни в условиях современности, хотя, безусловно, определенные стороны

в той или иной степени затронуты разными учеными [Фуртвенглер, 1960; Чередниченко, 1984; Шеллинг, 1996; Robert C. Solomon, 2005; Фуко, 2007; Чупахина, 2016].

Истинное видение и осознание музыкального произведения появляется лишь в ходе совместного творчества субъектов, которое мы станем именовать «музыкальным событием». Для описания его структуры можно воспользоваться философским термином «интерсубъективность». Она может иметь ярко выраженные социальные стороны [Honigsheim, 1989], увлекательную музыкальную философию [The Routledge..., 2011], а может корениться в слиянии модерна и традиции [Viljanen, 2016].

Музыкальные события – это живые «клеточки» музыкальной культуры: выступления, в процессе которых задействована некая сеть субъектов. К таким событиям относят концерты и мастер-классы, музыкальные фестивали и прослушивания, а также открытые репетиции и творческие встречи, которые проходят в присутствии публики, в том числе профессионалов.

Слушатели-профессионалы составляют, как правило, от 1 до 5 % аудитории, если речь идет о программах, нацеленных на широкий круг слушателей. Это небольшой слой интеллигенции, с особым вниманием и трепетностью вслушивающийся в музыкальный материал. Центральной фигурой в этом кругу является критик-теоретик (музыковед, музыкальный исследователь), поскольку он осуществляет рефлексию музыкального события в поле культуры в целом, оценивает его общекультурной меркой, критически связывает разные события. Теоретик чаще всего не участвует напрямую в исполнении музыки; он вовлечен в музыкальный процесс лишь косвенно, но его функция в высшей мере существенна. Так, если говорить о концертном исполнении, то музыка, воспринимаемая публикой после основательного ее разъяснения музыковедом, становится во многом более понятной и слушается с большим проникновением, нежели простое неосознанное прослушивание.

Концерт является ключевой формой музыкальной интерсубъективности. Здесь каждый музыкальный субъект выполняет специфическую функцию, осуществляя свою интерпретацию авторского замысла. При этом концерт является такой формой художественного общения, в которой специфические особенности музыкальной жизни выступают в наиболее чистом виде, не свойственном ни музыкальному театру, ни различным формам бытового музицирования.

В XVIII–XIX веках сложились три разновидности концерта: строгий академический филармонический концерт, концерт-дивертисмент (с элементами театра) и развлекательный концерт или концерт-шантан (интерактивные программы для ограниченной аудитории в кафе-ресторанах и пабах, отелях и гостиницах).

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет противопоставляет «коллективность», свойственную концерту, «личной жизни», индивидуальности слушателя. Теодор Адорно конкретизирует эту идею, утверждая, что «коллективное публичное восприятие, его эмоциональный характер значительно снижают потенциал активности восприятия» [Адорно, 2008, с. 20]. Очевидно, оба философа фокусируются здесь на отвлекающих факторах коллективного восприятия музыки, которых может быть множество как в самом зрительном зале, так и на сцене. Нельзя отрицать в таком случае, что восприятие серьезного искусства тогда существенно искажается. Однако есть ли повод категорически его отрицать? Заинтересованный и увлеченный внутренним содержанием концертной программы слушатель вряд ли будет ставить во главу угла внешнюю оболочку музыкального события.

Музыкальная субъективность является необходимым элементом культуры чувственности. Это умение слышать прекрасное, воспринимать и выражать реальность посредством гармонических звуков. Как всякая форма человеческой субъективности, музыкальная субъективность формируется в особой культурно-исторической среде и несет на себе печать той или иной эпохи истории.

Таким образом, музыкальная деятельность представляет собой интерсубъективный процесс. Необходимым условием такого процесса является, с одной стороны, встречающаяся

интенциональность субъектов, а с другой – культурный фон, задающий рамки музыкальной выразительности, диктующий субъектам общезначимые смыслы, и т.д. Каждый отдельно взятый музыкальный субъект обладает той или иной культурой чувственности, что подразумевает умение слушать и слышать искусство, анализировать звуковые картины на доступном ему уровне, индивидуально воспринимать и выражать действительность с помощью гармонии звуков – красоте, подвластной космосу и высшим силам. Органическое единство индивидуального и коллективного начал музыкального события составляет важную платформу для его успешного и стабильного функционирования.

Список литературы

1. Адорно Т.В. 2008. Избранное: социология музыки. Москва, Российская политическая энциклопедия, 448 с.
2. Аристотель. 1983. Политика. В кн.: Аристотель. Сочинения, Т. 4. М., Мысль: 630-831.
3. Капустин Ю.В. 1985. Музыкант-исполнитель и публика. Ленинград: Музыка, 160 с.
4. Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. Харьков: Фолио, 880 с.
5. Рубинштейн А.Г. 2005. Музыка и ее представители. Спб.: Союз художников, 160 с.
6. Субъективность и идентичность. 2012. Под ред. А.В. Михайловского. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 366 с.
7. Фуко М. 2007. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. Спб.: Наука, 677 с.
8. Фуртвенглер В. 1960. Музыкант и его публика. Советская музыка, 3: 22-33.
9. Чередниченко Т.В. 1984. Герменевтика и музыкознание. М.: Информкультура, 29 с.
10. Чупахина Т.И. 2016. Особенности художественной деятельности музыканта-исполнителя. В кн.: Культурология и искусствоведение: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук: 13-18.
11. Шеллинг Ф.В.Й. 1996. Философия искусства. М.: Мысль, 389 с.
12. Destrée P. 2018. «Aristotle on Music for Leisure». Music, Text, and Culture in Ancient Greece. Ed. by Tom Phillips and Armand D'Angour. Oxford: Oxford University Press, pp. 183-202.
13. Honigsheim Paul. 1989. Sociologists and Music: an introduction to the study of music and society. 2nd edition. New Jersey, 375 p.
14. Robert C. Solomon. 2005. Subjectivity. V kn: Honderich, Ted. Oxford Companion to Philosophy. Oxford University Press, 900 p.
15. The Routledge companion to Philosophy and Music. 2011. Edited by Theodore Gracyk and Andrew Kania. New York, 672 p.
16. Viljanen Elina. 2016. The problem of the modern and tradition. Early Soviet musical culture and musicological theory of Boris Asafiev (1884-1949). Tampere, Finland, 670 p.

References

1. Adorno T.V. 2008. Izbrannoye: sotsiologiya muzyki. [Selected: the sociology of music]. Moscow., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya: 448p.
2. Aristotel'. 1983. Politika. [Politics]. In: Aristotel'. Sochineniya, Vol. 4. [Works, Vol. 4] Moscow, Mysl': 630-831.
3. Kapustin Yu.V. 1985. Muzykant-ispolnitel' i publika. [Musician and audience]. Leningrad: Muzyka: 160 p.
4. Losev A.Ph. 2000. Istoriya antichnoy estetiki: Aristotel' i pozdnyaya klassika. [A History of Ancient Aesthetics: Aristotle and the Late Classics]. Khar'kov? Folio: 880 p.
5. Rubinshteyn A.G. 2005. Muzyka i yeye predstaviteli. [Music and its representatives]. Spb.: Soyuz khudozhnikov: 160 p.
6. Sub'yektivnost' i identichnost'. [Subjectivity and identity]. 2012. Pod red. A.V. Mikhaylovskogo. M., Publishing house of Higher school of Economics: 366 p.
7. Fuko M. 2007. Germenevtika sub'yekta. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu. [Hermeneutics of the subject. Course of lectures delivered at the College de France in the 1981–1982 academic year]. Spb.: Nauka, 677 p.

8. Furtvengler V. 1960. Muzykant i yego publika. [Musician and his public]. Sovetskaya muzyka, 3: 22-33.
9. Cherednichenko T.V. 1984. Germenevtika i muzykoznanije. [Hermeneutics and musicology]. M.: Informkul'tura, 29 p.
10. Chupakhina T.I. 2016. Osobennosti khudozhestvennoy deyatel'nosti muzykanta-ispolnitelya. [Features of the artistic activity of the musician-performer]. In: Kul'turologiya i iskusstvovedeniye: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', may 2016 g.) [Culturology and art history: materials II Intern. scientific. Conf. (Kazan, may 2016)]. Kazan', Buk: 13-18.
11. Shelling F.V.Y. 1996. Filosofiya iskusstva. [The philosophy of art]. M.: Mysl', 389 p.
12. Destrée P. 2018. "Aristotle on Music for Leisure". Music, Text, and Culture in Ancient Greece. Ed. by Tom Phillips and Armand D'Angour. Oxford: Oxford University Press: 183-202.
13. Honigsheim Paul. 1989. Sociologists and Music: an introduction to the study of music and society. 2nd edition. New Jersey, 375 p.
14. Robert C. Solomon. 2005. Subjectivity. In: Honderich, Ted. Oxford Companion to Philosophy. – Oxford University Press, 900 p.
15. The Routledge companion to Philosophy and Music. 2011. Edited by Theodore Gracyk and Andrew Kania. New York, 672 p.
16. Viljanen Elina. 2016. The problem of the modern and tradition. Early Soviet musical culture and musicological theory of Boris Asafiev (1884-1949). Tampere, Finland, 670 p.

Ссылка для цитирования статьи
Reference to article

Андрейкина М.В. 2019. Музыкальный субъект как философское понятие. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 513–518. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-513-518

Andreykina M.V. 2019. Musical subject as a philosophical concept. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 513–518 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-513-518

УДК 130.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-519-524

**«НОВЫЕ ВОЙНЫ» И ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА.
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ****«NEW WARS» AND THE PROBLEM OF TERRORISM.
PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS****¹⁾А.В. Артюх, ²⁾А.В. Борисовский
A.V. Artyukh, A.V. Borisovskiy**

¹⁾Белгородский государственный аграрный университет,
Россия, 308503, Белгородский р-н., п. Майский, ул. Вавилова, 1
²⁾Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

¹⁾Belgorod State Agrarian University,
1 Vavilova St, Belgorod rn., P. Maisky, 308503, Russia
²⁾State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация

«Новые войны» как сложная форма совмещения войны и терроризма существенно расширяют поле включенных в него антропологических фигур. Понимание терроризма как фигуры-оппонента национального государства имеет совсем недавнюю историю и довольно ограниченные границы. Субъект национального государства и сообщества, также как гомогенность национальных и классовых форм солидарности поставлены под вопрос глобализацией и провалом социалистического движения, что открывает возможность других проектов. Наряду с привычными фигурами по обе стороны жестко установленных границ (комбатант и некомбатант, граждане определенного государства), реальность «новой войны» наполнена другими фигурами, среди которых не только военные и гражданские, но и сотрудники частных военных компаний (частные армии), преступные сообщества, добровольцы и беженцы. И потому борьба с современным терроризмом – это не только задача правоохранительных органов, но и общие усилия представителей власти, религиозных и общественных деятелей, общества в целом.

Abstract

The article notes that “new wars” as a complex form of combining war and terrorism significantly expand the field of anthropological figures included in it. It emphasizes that the understanding of terrorism as an opponent of the nation state has a very recent history and rather limited borders. The subject of the national state and community, as well as the homogeneity of national and class forms of solidarity are called into question by globalization and the failure of the socialist movement, which opens up the possibility of other projects. Along with familiar figures on both sides of rigidly established boundaries (combatant and non-combatant, citizens of a particular state), the reality of the “new war” is filled with other figures, including not only military and civilians, but employees of private military companies (private armies), criminal communities, volunteers and refugees. And because the fight against modern terrorism is not only the task of law enforcement, but the common efforts of government officials, religious and public figures, and society as a whole.

Ключевые слова: война, терроризм, насилие, государство, нация, человек.**Key words:** war, terrorism, violence, state, nation, person.

Феномены войны и терроризма имеют длительную историческую перспективу и антропологическую глубину. Теоретические концепты и идеологемы, связанные с этими социокультурными реалиями, достаточно многочисленны, и часто существующий уровень философских и междисциплинарных исследований не позволяет в полной мере эксплицировать эти феномены в их культурно-исторической перспективе и подвижности. Противопоставление войны и терроризма, их различие, слияние и наложение послужат общим теоретическим «фоном» данной статьи, основным объектом которой является человек, который при достаточно устойчивых определениях в формате «классических» войн (деление комбатант – некомбатант) в эпоху «новой» войны лишен таких определений.

Спецификой современной социально-гуманитарной мысли в исследовании феноменов войны и терроризма остается явная или неявная приверженность методологическим и теоретическим схематизмам понимания, сложившегося в эпоху модерна. В отношении войны мы ведем речь, прежде всего, о трактовке войны К. фон Клаузевица [2007]. В его понимании война есть отношения особого рода между государствами, которые посредством насилия навязывают свою волю друг другу. Такое определение очевидным образом находится в контексте новоевропейских идей легитимности власти и функционирования государства, проблемы допустимости насилия, которые были выявлены в новоевропейской философии Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем.

Понятия «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в тот же период. Начиная с XVIII в. в лице М. Робеспьера возникает традиция рассмотрения террора как жестокого, устрашающего насилия в сфере политики с целью реализации прав субъектами революционной власти от имени «народа», «нации», «революции» [Борисова, 2008]. Формируется представление о терроризме как практике устрашения, применяемой как самим государством, так и его противниками в лице революционеров. В работах М. Бакунина, О. Бланки, Л. Гумпловича, К. Маркса, В. Ленина, Г. Маркузе, Б. Савинкова, Ж. Сореля, П. Ткачева, Э. Че Гевары и др. террор соотносится с понятием власти, государства и «освобождения народа».

Война и терроризм как формы насилия в научном дискурсе не пересекались вплоть до современности. Только сегодня понимание терроризма как разновидности войны и военного насилия находит выражение в работах М. Либига, Ф.А. Фрайхер фон дер Хейдте, П.А. Шерера, Д. Стерлинга, Л. Ларуша. В терроризме усматривают разновидность войны (современная нерегулярная малая война или гибридная война) [Hoffman, 2011], которая характеризуется рядом специфических свойств и применением «террористических тактик» (Фон дер Хейдте) [Heydte, 1986]; феномен терроризма определяется как террористическая война, некая новая форма войны, характеризующаяся «силой бессилия» и «игровым характером» (Х. Хофмайстер) [Хофмайстер, 2006]. Одним словом, ранее четкое и ясное разграничение войны и терроризма становится проблематичным и, прежде всего, в отношении четко определенных правил применения насилия.

Мэри Калдор в работе «Новые и старые войны» обращается к понятию «новая война», которая тесно связана с терроризмом. Она определяет «новую войну» через слом устоявшихся и берущих свое начало в эпохе Нового времени формах насилия: «... новые войны влекут за собой размывание различий между войной (определяемой обычно как насилие по политическим мотивам между государствами или организованными политическими группами), организованным преступлением (насилие, на которое идут организованные в частном порядке группы ради частных целей, обычно ради финансовой выгоды) и крупномасштабными нарушениями прав человека (насилие, осуществляемое государством или политически организованными группами против частных лиц)» [Калдор, 2016: 29]. По мнению М. Калдор «новые войны» возникают, когда государство теряет монополию на насилие. Под влиянием угроз «сверху», вмешательства транснациональных структур, или «снизу» – преступных сообществ, происходит трансформация войны, которая для нас если не совпадает, то сближается практически до неразличимости с терроризмом. При

этом такая эволюция войны является как следствием развития технологий социальных и информационных, так и, в определенном смысле, откатом назад, деградацией устойчивых и регламентированных форм насилия. В этом отношении терроризм как раз и является проблемой – именно в отношении войны как формы насилия, поскольку смешение или союзничество терроризма и войны приводит к новым формам, которые могут быть названы гибридными, по отношению к классическим – деградационными и, несомненно, меняющими статус участников.

На наш взгляд, проблема раскрывается при ответе на вопрос, кто участвует в террористическом насилии. И здесь стоит изменить привычную оппозицию государства и его оппонентов. Стереотип об аутсайдерах и маргиналах, которые противостоят системе, в настоящее время перестает быть таковым. Реальность эпохи модерна скорее заключалась в том, что после создания сильных национальных государств терроризм являлся средством борьбы самих государств друг с другом [Артюх, 2018]. Сама экономика терроризма показывает, что террористические организации всегда нуждались в подготовке, снабжении, финансировании и прочем, что могло дать только государство. Сейчас происходит также, но с некоторыми оговорками – таким источником могут выступать корпорации, диаспоры и собственный преступный бизнес террористов. В общем, практики контроля насилия, созданные в предыдущую эпоху, уже не адекватны тем угрозам, которые создают процессы технической и кибернетической революции, глобализации и регионализации, а также постсекуляризации. Они дают сбой на уровне государства по причине возникновения новых объектов и субъектов насилия (или иных, а не новых).

Тем более стоит вспомнить, что эти формы насилия, которые одновременно являются и формами проявления насилия, и формами его контроля, имеют (в современном виде) не столь уж давнюю историю. Война и революция в современном их понимании сложились в эпоху модерна и образуют единый комплекс с национальными государствами, регулярными армиями, индивидами в качестве «атомов» государства, гражданского общества и политическим партиями как силами на внутригосударственной политической арене. Причем переход к такому положению происходил через насилие, многочисленные буржуазные революции и войны и закончился, с некоторыми оговорками, уже после второй мировой войны.

Бенедикт Андерсон в замечательной книге «Воображаемые сообщества» так пишет об этом: «Первая мировая война положила конец эпохе высокого династического правления. К 1922 г. Габсбурги, Гогенцоллерны, Романовы и Оттоманы стали достоянием прошлого. На место Берлинского Конгресса пришла Лига наций, из которой неевропейцы же не были исключены. Отныне национальное государство стало нормой международного права, так что даже сохранившиеся к тому времени имперские державы вошли в Лигу одетыми в национальные костюмы, а не в имперскую униформу. После катастрофы второй мировой войны волна становления национальных государств переросла в настоящее наводнение. К середине 70-х осталась в прошлом даже Португальская империя» [Андерсон, 2001]. А уже колониальные войны и борьба колоний за национальное самоопределение вызывают на свет такие формы деградации войны и революции, как терроризм. Мы можем считать происходящее деградацией, потому что национальные государства в ходе становления и мировых войн уже выработали «правила игры», которые, впрочем, как показала история, распространялись лишь на них самих. Вне современного «цивилизованного мира» были возможны иные формы насилия, не стесненные международными конвенциями и договорами.

Как показывает Бенедикт Андерсон, национальные государства приходят на смену религиозным сообществам и династическим государствам, которым были свойственны другие формы апроприации насилия, как, например, религиозные войны, бунты, мятежи и прочее. Эти формы ушли в прошлое, но сегодня, как мы можем предположить, возвращаются в новых обличьях, потому, например, заявления различных террористических групп

не распознаются как объявление религиозной войны. Западноевропейский политический и научный дискурс в равной мере оказывается нечувствительным к таким номинированиям, поскольку оперирует другими категориями. Вместе с тем национальные государства с их формами присвоения насилия оказываются довольно недавними образованиями, поскольку еще в начале XX века в Европе существовали династические государства. Как отмечает Б. Андерсон, нации рождаются из сообществ «горизонтально-секулярного, поперечно-временного» типа, в первую очередь, под влиянием капитализма, который стремился к большей прибыли в области книгопечатания и неизбежно был вынужден перейти от латыни к национальным языкам, открывающим огромный европейский рынок. В свою очередь книгопечатание на национальных языках тесно связано с Реформацией – еще одним фактором возникновения наций и национальных государств: «Эксплуатируя дешевые популярные издания, коалиция протестантизма и печатного капитализма быстро создавала огромные новые читательские публики – не в последнюю очередь среди купцов и женщин, которые, как правило, либо плохо знали, либо вовсе не знали латынь, – и одновременно мобилизовывала их на политико-религиозные цели. Это неизбежно потрясло до самого основания не только Церковь. То же землетрясение породило в Европе первые влиятельные нединастические, негородские государства...» [Андерсон, 2001: 63]. И еще одним фактором был сложный процесс постепенной десекуляризации латыни и роста популярности родных языков одновременно с возникновением административных языков на их основе или же другой. В деле собирания наций большую роль сыграли все эти факторы, объединенные капитализмом, который в своей «печатной» форме из множества людей, говорящих на множестве европейских языков, образовывал «воображаемую общность»: «Эти печатные языки закладывали основы национального сознания тремя разными способами. Во-первых, и в первую очередь, они создавали унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков. Люди, говорившие на колоссальном множестве французских, английских или испанских языков, которым могло оказываться трудно или даже невозможно понять друг друга в разговоре, обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только ЭТИ сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти сочитатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально-воображаемого сообщества. Во-вторых, печатный капитализм придал языку новую устойчивость, которая в долгосрочной перспективе помогла выстроить образ древности, занимающий столь важное место в субъективном представлении о нации... В-третьих, печатный капитализм создал такие языки-власти, которые были отличны по типу от прежних административных местных наречий. К каждому из печатных языков некоторые диалекты неизбежно были «ближе»; они и определили их конечные формы. Их обделенные удачей собратья, все еще поддающиеся ассимиляции складывающимся печатным языком, утратили привилегированное положение, и в первую очередь потому, что оказались безуспешными (или лишь относительно успешными) их попытки настоять на собственной печатной форме» [Андерсон, 2001: 67-68]. Отметим, что Андерсон в своем анализе национализма делает акцент на новой общности, возникающей сугубо мирным путем, но объективным фоном этого процесса была череда конфликтов и войн, причем таких, который Европа ранее не знала. Об этом пишет Ф. Энгельс в работе «Роль насилия в истории», когда некоторым образом раскрывает недостающую часть исследования Андерсона, связывая развитие национального капитализма с беспрецедентным ростом насилия [Энгельс, 2011: 64].

Возвращаясь к проблеме терроризма и войны, стоит сделать акцент на том, что привязка к оппонентам национального государства имеет совсем недавнюю историю и

довольно ограниченные границы. Более того, возникший в итоге субъект национального государства, который Андерсон характеризует как секуляризованный и единичный, является еще одной реальностью наряду с вновь возникающими сообществами. Возможно, концепт Другого, который был отработан в западной философии как сугубо умозрительная конструкция, стал политической реальностью [Борисов, 2018]. Поскольку гомогенность национальных форм солидарности, равно как и классовых, была поставлена под вопрос, глобализацией и провалом социалистического движения, соответственно, открывается возможность других проектов (индивидуальных и коллективных). Наряду с привычными фигурами жестко установленных границ, по сторонам которых находились комбатант и некомбатант, граждане определенного государства, сегодня реальность «новой войны» наполнена другими «фигурами». Среди них не только военные и гражданские, но и сотрудники частных военных компаний (частные армии), преступные сообщества, добровольцы и беженцы.

«Новые войны» как сложная форма совмещения войны и терроризма существенно расширяют поле включенных в него антропологических фигур. И потому борьба с современным терроризмом – это не только задача правоохранительных органов, но и общие усилия представителей власти, религиозных и общественных деятелей, общества в целом. Одной из главных задач представителей власти является совершенствование правовой базы, усиление взаимодействия между соответствующими федеральными органами, разработка контрпропагандистских мер с использованием СМИ и системы образования от школы до высших учебных заведений. В век технического прогресса, всеобщей компьютеризации и информатизации общественных процессов самыми доступными путями распространения террористических и экстремистских идей являются социальные сети и все больше набирающие популярность интернет-мессенджеры, что актуализирует задачу противостояния терроризму на уровне сознания конкретного человека. Ранее защищенное, не участвующее в войне гражданское лицо сейчас также включено в борьбу на уровне идеологий, информационной войны. Поскольку для распространения террористических идей, а также для привлечения к данной деятельности молодежи используются практически все доступные Интернет ресурсы, применяются все возможности социальных сетей, противодействие распространению терроризма в социальных сетях должно строиться на воспитании молодежи в контексте профилактики идеологии террора и экстремизма.

Список литературы

1. Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон–Пресс–Ц: 288 с.
2. Артюх А.В., Борисова О.С., Борисов С.Н. 2018. Насилие, война и террор: философско–культурологическое понимание. Наука Искусство Культура. 4 (20): 5–26.
3. Борисов С.Н., Дмитраков А.М. 2018. К критике биополитики. Небезопасный другой и противоречия безопасности эпохи постмодерна. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2 (26): 5–13.
4. Борисова О.С., Борисов С.Н. 2008. К проблеме дискурсивного исследования истории (на примере революционного терроризма). Гуманитарные и социально–экономические науки. 2008. 4 (41): 33–36.
5. Калдор М. 2016. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., Изд–во института Гайдара: 416 с.
6. Клаузевиц К. 1934. О войне. М., Эксмо, 2007: 864 с.
7. Хофмайстер Х. 2006. Воля к войне или бессилие политики. СПб., ИЦ «Гуманитарная Академия»: 288 с.
8. Энгельс Ф. 2011. Роль насилия в истории. М., URSS: 64 с.

9. Heydte fon der F.A. Modern Irregular Warfare: In Defense Policy and as a Military Phenomenon. New Benjamin Franklin House: 259 p.

10. Hoffman F. 2011. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies: 72 p.

References

1. Anderson B. 2001. Imagined Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. M., Kanon–Press–C: 288 p. (in Russian).

2. Artyukh AV, Borisova OS, Borisov S.N. 2018. Violence, war and terror: a philosophical and cultural understanding. Science Art Culture. 4 (20): 5–26. (in Russian).

3. Borisov S.N., Dmitrakov A.M. 2018. To criticism of biopolitics. Unsafe other and security controversies of the postmodern era. Humanitarian Gazette TSPU them. L.N. Tolstoy: 2 (26): 5–13. (in Russian).

4. Borisova, OS, Borisov, S.N. 2008. On the problem of discursive study of history (on the example of revolutionary terrorism). Humanities and socio–economic sciences, 4 (41): 33–36. (in Russian).

5. Kaldor, M. 2016. New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era. M., Gaidar Institute Publishing House: 416 c. (in Russian).

6. Clausewitz K. 1934. About the war. M., Eksmo, 2007: 864 p. (in Russian).

7. Hoffmeister H. 2006. The will to war or powerlessness of politics. SPb., IC "Humanitarian Academy": 288 p. (in Russian).

8. Engels F. 2011. The role of violence in history. M., URSS: 64 p. (in Russian).

9. Heydte fon der F.A. Modern Irregular Warfare: In Defense Policy and as a Military Phenomenon. New Benjamin Franklin House: 259 p.

10. Hoffman F. 2011. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies: 72 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Артюх А.В., Борисовский А.В. 2019. «Новые войны» и проблема терроризма. Философско-антропологический анализ. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 519–524. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-519-524

Artyukh A.V., Borisovskiy A.V. 2019. «New wars» and the problem of terrorism. Philosophical-anthropological analysis. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 519–524 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-519-524

УДК 316 354

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-525-532

**ИЗУЧЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ****THE STUDY OF CORPORATE CULTURE: THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS****О. М. Озаркив****O. M. Ozarkiv**

Керченский государственный морской технологический университет,
Россия, 298309, Керчь, ул. Орджоникидзе, 82

Kerch state Maritime technological University,
82 Ordzhonikidze St., Kerch, 298309, Russia

E-mail: bridget46@yandex.ru

Аннотация

Рассматриваются теоретико-методологические основания изучения феномена корпоративной культуры, проведен анализ эволюционных процессов трансформации корпоративной культуры через сравнение терминов и понятий «корпоративная культура» и «организационная культура». При этом обосновывается трактовка корпоративной культуры как самостоятельного институционального образования. Анализ специальной литературы по культуре труда позволяет говорить о преобладании макросоциальных подходов к изучению корпоративной культуры, обозначенных как прагматический и феноменологический. Предлагается к рассмотрению дискурсионный подход, основанный на взаимосвязи корпоративной культуры и человеческого капитала, осуществляемой через корпоративную коммуникацию.

Abstract

The article explores theoretical and methodological grounds for studying the phenomenon of corporate culture and analyzes evolutionary processes of the transformation of corporate culture through the comparison of terms and concepts of "corporate culture" and "organizational culture". It warrants the interpretation of corporate culture as an independent institutional formation. Analysis of specialized literature on labor culture supports the discussion on the prevalence of macro-social approaches to the study of corporate culture, referred to as pragmatic and phenomenological. The article takes a discursive approach to analyzing the relationship between corporate culture and human capital based on corporate communication. The paper presents theoretical views of scientists who made a significant contribution to the evolution of corporate culture. It is established that management of human resources and organizations in general has been a subject of scientific research for many years, beginning with so-called school of management. Corporate culture in this school is understood as a powerful means of rationalizing production. It is installed that the development of science about organization has inadvertently created the basis for ideas and concepts of the theory of corporate culture. In this regard, phenomenological approach is of interest, allowing one to study the culture of any company as a unique phenomenon that arises naturally and is capable of self-regulation. However, these concepts reveal some limitations, since the methods and means of an individual science are applied in the study. In this regard, the application of the discursive approach, which makes it possible to study the culture of labor from the position of intracorporate communications, and thereby bring new aspects into the theory and practice of corporate culture, is relevant.

Ключевые слова: корпоративная культура, организационная культура, организационная лингвистика, дискурсионный подход, дискурс организации.

Key words: corporate culture, organizational culture, organizational linguistics, discourse approach, discourse organization.

Исследование корпоративной культуры представляет собой длительный период научных изысканий. Основные концептуальные положения корпоративной культуры разработаны в исследованиях экономистов, политологов, социологов, культурологов и представителей других направлений науки. Однако современные тенденции в развитии корпораций и организаций позволяют расширить диапазон исследования, способствуют появлению новых подходов к пониманию сущности корпоративной культуры и оцениванию ее влияния на деятельность организации. Сегодня именно корпоративная культура определяет стратегию развития организации в условиях рыночной экономики, повышает конкурентоспособность организации, позволяет гармонизировать процессы распределения благ внутри организации.

Как правило, интерес к исследованию культуры корпорации детерминирован запросами в сфере экономики и связан с решением управленческих задач. Однако проблематика корпоративной культуры уже давно вышла за рамки исходной для нее управленческой науки, где рассматриваются отдельные аспекты данного феномена. При этом наиболее часто используется рационально-прагматический подход, когда изыскания ведутся в плоскости эффективности функционирования организации в масштабах страны или отдельного региона, влияния системы управления. Корпоративная культура в рамках этого подхода понимается как мощное средство рационализации производства, критерии ее оценивания носят условный характер (устойчивая – неустойчивая, явная – скрытая и т.д.). При этом сама корпоративная культура рассматривается не как феномен, а как функция. В таком представлении значение человека как носителя культуры ничтожно, он выступает лишь как дополнение к определенным производственным задачам.

Прагматический подход более всего характерен для западных исследователей корпоративной культуры (М. Армстронг, М. Алвессон, У. Беннис, Э. Браун, Б. Гунтер, С. Роббинз, К. Шольц, А. Фурнхам). В научных изысканиях отечественных ученых (И. Воронин, М. Козлов, Э. Капитонова, М. Макаренко, Н. Покровская) обнаруживается значительное влияние идей западных авторов. Вместе с тем наблюдается стремление выделить специфику формирования культуры российских корпораций и организаций, предложить новые методы исследования, так как модели культуры труда с развитой экономикой не совпадают с культурными типами, которые возникают в развивающейся отечественной экономике.

Оценивая степень влияния прагматического подхода на динамику научных исследований проблематики корпоративной культуры, можно утверждать, что данный подход является доминирующим, так как абсолютное большинство исследователей так или иначе работают в его рамках. Не ломая общей концепции, некоторые авторы демонстрируют различные интерпретации данного подхода. Так, например, Э. Джакус, П. Добсон, Р. Килманн, А. Кромби, А. Мак-Линн, Г. Морган, М. Сакстон, В. Сате, А. Уилсон, М. Уолтере, Э. Шейн, Л. Элридж, П. Журавлев, Ю. Одегов, Н. Тесакова, В. Томилов, связывают корпоративную культуру с оптимальной системой ценностей и убеждений, выработанной корпорацией для внешней адаптации к постоянно изменяющемуся социальному пространству. Представления о ценностях организации здесь являются базовыми, на их основе строятся представления о нормах, которые, в свою очередь, формируют поведенческие установки.

Сублимацией рационально-прагматического подхода являются научные изыскания Э. Шейна, который создал модель корпоративной культуры, состоящую из трех различных по значимости и сложности уровней или этажей.

Первый уровень – это уровень так называемых артефактов, к которым Шейн причисляет внешнюю атрибутику корпорации, то, что бросается в глаза (одежду сотрудников,

распорядок дня, знаки отличия, контакт между сотрудниками). На внешнем уровне находится и язык корпорации.

Более сложный, второй уровень корпоративной культуры составляют ценности, убеждения, которые являются продуктом коллективного сознания.

В глубину своей модели, на третий уровень, Шейн помещает базовые представления. Вскрыть их природу весьма сложно, так как их истоки формируются в сфере подсознания. Шейн убежден, что именно базовые представления являются решающими при оценивании корпоративной культуры. «Сущность культуры группы можно установить лишь на уровне базовых представлений, лежащих в основе ее деятельности. Установив их, мы сможем понять смысл более поверхностных проявлений данной культуры и дать им соответствующую оценку» [Шейн, 2008, с. 43].

Такое глубинное и, казалось бы, несколько иррациональное объяснение природы базовых представлений имеет, однако, вполне рациональную цель, что не позволяет Шейну выйти за рамки прагматизма. То, как Э. Шейн определяет сущность корпоративной культуры как явления, подтверждает это: «Культура группы может быть определена как паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [Шейн, 2008, с. 31].

Несмотря на некоторые противоречия и схематичность, модель корпоративной культуры, предложенная Э. Шейном, представляет собой методологическую матрицу и легко может быть применена как инструмент оценивания корпоративной культуры. Модель построена таким образом, что в ней отражается перечень основных типичных действий по оцениванию корпоративной культуры, характерных большинству предприятий. Она включает последовательность таких этапов:

1. установление типа корпоративной культуры, ее доминантных характеристик, отличающих ее от других корпоративных культур;
2. определение стиля лидерства;
3. определение стиля управления наемными рабочими, характеристика условий труда и образцов поведения;
4. определение интегрирующей цели организации.

Ключом к оценке корпоративной культуры, однако, является идентификация признаков организации, которые отражают базовые ценности организации, лежащие в глубинных слоях подсознания.

Некоторые авторы (Д. Дреннан, Б. Карлофф, С. Мишон, П. Штерн, С. Карпов Р. Кричевский), оставаясь в рамках рационально-прагматического подхода, отождествляют корпоративную культуру с культурой этикета, ориентируясь на внутреннюю среду (климат) организации. Культура организации здесь понимается как регулятор отношений в коллективе, норм поведения членов организации. То есть культура - это средство влияния на целедостижение организации. Однако в работе К. Камерона и Р. Куинна подчеркивается, что концепция организационной (корпоративной) культуры отличается от концепции организационного климата, которому свойственны менее длительные временные рамки отношений, чувств и восприятий индивидов. Культура – это относительно стабильный определитель организации; климат формируется под влиянием межличностных отношений, и поэтому характеризуется неустойчивостью и быстрой изменчивостью [Cameron, 1999].

Внутренней составляющей рассматриваемого рационально - прагматического подхода является социальный аспект (культура возникает из коллективного поведения), в основе второго подхода к изучению корпоративной культуры, определяемого исследователями как парадигмальный, лежит антропологический аспект (культура состоит из индивидуальных интерпретаций и осознаний). В классификации С. Щербина этот подход получает название феноменологический [Щербина, 1996].

Первостепенные различия в двух подходах – это различия в понимании культуры как атрибута, принадлежащего организациям, и культуры, определяемой как символическое средство для описания организации.

В рамках первого из названных подходов у исследователей есть весь инструментарий для того, чтобы четко выявлять различия между корпоративными культурами, следить за изменениями, происходящими в культуре, измерять культуру, используя эмпирические приемы. Для измерения культуры, для ее анализа на организационном уровне разработаны три стратегии с учетом следующих подходов: (1) холистический, при котором исследователь погружается в культуру и действует, как глубоко сопричастный наблюдатель, пытается стать «аборигеном» организации; (2) метафорический или языковой – исследователь использует образцы языка документов, отчетности, бытующих рассказов и бесед, стремясь обнаружить отпечатки культуры; и (3) количественный — исследователь пользуется вопросниками или проводит собеседования для оценки конкретных проявлений культуры. Количественный подход допускает множество точек зрения, каждую из которых нужно учитывать при оценке атрибутов культуры организации [Cameron, 1999].

Феноменологический подход предполагает, что в центре внимания исследователей оказывается корпоративная культура, понимаемая как ядро организации, как то, что изначально существует в организации. При таком рассмотрении культура корпорации представляется глубинным явлением, отражающим коллективное сознание членов корпорации, и лишь отчасти является экономическим рычагом влияния. Понимание сущности организационной культуры и все внутренние изменения в ней основываются на осмыслении и интерпретации ее индивидами.

В феноменологическом подходе предполагается, что в организациях нет ничего, кроме культуры, поэтому соприкосновение с любой организацией приводит к столкновению именно с культурой какой-либо организации.

Здесь ставится под сомнение возможность целенаправленного воздействия на формирование и изменение корпоративной культуры. Напротив, корпоративная культура сама приобретает свойство влиять на внутренние и внешние процессы в организации.

О взаимосвязи культуры организации и сознания входящих в нее индивидов пишет К. Шольц: «Организационная культура представляет собой неявное, невидимое и неформальное сознание организации, которое управляет сознанием людей и, в свою очередь, само формируется под воздействием их поведения» [Шольц, 1995, с. 111].

В феноменологическом подходе понятия корпоративная культура и организационная культура максимально близки, почти тождественны. Здесь не акцентируется внимание на разнице между терминами «организация» и «корпорация», так как и то и другое понимается как вместилище культуры, как некая среда, где культура существует.

Такое понимание создает некоторую проблему, заявляющую о себе при попытке дать толкование дефиниции «корпоративная культура».

Так, в многочисленных исследованиях, посвященных изучению культуры компании, термины «корпоративная культура» и «организационная культура» трактуются как синонимичные. Все западные ученые по традиции не делают никакого различия в этих понятиях. Это объясняется тем, что вопросы культуры предприятия впервые экспериментально начали изучаться в крупных американских корпорациях. В результате этих исследований было выявлено существование внутри корпорации особой среды, мотивирующей поведение индивидов и влияющей на эффективность производства. Теоретически это явление было определено как «corporate culture», или культура корпорации. Одно из первых исследований в сфере корпоративизма осуществил М. Вебер, который обозначил способы самоорганизации корпорации, взаимосвязь морально – этических принципов и социально-экономических достижений отдельных корпоративных структур. Здесь речь идет именно о корпорации как о замкнутой группе людей, формирующейся в процессе профессиональной деятельности. Но, по мере развития социальной инфраструктуры, возникает термин «организационная культура», так как культура присуща не только крупным корпорациям, но

и любой профессиональной организации. Постепенно происходит замещение одного термина другим, и под организационной культурой понимается культура любой компании.

Как известно, первые практические шаги по исследованию культурной среды организации были предприняты еще в начале 20-го столетия, в 1927 г, усилиями социолога Э. Мейо и его сподвижников. В крупной американской компании Western Electric был запущен пятилетний эксперимент, в основную задачу которого входило выявление зависимости эффективности производства от технологии управления и психологического климата внутри корпорации. Результаты диагностики подтвердили, что эмоциональный настрой работников организации зависит от того, насколько их личные интересы соотносятся с интересами компании или отрасли в целом.

Получив значительный практический опыт, американские ученые на его основании продвинулись в области изучения организационной культуры. Целью эмпирических исследований, осуществляемых в период с 50-х по 80-е годы XX столетия в США, было подтверждение факта существования внутри организации некоей малой культуры, предопределяющей поведение работников, что стало стартовым пунктом дальнейших теоретических изысканий.

Однако вопрос терминологии оставался открытым. Так, Ч. Барнард и Г. Саймон говорят об организационной морали, А. Кеннеди и У. Оучи – об идеологии организации, экспериментально доказывая успешность организаций с сильной идеологией. Необходимость выработки адекватной терминологической базы вызвала к жизни первые теоретические труды, посвященные культуре организации.

Так, осмысливая сущностные аспекты организации, Т. Парсонс через определение организации вводит понятие социокультурной модели, которое в большей степени релевантно понятию культура корпорации, чем ранее предложенные термины. Таким образом, Парсонс впервые акцентирует внимание на том, что особая среда внутри организации – это культурный феномен.

Собственно термин «организационная культура» вводит в научный оборот Э. Петтигрю, обосновывая идиоматическую связь входящих в него понятий. Начиная с 80-х годов прошлого века, благодаря теоретическим изысканиям Э. Шейна, К. Камерона, Р. Куинна, А. Кеннеди, ставшими классикой, культура организации начинает рассматриваться как самостоятельный феномен и в теории сливается с концепцией корпоративной культуры. Данный подход, при котором организационная культура тождественна корпоративной, является самым распространённым и теоретически обоснованным. Его придерживаются большинство исследователей, в том числе и отечественных, например, Р. Кричевский, В. Спивак, П. Тихомиров, В. Томилов. Однако следует отметить, что при таком подходе неизменно сужается и значительно упрощается проблематика исследования этих двух разных по сути понятий.

Исследователи Л. Колесникова, Б. Мильнер, В. Спивак, В. Щербина и др., не отрицая тождества, осмысливают соотношение организационная культура – корпоративная культура через философские категории «общее» - «частное». Предполагается, что организационная культура включает в себя корпоративную. Так, В. Красовский отмечает, что термин «организационная культура» является первичным, а «корпоративная культура» – производным, характерным только для крупных предприятий – акционерных товариществ. [Красовский, 2012, с. 12].

Однако ряд исследователей, исходя из разницы в семантике терминов «организация» и «корпорация», принципиально разделяют эти типы культур. Например, Ж. Тощенко и Н. Могутнова, анализируя их этимологию, приходят к выводу, что это «разные явления, имеющие пересечение в своих элементах» [Могутнова, 2005, с. 133]. Объединяющими элементами при этом определяются атрибуты, цель организации и условия труда. Различие же этих двух типов культур состоит в их внутренней составляющей. Для организационной культуры – это формальная, предписывающая сторона работы организации, проявляющаяся в ведении документации. Корпоративная культура признается более широким явлением, охватывающим многие аспекты деятельности организации.

И. Воронин и М. Козлов считают, что «организационная культура базируется на инструментальных ценностях профессиональной деятельности, то есть на значимых для их носителя способах решения, стоящих перед организацией и работниками задач, осуществления карьеры. Корпоративная культура опирается преимущественно на терминальные ценности, то есть на представления о смыслах жизни, о нормах взаимоотношений в коллективе» [Воронин, 2007, с. 58].

Автор статьи разделяет данную точку зрения, отмечая концептуальные различия в понимании обсуждаемых феноменов.

Действительно, понятие организационной культуры применимо к фирмам, компаниям, организациям, и не всякая организация является корпорацией. Кроме того, организация всегда подразумевает некую структуру, поэтому логично предположить, что организационная культура жестко структурирует отношения внутри организации при помощи уставных документов, приказов, нормативной базы. То есть, организационная культура является механизмом управления. Корпоративная культура — это доминирующий определитель организации, включающий в себя базовые ценности и согласованные интерпретации поведенческих норм. Корпоративная культура отражает как очевидные, так и невыраженные, часто незаметные аспекты жизни организаций, в том числе межличностные отношения ее членов, эмоциональную сферу. Таким образом, корпоративная культура представляется сложным явлением духовного и материального плана, охватывающим и процесс производства и индивида в этом процессе.

Анализ теоретико-методологических подходов позволяет сделать вывод о том, что в вопросах изучения корпоративной культуры преобладают макросоциологические подходы, такие как рационально-прагматический и феноменологический. В пределах данных парадигм можно выявить основные признаки той или иной корпоративной культуры, оценить корпоративную культуру с помощью определенного инструментария, изменить ее качества в целях повышения эффективности работы организации. Однако последнее десятилетие характеризуется интересом к новым подходам в области изучаемого вопроса, где индивид как носитель корпоративной культуры становится главным объектом исследования.

Появление такой тенденции вполне закономерно, так как «в начале XXI века в социологии возрастает интерес к тому, насколько человек может проявить свою индивидуальность в социальных структурах», а исследователи «пытаются распознать и понять смысл тех неформальных отношений и культурных практик, что скрыты от посторонних [Борисова, 2016, с. 147]. Вживаясь в формальную систему, индивид подчиняется системе, а вживаясь в неформальную систему, он приобщается к культуре. Если формальную систему разрабатывают и искусственным образом внедряют, преодолевая сопротивление человека и приспособлявая его индивидуальность под готовую матрицу, то неформальную систему создает сам человек посредством коммуникации, вербальной и невербальной. Язык, мифы, легенды, обычаи, ритуалы являются здесь определяющими признаками при попытке описать и оценить ту или иную корпоративную культуру.

Таким образом, возникает потребность исследования корпоративной культуры на междисциплинарном уровне, вследствие чего корпоративная культура становится объектом изучения так называемых «двойных» дисциплин – когнитивной лингвистики, социолингвистики и др. Некоторые авторы (К. Ахраменко, Е. Харченко, Л. Шкатова, и др.) констатируют появление нового направления в науке – организационной лингвистики, призванной изучать организацию с точки зрения языковой коммуникации. Так, при неизменном объекте исследования (корпоративная культура) предметом исследования становится дискурс организации [Харченко, 2009, с. 92].

Истоки дискурсионного подхода следует искать в работах Н. О'Доннел-Тружиллио, Г. Моргана У. Оучи, Л. Смирсич, А. Блинова, О. Василевской, М. Пакиновского, определяющих корпоративную культуру как «смысловую систему», состоящую из специфических знаков и символов, в том числе и языковых [Smircich, 1983]. Данная концепция, не являясь доминирующей, тем не менее дала толчок возникновению

базовых понятий когнитивной лингвистики – концепт, языковое сознание, когнитивная карта мира.

В лингвистических изысканиях последних лет прослеживается тенденция отхода от описательной лингвистики. Язык все больше интересует ученых не с точки зрения его внутренней структуры, а как некая коммуникативная модель, то есть с точки зрения его функционирования в контексте.

В фокусе внимания лингвистов находится речевое поведение членов корпорации, система коммуникации в организации. Изучение терминов, жаргона и других артефактов, бытующих в среде профессионалов, проводится в рамках когнитивной лингвистики, социологии, лингвокультурологии. Исследованиями подтверждается, что о сложившейся группе людей в рамках профессии можно говорить лишь тогда, когда выработан свой специфический язык (социолект), отражающий концептуальное ядро данной группы. Участники группы для успешного взаимодействия должны находиться в одной системе координат, языковой и ментальной.

О такой комбинации признаков группы, как о необходимой, писал Э. Шейн в своем фундаментальном исследовании организационной культуры: «Наличие общеупотребительного языка и концептуальных понятий группы является необходимым условием для достижения консенсуса и для обеспечения надлежащей внутригрупповой коммуникации» [Шейн, 2008, с. 83].

Таким образом, язык становится неким устойчивым механизмом приобщения индивидов к той или иной корпоративной культуре. Язык регулирует и нормирует поведение индивида в профессиональной группе, формируют его мировоззрение. Вместе с тем, он является коммуникативным барьером на пути успешного общения для тех, кто незнаком с культурным пространством корпорации или по какой-то причине не принимает его законы. То есть, корпоративный язык помогает провести дифференциацию «свой - чужой».

Несомненным является также эксплицитное свойство языка: посредством языковых средств материализуется стереотипное восприятие мира, представление о нормах и ценностях, свойственное той или иной профессии.

Анализ приведенных источников позволяет утверждать, что в исследованиях корпоративной культуры отечественные и зарубежные ученые, в основном, опираются на два теоретико - методологических подхода: прагматический (культура корпорации рассматривается как экономический ресурс) и феноменологический, позволяющий изучить культуру любой компании как уникальное явление, возникающее естественным путем и способное к саморегуляции. Эти концепции, несмотря на свою влияние, обнаруживают некоторую ограниченность, так как при исследовании применяются методы и средства отдельной науки (экономики, культурологи и др.)

Изучение корпоративной культуры на пересечении разных отраслей научного знания детерминировано сложностью и многогранностью данного феномена. В этой связи актуальным представляется применение дискурсионного подхода, позволяющего изучить культуру труда с позиции внутрикорпоративных коммуникаций и тем самым привести новые аспекты в теорию и практику корпоративной культуры.

Список литературы

1. Борисова, С.Н. Изучение профессиональных групп в отечественной социологии: основные теоретико-методологические подходы // С.Н. Борисова. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016. № 2 (42). С. 144–148.
2. Воронин, И.Н., Корпоративные отношения и корпоративная культура организации //И.Н. Воронин, М.Ю. Козлов. Омский научный вестник, 2007. № 6. С. 56–59.
3. Красовский, Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес – организацией: уч. пос. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 391 с.
4. Могутнова, Н. Н. 2005. Корпоративная культура. М., Прогресс: 133 с.

5. Харченко, Е.В. «Организационная лингвистика»: миф или реальность? // Е.В. Харченко Л.А. Шкатова. Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение, 2009. №17 (155). С. 90–94.
6. Шейн, Э.Х. Организационная культура и лидерство // Э.Х. Шейн. пер. с англ.; под ред. Т.Ю. Ковалевой. — 3-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 330 с.
7. Щербина, С.В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции] // С.В. Щербина. Социологические исследования, 1996. № 7. С. 47-55.
8. Шольц, К. Организационная культура: между иллюзией и реальностью // К. Шольц. Международный журнал «Проблемы теории и практики управления», 1995. № 3. С. 111 - 114.
9. Cameron, Kim S. & Quinn, Robert E. 1999, Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework. Reading, Mass: Addison Wesley, 1999, XVIII, - 221 p.
10. Smircich, L. Concepts of Culture and Organizational Analysis // Administrative Science Quarterly, 1983. Vol. 28. pp. 339–358.

References

1. Borisova S. The study of professional groups in sociology: the basic teoretiko-methodological approaches // S. N. Borisova. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. And. Lobachevsky. Series: Social science, 2016. № 2 (42). pp. 144–148. (in Russia)
2. Voronin I. Corporate relations and corporate culture of the organization // I. N. Voronin M. Yu. Kozlov. Omsk scientific Bulletin, 2007. № 6. pp. 56–59. (in Russia)
3. Yu. Krasovskiy. Socio-cultural bases of management of business organization. M.: YUNITI-DANA, 2012. – 391 p (in Russia)
4. Mogutnova N. Corporate culture. M.: Progress, 2005. p.133. (in Russia)
5. Harchenko E. «Organizational linguistics»: myth or reality? // E.V. Kharchenko L. A. Skatova. Bulletin of the Chelyabinsk state University. Series: Philology. Art history, 2009. №17 (155). pp. 90–94. (in Russia)
6. Sheyn E. Organizational culture and leadership // E. H. Shane. per. from English; under the editorship of T. J. Kovalevoj. — 3rd ed. — SPb.: Peter, 2008. — 330 p. (in Russia)
7. Scherbina S. Organizational culture in the Western tradition: the nature, the logic of the formation and functions // V. Shcherbina. Sotsis, 1996. № 7. pp. 47-55. (in Russia)
8. Sholts K. Organizational culture: between illusion and reality // K. Scholz // the international journal «Problems of theory and practice of management», 1995. № 3. pp. 111 - 114. (in Russia)
9. Cameron, Kim S. & Quinn, Robert E. 1999, Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework. Reading, Mass: Addison Wesley, 1999, XVIII, - 221 p.
10. Smircich, L. Concepts of Culture and Organizational Analysis // Administrative Science Quarterly, 1983. Vol. 28. pp. 339–358.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Озаркив О.М. 2019. Изучение корпоративной культуры: теоретико-методологические основания. Философско-антропологический анализ. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 525–532. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-525-532

Ozarkiv O.M. 2019. The study of corporate culture: theoretical and methodological foundations. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 525–532 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-525-532

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

УДК 101.2

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-533-546

**СООБЩЕСТВА ФИЛОСОФОВ УХОДЯТ В ПРОШЛОЕ.
ИХ ЗАМЕНЯЕТ СООБЩЕСТВО УЧЕНЫХ,
МЫСЛЯЩИХ ФИЛОСОФСКИ**

**PHILOSOPHICAL COMMUNITIES ARE GOING AWAY.
THEY ARE REPLACED BY THE COMMUNITY OF SCIENTISTS
THINKING PHILOSOPHICALLY**

**С.П. Щавелёв
S.P. Schavelev**

Курский государственный медицинский университет,
Россия, 305010, г. Курск, ул. К. Маркса, 4

Kursk State Medical University,
4 K. Marx St., Kursk, 305010, Russia

E-mail: sergei-shhavelev@yandex.ru

Аннотация

Философия за почти три тысячелетия своего существования прошла стадии всего знания, общетеоретического знания, теории знания, теории самой себя и, наконец, пришла к своему логическому завершению, целиком превратившись в часть истории мысли. Ее роли по выработке гуманистического мировоззрения и объективной методологии познания, выстраиванию иерархии ценностей жизни и культуры играют сегодня мыслители из сферы позитивной науки и профессиональной практики. В отличие от столетней давности позитивизма, чей логико-математический штурм философия с грехом пополам еще выдержала, новоявленные метафизики — Дж. Даймонд, Ф. Де Вааль, Р. Докинз, К. Лоренц, Э.О. Уилсон и многие другие вооружены открытиями в области фундаментальных основ мироздания, совершенными физиками и биологами на рубеже XX–XXI веков. Поэтому кастовая философия пока существует в академических и университетских структурах по культурной инерции, но будет архивирована в анналы истории идей на памяти нынешних поколений интеллектуалов.

Abstract

For almost three millennia of its existence philosophy has got the stages of knowledge: general theoretical knowledge, the theory of knowledge, the theory of itself. Finally, it came to its logical conclusion, it is completely turning into a part of the history of thought. Today, thinkers from the sphere of positive science and professional practice play the role of philosophy in developing a humanistic world view and methodology of knowledge, building a hierarchy of values of life, and culture. Unlike a hundred years ago positivism, whose logical-mathematical storming has been withstood by philosophy, the now day metaphysical thinkers — J. Diamond, F. de Waal, C.R. Dawkins, K. Lorenz, E.O. Wilson and many others are armed with discoveries in the field

of the foundations of the universe. Therefore, “caste” philosophy still exists in academic and university structures as the result of cultural inertia and will be archived in the annals of the history of ideas during life of current generations of intellectuals.

Ключевые слова: понятие «сообщество специалистов», философия, наука, философские выводы современной науки.

Key words: the concept of “community of experts”, philosophy, science, the philosophical conclusions of present-day science.

«Философы — это значит, что ничего не значит
мир и что философ его переименует,
не слушая, кто и что ему говорит.
На свой салтык вселенную философ пересотворит».
Б.А. Слуцкий. Философы сегодня.
1978.

Понятие сообщества, предполагающее социологический и когнитивный подходы к своему определению, давно пора примерить к философии. Ведь она некритически присваивает и такой атрибут профессиональности и нужности социуму, не давая в этих отношениях сравнить себя с другими науками и профессиями, настаивая на собственной исключительности. Здесь и ниже имеются в виду в первую очередь позднесоветские и получившиеся из них российские философы. Поскольку они в основном опираются на концепции авторов западных, как англо-саксонских, так и континентальных, то мои инвективы затрагивают и философию как таковую.

Когда-то в древности философия обнимала все отрасли знания. Отграничивала именно знание от мифологического тропа и религиозного догмата («От мифа к логосу»). Затем знания о мире от самой философии постепенно отделялись, сначала эмпирически, а затем и теоретически. В итоге философия «согласилась» оставить за собой только самые фундаментальные вопросы бытия и познания, ответы на которые отсылают к первоначалам как материального, так и духовного миров («Поиск фундамента всего знания и всего сущего» (Хофмайстер 2006. С. 18), ни больше, ни меньше). Между тем позитивная наука в лице физики, химии и особенно биологии дошла в своем развитии до вполне метафизических обобщений, которые, однако, построены уже не на кабинетной спекуляции мыслителей одиночек, а на массиве новых фактов, которые доказательно объясняют природу, общество и человека. Однако сообщества философов, как формальные, так и неформальные, чаще всего игнорируют эти вызовы настоящей науки. Всё толкуют о своем, общественном, чего ни ученые, ни практики знать не желают. За ответами на философские вопросы те обращаются к представителям живой науки, имеющим вкус и дар к обобщенной и углубленной популяризации. Так надо понимать заглавие моего сообщения.

Своего рода интеллектуальный инбридинг у бывшей «науки наук» происходит в немалой степени именно из-за ее «сообщности»: большинство дипломированных философов читает только друг друга, да памятники истории философии (что, собственно, одно и то же — из-за отсутствия критериев большей или меньшей истинности любая публикация по философии моментально превращается в историю этой сферы мысли). Практичность прошлых и нынешних философов декларативна и не подтверждаема [Щавелев, 1994]. Претензии выдать философию за технологию мышления и развивать его с ее помощью — такой же «обман трудящихся» (Л.Д. Ландау), как и сеансы экстрасенсов. Даже логическое мышление формируется в онтогенезе само собой по ходу социализации, для чего отнюдь не требуется сдавать формальную логику на «отлично». А выдуманная в СССР так называемая «диалектическая логика» [Ильенков 1984], претендовавшая учесть сверхлогичность парадоксов, оказалась вполне мифологичной. «Именно здесь обнаружилась ми-

стико-иррационалистическая сущность диалектического материализма как политической религии» [Попович 1997. С. 145]. «... Расторгнут неравный брак диалектики с материализмом, в котором она играла роль смешную и часто даже унижительную — роль софистического приема для оправдания диаматовских выдумок» [Киссель 2002. С. 10]. Попытка ильенковцев отрицать научно-технический прогресс была осуждена даже идеологами КПСС, так как не отвечала задачам военно-промышленного комплекса. Короче говоря, ничего не меняется ни в умонастроениях, ни в политике, ни в повседневной жизни от всё новых и новых философских «исследований». Их единственный результат — статус внутри сообщества тех, кого коллеги называют философами. «Опыт страны, где марксизм стал государственной идеологией, вполне определенно выявил черты "ученого-марксиста". ... Согласно материализму наука служит человеку, а не человек науке. Отсюда страстная любовь ученого к степеням и званиям, наградам и привилегиям, международным форумам, познавательным-накопительным поездкам за рубеж...» [Киссель 2002. С. 6].

Когда-то Э.В. Ильенков написал служебную записку в ЦК КПСС, протестуя против утилитарного понимания философии [Ильенков 2008]. Столь мещанской в его глазах трактовке он противопоставлял «способность сознания порождать идеалы» [Марков 2017. С. 632]. К чему же привела его идейная борьба с «ветренными мельницами» кибернетики? Дескать, как же это будет без руководящей роли партии действовать алгоритмичная автоматика? Так действует и вполне успешно. Что, повседневность соотечественников улучшилась на основании шедевров мирового искусства, как надеялся философ-шестидесятник? Кажется, россияне в массе своей их стали ценить еще меньше, а вот гаджеты да Интернет серьезно изменили нашу жизнь, по большей части к лучшему. В ненаучно-популярной антиутопии этот знаменитый среди еще живых коллег философ-неомарксист даже предсказал тупик цивилизации роботов [Ильенков 1968]. Полвека спустя андрюиды и другие роботы с искусственным интеллектом отнюдь не решают гамлетовский вопрос о собственном бытии, но проводят хирургические операции, расшифровывают геном неандертальцев и мамонтов, выполняют массу других сложнейших заданий. Пророчества философов всегда сбываются с точностью до наоборот. Они пытаются пугать нас выдуманным отчуждением и не хотят видеть настоящие перспективы науки и техники. Этакие умственные луддиты. Но остановить время и заставить хоть одного человека на свете заглянуть в пыльные фолианты бывших сталинских академиков Георгия Федоровича Александрова, Марка Борисовича Митина, Павла Федоровича Юдина, Федора Васильевича Константинова (основателя и первого президента Философского общества СССР), Анатолия Григорьевича Егорова, да и горбачевского помощника Ивана Тимофеевича Фролова уже невозможно. Серые мысли, суконный стиль письма, не говоря уже о выморочных сюжетах. Да и кто теперь у нас читает самого Маркса по-немецки, а Ленина по-русски? Про «диалектический и исторический материализм» даже в учебниках по истории философии стыдно упоминать. Что уж вспоминать «научный коммунизм», чьи адепты ныне тоже мнят себя философами.

Между тем, за 2000–2010-е годы увидела свет большая библиотека изданий, популярно излагающих новейшие открытия в разных областях фундаментального естествознания. Они оперативно, через пару-тройку лет переводятся на русский язык и художественно раскупаются в книжных лавках, возникают в Интернете. Еще больше столь же поучительного материала на просветительских сайтах типа Элементы, Антропогенез.ру, Книжные проекты Дмитрия Зимина и т.п. площадок Рунета. Сами учёные, а также научные журналисты выдвигают интереснейшие версии не только по собственно природоведению, но и по гуманитарным проблемам современного человечества. Попробую перечислить их выборочно и тезисно в соответствии с традиционными разделами философского знания. Тем самым очерчатся и своего рода подсообщества философов, каждое из которых специализируется на определенной тематике. Кроме призрачного сообщества в национальном масштабе, наши философы образуют более или менее локальные объединения по отдельным тематическим сферам, наставникам философствования, даже учебным заведениям.

Как, например, в позднем СССР московские «гносеологи», шедшие за Э.В. Ильенковым, и ленинградские «онтологи», направляемые В.И. Свидерским [Щавелев 2015]. Как самопровозглашенные со своей вполне схоластичной методологией «семинар Г.П. Щедровицкого» или «кружок В.С. Библера», либо же все прочие студенты да аспиранты того или иного идейного литератора защит да должностей. Этим несть числа. Например, «ростовский философ Алексей Потемкин. Продолжателей его дела называют потемкинцы» [Синельников 2014].

Вот мыслящих историков философии, со знанием всех необходимых иностранных языков у нас оказалось мало — раз, два и обчелся. А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, М.А. Киссель, ну, и разве еще Т.И. Ойзерман [Щавелев 2018]. А сегодня книги про М. Фуко тут выпускают фармацевты по образованию, которые переводят с европейских языков при помощи компьютера.

Вездесущая бюрократия попыталась отразить дисциплинарную структуру философии в виде шифров специальностей для ученых степеней и званий. По динамике приобретения таковых всё новыми поколениями соискателей права считаться философами, между прочим, проясняются размеры профанации и обесценивания той или иной части философствования в нашей стране. Ни в одной стране мира, однако, философия не разбита на столько «специальностей» — у нас их 9, причем 4 сдвоенные. Если первые по нумерации «шифры» не по зубам значительной части соискателей, то уж на «Философскую антропологию, философию культуры» устремляются все, кому не лень. Есть, правда, еще более профанированная культурология, где «до сих пор широко процветают некие самобытные концепции, почти никак не соотносящиеся с международным контекстом исследований культуры» [Куренной 2019]. Российская культурология — все равно, что национальная физика или химия. Нигде в мире такой науки нет, а у нас есть. Перейдем же к более респектабельным философским дисциплинам.

Онтология. Если махнуть рукой на совершенно бессодержательные допущения некоего абсолютно существа как субстанции вечной, неизменной, безначальной [Метафизика 2008], то окажется, что философии уже нечего сказать о природе. Кроме того, что требуется говорить по учебной дисциплине, придуманной в нашей стране в переходные 1990-е годы под названием «Концепции современного естествознания». Сегодня происхождение и устройство известной ученым Вселенной мало-помалу проясняется [Вайнберг 2004, 2017; Рубин 2016; др.], а вот версии Мультивселенной остаются скорее по ведомству философии [Стенджер 2016]. Впрочем, старых онтологических понятий вроде «субстанции», «материи», «миропорядка», «вещи» и т.п. при объяснении природы уже не требуется — они слишком отвлечены от физико-химических реалий микромира и большого космоса, да и психики, души. «Почему-то мы привыкли к мысли, что, когда система обнаруживает сложные и слаженные функции и поведение, обязательно должен присутствовать некий "сущностный" ... элемент управления, который якобы за всё отвечает. ... Мы называем его гомункулусом, разумом, душой, генами и так далее. ... Но он редко там, в обычном редукционистском смысле. Это не значит, что в действительности нет никакой ответственной "сущности", просто она существует в распределенном виде. Она в протоколах, правилах, алгоритмах и программном обеспечении. Так на самом деле работают клетки, муравейники, виртуальные сети, армии, мозг. Нам трудно это понять, поскольку "сущность" не хранится где-то в каком-нибудь сундуке» [Газзанига, 2017, С. 311].

Попытка отдельных авторов заменить старую онтологию абсолютно существа на новую онтологию существа потенциально [Федчук, 2019] меняет, что называется, шило на мыло. Рассуждения же насчет какой-то еще онтологии, не только натуралистической, но и социальной, культурной, другой всевозможной («онтология истины» у некоторых петербургских авторов — невнятный оксюморон) — просто информационный шум. Его умственная резервация — на занятиях философских факультетов, где ежегодно оказывается пара-тройка сотен наших сограждан, сами толком не понимая зачем. Разве история мысли знала не то что сотни, а десятки философов в какой-нибудь стране одновременно?

Психофизиологическая проблема, похоже, решена несколько лет назад при помощи интерфейса «мозг – компьютер» [Петрунин и др. 2010]. Психика оказалась по-своему материальной. По крайней мере, материализуемой. В известном споре Э.В. Ильенкова и Д.И. Дубровского о природе идеального победил Давид Израилевич. Потому что опирался на принципы естествознания, а не на выхолащенную спекуляцию гегелевского толка, как Эвальд Васильевич.

Тем самым основной вопрос философии» снят с повестки дня. Вместо этого вымученного Ф. Энгельсом полтора века назад силлогизма следует преподавать студентам Кембриджскую декларацию 2012 года о сознании. С помощью высоких технологий сканирования мозга стало возможным понять природу сознания, причем не только человека [Фритт 2015], но и животных (например, собак [Бернс 2019]), птиц [Акерман 2018], вплоть до осьминога [Монтгомери 2018]. Замах нынешних одухотворителей природы на растения [Манкузо, 2018], пожалуй, уже перехлест этого идейного тренда. По крайней мере, не только люди, но и шимпанзе, бонобо, собаки, дельфины, сороки узнают себя в зеркале: признак самосознания. Пропасть между людьми и животными в отношении интеллекта [Де Вааль 2017], да и всего сознания [Де Вааль 2014; Сафина 2018] заполняется на наших глазах.

Методология. Публикации советских философов 1980-х годов в области теории и методологии науки перепевали сюжеты западного постпозитивизма (Т. Куна, И. Лакатоса и иже с ними) или же наивно пытались разложить по выдуманным полкам материализма / идеализма «философские вопросы естествознания» (физики, в основном). От Энгельса и Ленина до В.С. Стёпина с В.П. Бранским. Сегодня попытки философов «обобщать» физику и химию ради некоей «научной картины мира» окончательно выдохлись. Эту картину сегодня набрасывают космологи и физики-экспериментаторы с адронным коллайдером, гравитационными волнами и т.п. прорывными достижениями техники. Преподаваемое до сих пор по идейной инертности российского сообщества философов и их студентов «понятие материи» как «объективной реальности» в духе В.И. Ленина никакого отношения к нынешней космологии и квантовой физике не имеет. Такая искаженная «философия природы» нужна только самим философам, но отнюдь не натуралистам, у которых хватает своих понятий-категорий вполне метафизического масштаба.

Часть наших философов по-прежнему интересуется открытиями в современной им науке, теперь прежде всего в биологии и, особенно, биотехнологии. Однако их выводы отсюда предельно тривиальны: дескать, «новые методологические конструкты ведут к инновационному выходу за пределы существующих стандартов» [Науки о жизни и современная философия 2016. С. 6]. А когда-нибудь не вели? Не философы, а сами натуралисты, в России начиная с биогеохимика В.И. Вернадского («Ноосфера»), физиологов И.П. Павлова («Русский ум»), А.А. Ухтомского («Доминанта души»), астрофизика В.Л. Гинзбурга, математика-эколога Н.Н. Моисеева и некоторых их коллег, мыслящих философски, предложили новые концепты революционизированной ими картины природной реальности.

Гносеология. Подсообщество философов — теоретиков познания первым осознало схоластичность вечных перепевов Локка, Декарта, Юма да Канта и переименовалось в эпистемологов, дабы отмежеваться от явно устарелой тематики [Касавин 2013]. Я сам принимал участие в этой идейной перекраске [Щавелёв 2009, 2010]. Новоявленные эпистемологи попытались разукрасить свой фэндом красками разных гуманитарных наук — истории, этнологии, антропологии, лингвистики и других. Налицо не что иное, как идейные «падальщики» — пересказывая взятые из вторых рук сведения о миграциях, обрядах, мифах, языках и множестве других сюжетов науки и искусства, новые «философы познания» ничего к ним не добавляют [Маркова 2017]. При этом они просмотрели, что сами эти гуманитарные дисциплины всё чаще оглядываются на выводы эволюционной биологии. Так, еще К. Лоренц разрубил гордиев узел дилеммы врожденности / приобретенности базовых форм знания, показав наличие генетических предпосылок к мышлению в определенных формах [Лоренц 1997]. Мышление оказалось практически не связанным с языком

[Эверетт 2019]. Соответственно, эвристичной оказалась только эволюционная эпистемология, реферировавшая именно биологические предпосылки обучения и познания [Эволюционная эпистемология 1996; Меркулов 2003, 2006].

Историсофия. Формационная модель истории человечества оказалась вполне дискредитирована своим расхождением с выводами исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин. Ни государства в современном смысле, ни массы рабов в древности не оказалось; феодализм не находится нигде, кроме Западной Европы да Японии; капитализм и не подумал «разлагаться» на стадии империализма, а продолжает процветать по сравнению с остальным миром; а социализм с коммунизмом вообще испарились из исторического бытия, забрав с собой многие миллионы зазря загубленных жизней. «Вообще с марксистскими схемами дело обстоит таким образом: чем хуже знаешь историю, тем они кажутся убедительнее; и наоборот» [Киссель 2002. С. 9].

Цивилизационные модели человеческой истории остаются в эвристической силе, однако их существенно конкретизируют выводы эволюционной биологии. Новое дыхание приобрел так называемый «географический детерминизм» [Даймонд 2010, 2916 а]. Масив новых фактов похоронил гегельянскую дихотомию «производительных сил» и «производственных отношений» бывшего у нас философией истории «исторического материализма». Теперь обнаружилась живописная картина жизни и смерти социумов, попавших в разные природные и геополитические условия и по-разному на них отреагировавших [Даймонд 2016 б].

Идеологизированная и радикальными, и либеральными философами политкорректность, провозглашавшая интернационализм и братство народов, не объясняла, почему из века в век одни страны живут богато, а другие бедно (несмотря на миллиардные вливания в их экономику); почему в одних социумах защищают права человека, а в других нет (несмотря на внешние атрибуты представительной демократии). Обширный генетический, археологический, исторический материал, накопленный за последние годы, показал реальные различия рас и этносов. Эта разница второстепенна и не имеет отношения к расизму и национализму, но ощутимо влияет на судьбы разных стран. Изменения в менталитете отдельных народов под влиянием внешних — природных и политических условий их исторического бытия оказались прослежены на отрезке нескольких поколений [Уэйд 2018]. Это вам не «мировой дух верхом на лошади», а цифры и факты.

Этика. Старый спор моралистов (хотя бы Гоббса и Руссо) по поводу того, добр или зол человек по своей природе убедительно решен приматологами и прочими зоологами. С одной стороны, все животные способны к эмпатии, то есть сочувствию к переживаниям себе подобных (зеркальные нейроны). У обезьян, слонов, волков, врановых птиц, дельфинов и некоторых других животных дело доходит до прямого альтруизма — практической помощи себе подобным без всякой пользы для собственного выживания, вплоть до самопожертвования во имя ближнего [Сафина 2018]. И эгоизм, и отзывчивость людей и животных настраиваются генами [Докинз 2016]. Так, молодые шимпанзе по утрам вытаскивают самую старую самку в своем стаде из укрытия на солнце, поят ее изо рта в рот в течение дня, а под вечер затаскивают обратно на ночлег. С другой стороны, те же шимпанзе время от времени охотятся, сообща ловят и поедают мясную пищу — как представителей других видов, так и себе подобных обезьянок. Они и альтруисты, и каннибалы в одном лице. «Но при этом подобные характеристики нельзя применять ко всем людям или даже к одному человеку в разные периоды его жизни. Вот почему состояние человека, которое пытаются описать философы ... , так сложно понять. Безразмерных характеристик, которые подошли бы всем людям, не бывает и никогда не будет» [Таттерсаль 2016. С. 265].

Что тогда остается философам-моралистам? Заниматься этикетными нормами поведения разных народов и культур? [Назаров 2005] Так их уже описали этнографы, журналисты да беллетристы. А человечество в целом, между прочим, выяснили генетики, становится как вид более сдержанным, менее агрессивным [Гуд 2015] (Хотя «уровень агрессии в российских городах в целом велик, и, похоже, число неуравновешенных граж-

дан не сокращается» [Костюк 2019]). Наш вид, получается, одомашнил, приручил сам себя [Робертс 2019] — вывод из уникального эксперимента советского генетика Д.К. Беляева над чернобурными лисами (эффект неотении) [Дугаткин, Трут 2019].

В старый спор философов о свободе воли вмешались нейробиологи. Изучив расщепленный мозг, они открыли модуль интерпретации, заставляющий нас считать, будто мы действуем по собственной воле и сами принимаем важные решения. Нейромедиаторы, регулирующие командную работу мозга, распределяются у людей по-разному, и это обусловлено генетически [Якутенко 2018]. В экспериментах «обнаружилось немало моральных схем, которые, похоже, распределены по всему головному мозгу. Нам свойственно множество врожденных реакций на социальный мир (включая автоматическое сопереживание, безотчетную оценку других людей и эмоциональные реакции), которые влияют на наши моральные суждения» [Газзанига 2017. С. 250]. Хорошая старая моралистика поставила вопрос, на который ответила наука.

Эстетика. Вот идею красоты труднее всего низвести к животному миру. Еще Веркор подметил, что амулеты да татуировки — привилегия людей; ни одно животное себя само не украшает [Веркор 1957]. Хотя некоторые птички в брачный период выкладывают вокруг своих гнезд перламутровые раковины для привлечения самок. Как видно, именно занятия изобразительным искусством в глубинах евразийских пещер закрепили человеческое начало в кроманьонцах и позволили им создавать культуру, покорившую земной и околоземной мир. Появление живописи сразу в стиле полноценного реализма происходит по видимости внезапно на рубеже позднего палеолита около 35 000 лет назад [Уэллс 2014. С. 168]. Роспись и последующие посещения подземных галерей соседскими группами кроманьонцев впервые создали универсальный механизм человеческой культуры, где искусство объединяет труд, религию и коллективный ритуал межгруппового общения. Локальные группы последних неандертальцев не сумели достичь этого уровня в силу нескольких неблагоприятных для них факторов [Шипман 2016]. Но успели в результате отдельных скрещиваний с нашими предками передать европейцам и азиатам малый процент своего генома (от 1 до 4 %) [Пэабо 2016]. Вместе с жизненно важными для выживания в Евразии признаками (начиная со светлой кожи) кроманьонцы унаследовали в этом «генетическом пакете» и склонность к ряду болезней, включая психиатрические (депрессию, шизофрению). Такова оказалась плата за разум.

Теология. Большинству философов, привыкших верить в пропасть между природой и культурой, людьми и животными, покажется странным искать природные корни идеи бога. Между тем эволюционные предпосылки религии уже обнаружены. Зоопсихологи отметили у самых разных животных склонность к своего рода суевериям. Например, если после определенных действий, вполне случайных, животных кормить, то в дальнейшем звери и птицы совершают эти действия как символические, ожидая желанного подкрепления. Вполне себе условный рефлекс. Самый яркий пример веры в практическую эффективность примитивного ритуала представляет собой так называемый «танец дождя», зафиксированный у шимпанзе африканских джунглей. Если группу обезьян застаёт тропический ливень, они прячутся от него под пологом деревьев. Когда потоки воды преодолевают укрытие, самцы выскакивают на поляну и начинают энергично приплясывать и жестикулировать. После прекращения осадков исполнители этой своеобразной литургии присоединяются к сородичам с чувством выполненного долга... Можно долго излагать разнообразные концепции происхождения религии, находя у каждой из них рациональное зерно, но трудно отрицать типологическое сходство поведения кур или кошек, не говоря уже про обезьян, в суеверной ситуации с нашими молитвами и жертвоприношениями [Де Вааль 2014].

Экология. Теряя идейную почву под ногами, некоторые философы попытались вмешаться в споры о будущем человечества. Они присоединили свои голоса к хору апокалиптиков, пророчащих более или менее скорую гибель человечества. Но заимствованные «зелеными» философами из вторых, как обычно, рук, цифры и факты оказались недо-

статочными для сколько-нибудь точных прогнозов. Люди спрашивают у ученых, сколько видов живых существ и как быстро теперь теряет Земля? Каково должно быть соотношение заповеданной и заселенной территории на планете? [Уилсон 2017]. Президент РФ В.В. Путин на саммите производства и индустриализации GMIS в Екатеринбурге в июле 2019 года правильно оценил чрезмерный экологизм как мракобесие.

Паранаука и философия. Из ненаучной в антинаучную нынешняя философия превращается, когда начинает поддерживать откровенно абсурдные версии природы, общества и человека. Таковы поклонники как канонических, так и альтернативных им, эзотерических культов. Миную пока православное поветрие среди российских философов и культурологов, обращу внимание на философичную по видимости эзотерику [Назаров, 2008 а; Назаров, др. 2008 б. Из аннотации: «Впервые вводится в научный оборот уникальный материал, собранный в приокском регионе, ранее известный только в устной традиции и доступный лишь посвященным»]. «Посвященным» «в лом» (как говорят наши студенты) прочесть книгу клинического психолога из Чикаго, написанную именно про них, «посвященных» [Смит 2014]. А там масса интереснейших данных про «сверку с реальностью» восточных и западных лженаучных заявок. Дотошные американцы даже организовали эксперимент по проверке эффективности так называемых «заступнических молитв во здравие»: одну выборку приготовленных к шунтированию сердца пациентов они предупредили, что за них будут молиться во всех протестантских церквях штата, другую — нет, а в третьей сказали, что за одних молиться будут, а за других нет, но за кого, пока неизвестно. Тест на здравомыслие для студента-первокурсника: в какой из экспериментальных групп выживших пациентов оказалось больше? [Смит 2014].

Вернемся к **понятию сообщества**, чтобы лучше понять причины, по которым социум терпит идейную мумификацию метафизики, которая продолжается больше ста лет (ориентировочно после выбрасывания философией «белого флага» в лице позитивизма).

Хотя к тем, кто занимается философией, трудно применить общие критерии корпоративности. Первый такой критерий — образование. Среди российских кандидатов и докторов философских наук примерно две трети получала высшее образование на самых разных факультетах, но не философском (философский факультет заканчивали около трети энциклопедически учтенных философов. [Алексеев, 2002, 2009] А неучтенных там (нет своей монографии) в разы, в десятки раз больше). Второй критерий — работа по специальности как источник существования. Среди выпускников философских факультетов в СССР и Российской Федерации ничтожно малый процент занимался в дальнейшем преподаванием философии и тем более публиковался в рейтинговых философских изданиях. Так что профессионализм философов относителен и обманчив, интровертен, так сказать.

Правда, к философам явно или неявно причисляются общественным мнением лица, претендующие быть мыслителями на общие темы: литераторы, художники, журналисты, политики и т.п. Кроме ученых место философов в общественном мнении занимают представители искусства, политики и бизнеса. К очередному «Дню философии» журналисты предложили перечень «самых популярных мыслителей современности, ставших кумирами миллионов» [Самые популярные философы современности 2013]: Курт Воннегут, Далай-лама XIV, Стив Джобс, даже стритартер Бэнкси и Гомер Симсон из мультсериала «Симпсоны». Все они философского образования не имеют, их квалификацию философствовать никто официально не подтверждал. В отличие от ученых, которые давно изолировали дилетантов от своих дисциплин, слишком сложных для самоучек. Попытки философов декларировать собственное сообщество как элитарное, проводить общенациональные и международные конгрессы, собирать членские взносы только по внешней форме напоминают ассамблеи ученых. Общность здесь ограничивается тщеславным желанием за сильную сумму денег купить членство или публикацию. Обмен знаниями среди философов невозможен, потому что они сами не определили критерии истинности своих заявлений. Чужие публикации их почти не интересуют. «Степень изученности темы» каждого философа имитируется нелепыми перечнями похожих по тематике текстов от Аристотеля

с Фомой Аквинским («Ф. Аквинский» на их малограмотном жаргоне) до какого-нибудь доцента Пупкина из Тьмутараканска.

На самом деле философы — штучный продукт. В обозримом будущем «люди всё еще будут читать Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля, Витгенштейна и Хайдеггера. Какую роль будут играть эти люди в разговорах наших потомков, никто не знает. ... Вероятно, философия станет чисто наставительной, так что самоидентификация философа будет характеризоваться в терминах книг, которые читаются и обсуждаются, а не в терминах проблем, которые должны быть решены» [Рорти 1997. С. 292]. На мой взгляд, это произошло с философией давным-давно, а печатные книги на наших глазах заменяются на блоги и сайты, что не суть важно для обсуждаемой темы.

Философия как отдельная специальность на стадии своего исчезновения из культурного обихода не одинока. Если присмотреться, то уходит из круга интересов молодежи литература в ее классических формах. «И бог мычал как корова, и рукописи горят. Вначале было не слово, а клип и видеоряд» (И.Л. Волгин). Сегодня никто из выпускников российских школ не ответит на вопрос, кто и с кем, из-за чего дерется на дуэли в «Евгении Онегине» или в «Капитанской дочке». На смену символам имперского прошлого приходят другие символы духа, и это логично для социума нового, свободного типа. А история культуры возьмет на учет все изжитые людьми ценности, музеефицирует их и сохранит для всех ценителей архаики. Которых во все времена явное меньшинство.

К счастью, уже появляются философы, признавшие тупик философии и предлагающие искать новый синтез ее проблематики с достижениями науки. Вот они действительно мудрецы! Их «успехи современной биологии заставляют признать ненаучным "тезис о человеческой исключительности" и рассматривать человека как особо сложный по своей организации биологический вид. Это влечет за собой критику интроспективных методов "самообоснования духа", восходящих к философии Декарта и практикуемых в ряде влиятельных философских течений XX века — таких, как феноменология или экзистенциализм» [Шеффер 2010. С. 2]. Да и всех прочих направлений «буржуазной» (античной, средневековой, любой другой) философии.

Список литературы

1. Акерман Дж. 2018. Эти гениальные птицы. М., Альпина нон-фикшн: 486 с.
2. Алексеев П.В. 2002. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М., Академический проект: 1152 с.
3. Алексеев П.В. 2009. Философы России начала XXI столетия: биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь. М., Российская политическая энциклопедия: 695 с.
4. Бернс Г. Что значит быть собакой. И другие открытия в области нейробиологии животных. М., Альпина нон-фикшн: 333 с.
5. Вайнберг С. 2004. Мечты об окончательной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М., Эдиториал УРСС: 256 с.
6. Вайнберг С. 2017. Объясняя мир. Истоки современной науки. М., Альпина нон-фикшн: 474 с.
7. Веркор. 1957. Люди или животные? М., Изд-во иностранной литературы: 227 с.
8. Газзанига М. 2017. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии. М., Аст: 368 с.
9. Гуд Б. 2015. Мозг прирученный. Что делает нас людьми? М., Альпина Паблишер: 285 с.
10. Даймонд Дж. 2010. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М.: Аст: 720 с.
11. Даймонд Дж. 2013. Третий шимпанзе. Два процента гено типа, которые решили всё. М., Аст: 475 с.
12. Даймонд Дж. 2016 а. Коллапс. Почему одни общества приходят к процветанию, а другие — к гибели. М., Аст: 768 с.
13. Даймонд Дж. 2016 б. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. М., Аст: 672 с.

14. Де Вааль Ф. 2014. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М., Альпина нон-фикшн: 376 с.
15. Де Вааль Ф. 2017. Достаточно ли мы умны, чтобы понимать животных. М., Альпина нон-фикшн: 404 с.
16. Де Вааль Ф. 2018. Политика у шимпанзе. Секс и власть у приматов. 3-е изд. М., Изд. дом Высшей школы экономики: 272 с.
17. Докинз Р. 2016. Эгоистичный ген. М., Аст: 512 с.
18. Дугаткин Л., Трут Л. 2019. Как приручить лису (и превратить в собаку). Сибирский эволюционный эксперимент. М., Альпина нон-фикшн: 296 с.
19. Ильенков Э.В. 1968. Тайна черного ящика. Научно-фантастическая прелюдия // Об идолах и идеалах. М., Политиздат: С. 11–28.
20. Ильенков Э.В. 1984. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., Политиздат: 320 с.
21. Ильенков Э.В. 2008 О положении с философией // Эвальд Васильевич Ильенков / Отв. ред. В.И. Толстых. М., Российская политическая энциклопедия: С. 378–387.
22. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., Альма-М: 560 с.
23. Костюк Г.П. 2019. У нас депрессия не попадает в отчетность/ Огонек. № 26. 8 июля. С. 32.
24. Куренной В. 2019. Профессия — культуролог/ Сайт «Всё о культуре Бурятии». http://minkultrb.ru/publications/detail.php?SECTION_ID=93&ELEMENT_ID=2843&spphrase_id=268649
25. Курцвейл Р. 2018. Эволюция разума, Или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М., Эксмо: 352 с.
26. Лоренц К. 1997. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. № 5. С. 23–25.
27. Лоренц К. 2008. Так называемое зло. М., Культурная революция: 616 с.
28. Манкузо С., Виола А. 2015. О чем думают растения. М., изд-во «Э»: 208 с.
29. Марков А.В. 2017. Советский неомарксизм: Ильенков и Мамардашвили // Оттепель. М., Государственная Третьяковская галерея: С. 630–643.
30. Маркова Л.А. 2017. Социальная эпистемология — в контексте прошлого и будущего. М., Канон+: 272 с.
31. Меркулов И. 2003, 2006. Эпистемология. Т. 1. СПб., изд-во РХГУ: 472 с.; Т. 2 СПб., изд-во РХГИ: 416 с.
32. Метафизика. Учебное пособие. 2008 / Под ред. Б.И. Липского, Б.В. Маркова, Ю.Н. Солонина. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: 563 с.
33. Монтгомери С. 2018. Душа осьминога. Тайны сознания удивительного существа. М., Альпина нон-фикшн: 317 с.
34. Назаров В.Н. 2005. Прикладная этика. Учебник. М., Гардарика: 302 с.
35. Назаров В.Н. 2008 а. Введение в эзотерику. Учебник. М., Гардарика: 303 с.
36. Назаров В.Н., Дёмин В.Н., Аристов В.Ф. Загадки русского междуречья. М., Вече: 2008 б. 352 с.
37. Науки о жизни и современная философия 2016 / Отв. ред. И.К. Лисеев. М., Канон +: 496 с.
38. Пенроуз Р. 2005. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. 2-е изд. М., Эдиториал УРСС: 400 с.
39. Петрунин Ю.Ю., Рязанов М.А., Савельев А.В. 2010. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук. М., МАКС Пресс: 78 с.
40. Попович М.В. 1997. П.В. Копнин: страницы философской биографии // Вопросы философии. № 3.
41. Пэабо С. 2018. Неандерталец. В поисках исчезнувших геномов. М., изд-во АСТ: 416 с.
42. Робертс Э. Приручение. 10 биологических видов, изменивших мир. М., Колибри: 464 с.
43. Рорти Р. 1997. Философия и зеркало природы. Новосибирск, изд-во Новосибирского ун-та: 320 с.
44. Рубин С.Г. 2016. Устройство нашей Вселенной. Изд. 3-е. Фрязино: 320 с.
45. Самые популярные философы современности. Комсомольская правда 2013. 13 ноября. С. 1.
46. Сапольски Р. 2018. Записки примата. Необычная жизнь ученого среди павианов. М., Альпина нон-фикшн: 424 с.

47. Сапольски Р. 2018. Кто мы такие? Гены, наше тело, общество. М., Альпина нон-фикшн: 290 с.
48. Сафина К. 2018. За гранью слов. О чем думают и что чувствуют животные. М., Колибри: 560 с.
49. Синельников А.Д. 2014. О первых принципах // Сайт гостелерадио компании Дон ТР.
50. Смит Дж. Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд. Изд. 2-е. М., Альпина нон-фикшн: 566 с.
51. Стенджер В. 2016. Бог и Мультивселенная. М., Питер: 432 с.
52. Таттерсаль И. 2016. Скелеты в шкафу. Драматичная эволюция человека. СПб., Питер: 272 с.
53. Уэйд Н. 2018. Неудобное наследство. Гены, расы и история человечества. М., Альпина нон-фикшн: 377 с.
54. Уилсон Э. 2015. Смысл существования человека. М., Альпина нон-фикшн: 224 с.
55. Уилсон Э. 2017. Будущее Земли. Наша планета в борьбе за жизнь. М., Альпина нон-фикшн: 320 с.
56. Уэллс С. 2014. Генетическая одиссея человечества. М., Альпина нон-фикшн: 276 с.
57. Федчук Д.А. 2019. О новой и старой онтологиях: Мейясу, Бадью и отказ от классических концепций // Вопросы философии. № 3. С. 199–205.
58. Хофмайстер Х. 2006. Что значит мыслить философски. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та: 448 с.
59. Фритт К. 2015. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М., Аст: 335 с.
60. Шеффер Ж.–М. 2010. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение: 392 с.
61. Шипман П. 2016. Захватчики. Люди собаки против неандертальцев. М., Альпина нон-фикшн: 296 с.
62. Шпорк П. 2014. Читая между строк ДНК. Второй код нашей жизни, или Книга, которую нужно прочитать всем. М., Ломоносовъ: 272 с.
63. Щавелёв С.П. 1994. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та: 232 с.
64. Щавелёв С.П. 2009. [Рец. на кн.:] Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 4. С. 198–202.
65. Щавелёв С.П. 2010. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация»: С. 160–178. Shchavelov S.P. 2010. [Prakticheskoye znaniye] / Pod red. I.T. Kasavina. M., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya»: S. 160–178.
66. Щавелёв С.П. 2015. ЛГУ. Философский факультет. 1970–е. Заметки сознательного попутчика // Вспоминая философский факультет... / Сост. Б.В. Марков, А.В. Малинов. СПб., Санкт-Петербургское философское общество: С. 332–347.
67. Щавелёв С.П. 2018. / Сост. С.Н. Корсаков, А.П. Зайцева. М.: Наука, 2014. 124 с. // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 216–218.
68. Эверет Д. 2019. Как начинался язык. История величайшего изобретения. М., Альпина нон-фикшн: 424 с.
69. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. 1996 / Отв. ред. И.П. Меркулов. М.: Российская политическая энциклопедия: 194 с.
70. Якутенко И. 2018. Воля и самоконтроль. Как гены и мозг мешают нам бороться с соблазнами. М., Альпина нон-фикшн: 456 с.

References

1. Akerman Dzh. 2018. Eti genial'nyye ptitsy [These brilliant birds]. М., Al'pina non-fikshn: 486 s.
2. Alekseyev P.V. 2002. Filosofy Rossii XIX–XX stoletiy. Biografii, idei, Trudy [Philosophers of Russia of the XIX–XX centuries. Biographies, ideas, works]. 4-ye izd., pererab. i dop. М., Akademicheskiiy proyekt: 1152 s.
3. Alekseyev P.V. 2009. Filosofy Rossii nachala XXI stoletiya: biografii, idei, trudy. Entsiklopedicheskiy slovar' [Russian philosophers of the beginning of the XXI century: biographies, ideas, works]. М., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya: 695 s.

4. Berns G. Chto znachit byt' sobakoy. I drugie otkrytiya v oblasti neyrobiologii zhivotnykh [What does it mean to be a dog. And other discoveries in the field of animal neurobiology]. M., Al'pina non-fikshn: 333 s.
5. Vaynberg S. 2004. Mechty ob okonchatel'noy teorii. Fizika v poiskakh samykh fundamental'nykh zakonov prirody [Dreams of a final theory. Physics in search of the most fundamental laws of nature]. M., Editorial URSS: 256 s.
6. Vaynberg S. 2017. Ob"yasnyaya mir. Istoki sovremennoy nauki [Explaining the world. The origins of modern science]. M., Al'pina non-fikshn: 474 s.
7. Verkor. 1957. Lyudi ili zhivotnyye? [People or animals?]. M., Izd-vo inostrannoy literatury: 227 s.
8. Gazzaniga M. 2017. Kto za glavnogo? Svoboda voli s tochki zreniya neyrobiologii [Who is in charge? Free will in terms of neurobiology]. M., Ast: 368 s.
9. Gud B. 2015. Mozg priruchenny. Chto delayet nas lyud'mi? [The brain is tamed. What makes us human?]. M., Al'pina Publisher: 285 s.
10. Daymond Dzh. 2010. Ruzh'ya, mikroby i stal'. Sud'by chelovecheskikh obshchestv [Shotguns, germs, and steel. The fate of human societies]. M.: Ast: 720 s.
11. Daymond Dzh. 2013. Tretiy shimpanze. Dva protsenta genotipa, kotoryye reshili vso [Third Chimpanzee. Two percent of the genotype that decided everything]. M., Ast: 475 s.
12. Daymond Dzh. 2016 a. Kollaps. Pochemu odni obshchestva prikhodyat k protsvetaniyu, a drugiye - k gibeli [Collapse. Why do some societies come to prosperity and others come to ruin]. M., Ast: 768 s.
13. Daymond Dzh. 2016 b. Mir pozavchera. Chemu nas mogut nauchit' lyudi, do sikh por zhivushchiye v kamennom veke [The world the day before yesterday. What can we learn from people still living in the Stone Age]. M., Ast: 672 s.
14. De Vaal' F. 2014. Istoki morali. V poiskakh chelovecheskogo u primatov [The Origins of Morality. In search of the human primates]. M., Al'pina non-fikshn: 376 s.
15. De Vaal' F. 2017. Dostatochno li my umny, chtoby ponimat' zhivotnykh [Are we smart enough to understand animals]. M., Al'pina non-fikshn: 404 s.
16. De Vaal' F. 2018. Politika u shimpanze. Seks i vlast' u primatov [Politics in Chimpanzees. Primates have sex and power]. 3-ye izd. M., Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki: 272 s.
17. Dokinz R. 2016. Egoistichnyy gen [The Selfish Gene]. M., Ast: 512 s.
18. Dugatkin L., Trut L. 2019. Kak priruchit' lisu (i prevratit' v sobaku). Sibirskiy evolyutsionnyy eksperiment [How to tame a fox (and turn it into a dog). Siberian evolutionary experiment]. M., Al'pina non-fikshn: 296 s.
19. Il'yenkov E.V. 1968. Tayna chernogo yashchika. Nauchno-fantasticheskaya prelyudiya [The mystery of the black box. Sci-fi prelude] // Ob idolakh i idealakh. M., Politizdat: S. 11–28.
20. Il'yenkov E.V. 1984. Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii [Dialectical logic. Essays on history and theory]. M., Politizdat: 320 s.
21. Il'yenkov E.V. 2008 O polozhenii s filosofiyey [On the situation with philosophy] // Eval'd Vasil'yevich Il'yenkov / Otv. red. V.I. Tolstykh. M., Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya: S. 378–387.
22. Kasavin I.T. Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nyye i prikladnyye problem [Social epistemology. Fundamental and applied problems]. M., Al'ma-M: 560 s.
23. Kostyuk G.P. 2019. U nas depressiya ne popadayet v otchetnost' [Our depression does not fall into the reporting] // Ogonek. № 26. 8 iyulya. S. 32.
24. Kurennoy V. 2019. Professiya — kulturolog // Sayt «Vso o kul'ture Buryatii». http://minkultrb.ru/publications/detail.php?SECTION_ID=93&ELEMENT_ID=2843&phrase_id=268649
25. Kurtsveyl R. 2018. Evolyutsiya razuma, ili beskonechnyye vozmozhnosti chelovecheskogo mozga, osnovannyye na raspoznavanii obrazov [The evolution of the mind, Or the endless possibilities of the human brain, based on pattern recognition]. M., Eksmo: 352 s.
26. Lorents K. 1997. Kantovskaya doktrina apriori v svete sovremennoy biologii [Kant's doctrine a priori in the light of modern biology] // Chelovek. № 5. S. 23–25.
27. Lorents K. 2008. Tak nazyvayemoye zlo [The so-called evil]. M., Kul'turnaya revolyutsiya: 616 s.
28. Mankuzo S., Viola A. 2015. O chem dumayut rasteniya [What plants think about]. M., izd-vo «E»: 208 s.

29. Markov A.V. 2017. Sovetskiy neomarksizm: P'yenkov i Mamardashvili [Soviet neo-Marxism: P'yenkov and Mamardashvili] // Ottepel'. M., Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya: S. 630–643.
30. Markova L.A. 2017. Sotsial'naya epistemologiya — v kontekste proshlogo i budushchego [Social epistemology - in the context of the past and the future]. M., Kanon+: 272 s.
31. Merkulov I. 2003, 2006. Epistemologiya [Epistemology]. T. 1. SPb., izd-vo RKHGU: 472 s.; T. 2 SPb., izd-vo RKHGI: 416 s.
32. Metafizika. Uchebnoye posobiye. 2008 [Metaphysics. Tutorial] / Pod red. B.I. Lipskogo, B.V. Markova, YU.N. Solonina. SPb., Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta: 563 s.
33. Montgomeri S. 2018. Dusha os'minoga. Tayny soznaniya udivitel'nogo sushchestva [The Octopus Soul. Secrets of consciousness of an amazing creature]. M., Al'pina non-fikshn: 317 s.
34. Nazarov V.N. 2005. Prikladnaya etika. Uchebnik [Applied Ethics. Textbook]. M., Gardarika: 302 s.
35. Nazarov V.N. 2008 a. Vvedeniye v ezoteriku [Introduction to esotericism]. Uchebnik. M., Gardarika: 303 s.
36. Nazarov V.N., Domin V.N., Aristov V.F. Zagadki russkogo mezhdurech'ya [Riddles of the Russian interfluve]. M., Veche: 2008 b. 352 s.
37. Nauki o zhizni i sovremennaya filosofiya [Life sciences and modern philosophy] 2016 / Otv. red. I.K. Liseyev. M., Kanon +: 496 s.
38. Penrouz R. 2005. Novyy um korolya. O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki [The New Mind of the King. About computers, thinking and the laws of physics]. 2-ye izd. M., Editorial URSS: 400 s.
39. Petrunin YU.YU., Ryazanov M.A., Savel'yev A.V. 2010. Filosofiya iskusstvennogo intellekta v kontseptsiyakh neyronauk [The philosophy of artificial intelligence in the concepts of neuroscience]. M., MAKS Press: 78 s.
40. Popovich M.V. 1997. P.V. Kopnin: stranitsy filosofskoy biografii [Kopnin: pages of a philosophical biography] // Voprosy filosofii. № 3.
41. Peabo S. 2018. Neandertalets. V poiskakh ischeznuvshikh genomov [Neanderthal man. In search of extinct genomes]. M., izd-vo AST: 416 s.
42. Roberts E. Prirucheniyе. 10 biologicheskikh vidov, izmenivshikh mir [10 species that changed the world]. M., Kolibri: 464 s.
43. Rorti R. 1997. Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk, izd-vo Novosibirskogo un-ta: 320 s.
44. Rubin S.G. 2016. Ustroystvo nashey Vselennoy [The device of our universe]. Izd. 3-ye. Fryazino: 320 s.
45. Samyye populyarnyye filosofy sovremennosti [The most popular philosophers of our time] // Komsomol'skaya pravda 2013. 13 noyabrya. S. 1.
46. Sapol'ski R. 2018. Zapiski primata. Neobychaynaya zhizn' uchenogo sredi pavianov [Notes of the Primate. The extraordinary life of a scientist among baboons]. M., Al'pina non-fikshn: 424 s.
47. Sapol'ski R. 2018. Kto my takiye? Geny, nashe telo, obshchestvo [Who are we? Genes, our body, society]. M., Al'pina non-fikshn: 290 s.
48. Safina K. 2018. Za gran'yu slov. O chem dumayut i chto chuvstvuyut zhivotnyye [Beyond words. What animals think and feel]. M., Kolibri: 560 s.
49. Sinel'nikov A.D. 2014. O pervykh printsipakh [About the first principles] // Sayt gostelera-dio kompanii Don TR.
50. Smit Dzh. Psevdonauka i paranormal'nyye yavleniya. Kriticheskiy vzglyad [Pseudoscience and the Paranormal. Critical view]. Izd. 2-ye. M., Al'pina non-fikshn: 566 s.
51. Stendzher V. 2016. Bog i Mul'tivselennaya [God and the Multiverse]. M., Piter: 432 s.
52. Tattersal' I. 2016. Skelety v shkafu. Dramatichnaya evolyutsiya cheloveka [Skeletons in the closet. The dramatic evolution of man]. SPb., Piter: 272 s.
53. Ueyd N. 2018. Neudobnoye nasledstvo. Geny, rasy i istoriya chelovechestva [An Inconvenient Legacy. Genes, races and the history of mankind]. M., Al'pina non-fikshn: 377 s.
54. Uilson E. 2015. Smysl sushchestvovaniya cheloveka [The meaning of human existence]. M., Al'pina non-fikshn: 224 s.
55. Uilson E. 2017. Budushcheye Zemli. Nasha planeta v bor'be za zhizn' [The Future of the Earth. Our planet is in the struggle for life]. M., Al'pina non-fikshn: 320 s.

56. Uells S. 2014. Geneticheskaya odisseya chelovechestva [The Genetic Odyssey of Humanity]. М., Al'pina non-fikshn: 276 s.
57. Fedchuk D.A. 2019. O novoy i staroy ontologiyakh: Meyyasu, Bad'yu i otkaz on klas-sicheskikh kontseptsiy [On the new and old ontologies: Meyyasu, Badiu and the rejection of classical concepts] // Voprosy filosofii. № 3. S. 199–205.
58. Khofmayster KH. 2006. Chto znachit myslit' filosofski [What does it mean to think philosophically]. SPb.: izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta: 448 s.
59. Fritt K. 2015. Mozg i dusha. Kak nervnaya deyatel'nost' formiruyet nash vnutrenniy mir [Brain and Soul. How nervous activity shapes our inner world]. М., Ast: 335 s.
60. Sheffer ZH.-M. 2010. Konets chelovecheskoy isklyuchitel'nosti [The end of human exclusivity]. М.: Novoye literaturnoye obozreniye: 392 s.
61. Shipman P. 2016. Zakhvatchiki. Lyudi sobaki protiv neandertal'tsev [Invaders. Dog people against Neanderthals]. М., Al'pina non-fikshn: 296 s.
62. Shpork P. 2014. Chitaya mezhdru strok DNK. Vtoroy kod nashey zhizni, ili Kniga, kotoruyu nuzhno prochitat' vsem [Reading between DNA strings. The second code of our life, or the Book that everyone needs to read]. М., Lomonosov": 272 s.
63. Shchavelov S.P. 1994. Prakticheskoye poznanie. Filosofsko-metodologicheskkiye ocherki [Practical knowledge. Philosophical and methodological essays]. Voronezh, izd-vo Voronezhskogo un-ta: 232 s.
64. Shchavelov S.P. 2009. [Rets. na kn.:] Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. – М.: «Kanon +», ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 1248 s. [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. - М.: “Canon +”, ROOI “Rehabilitation”, 2009. 1248 p.] // Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. № 4. S. 198–202.
65. Shchavelov S.P. 2010. [Prakticheskoye znaniye] / Pod red. I.T. Kasavina. М., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya»: S. 160–178.
66. Shchavelov S.P. 2015. LGU. Filosofskiy fakul'tet. 1970-ye. Zametki soznatel'nogo poputchika [Faculty of Philosophy. 1970s Notes of a conscious fellow traveler] // Vspominaya filosofskiy fakul'tet... / Sost. B.V. Markov, A.V. Malinov. SPb., Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo: S. 332–347.
67. Shchavelov S.P. 2018. [Rets. na kn.:] Oyzerman Teodor Il'ich [Oiserman Theodor Ilyich] / Sost. S.N. Korsakov, A.P. Zaytseva; avt. vstup. st. I.T. Kasavin. М.: Nauka, 2014. 124 s. (Materialy k biobibliografii uchonykh: filosofiya; vyp. 12) // Voprosy filosofii. 2018. № 6. S. 216–218.
68. Everet D. 2019. Kak nachinalsya yazyk. Istoriya velichayshogo izobreteniya [How language began. The history of the greatest invention]. М., Al'pina non-fikshn: 424 s.
69. Evolyutsionnaya epistemologiya: problemy, perspektivy [Evolutionary Epistemology: Problems, Prospects]. 1996 / Otv. red. I.P. Merkulov. М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya: 194 s.
70. Yakutenko I. 2018. Volya i samokontrol'. Kak geny i mozg meshayut nam borot'sya s soblaznami [Will and self-control. How genes and the brain prevent us from dealing with temptations]. М., Al'pina non-fikshn: 456 s.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Щавелёв С.П. 2019. Сообщества философов уходят в прошлое. Их заменяет сообщество ученых, мыслящих философски. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 533–546. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-533-546

Schavelev S.P. 2019. Philosophical communities are going away. They are replaced by the community of scientists thinking philosophically. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 533–546 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-533-546

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABOUT AUTHORS

- Алексеев А.И.** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра регионального развития Курской академии государственной и муниципальной службы
- Андрейкина М.В.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Артюх А.В.** – Белгородский государственный аграрный университет
- Борисов Г.А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный юрист РФ
- Борисовский А.В.** – Белгородский государственный институт искусств и культуры
- Вангородская С.А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Губанов А.В.** – аспирант Курской академии государственной и муниципальной службы
- Гуторова А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Юго-западного государственного университета
- Зотов В.В.** – доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Курской академии государственной и муниципальной службы
- Игнатъев М.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Контарев А.А.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО РЮИ МВД России,
- Мелешко Е.Д.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Мочалов В.С.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Назаров В.Н.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Носков В.А.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Озаркив О.М.** – аспирант кафедры общественных наук и социальной работы Керченского государственного морского технологического университета
- Пересыпкина А.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Пожарова Л.А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Реутов Е.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородский государственный национальный исследовательский университет
- Реутова М.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородский государственный национальный исследовательский университет
- Римский А.В.** – кандидат философских наук, преподаватель кафедры государственно–правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина
- Слюсарев В.В.** – аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Солдаткина О.Л.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры информатики Саратовской государственной юридической академии, (старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права РАН
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный юрист РФ
- Тресков А.П.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, федеральный судья в отставке
- Хусяинов Т.М.** – преподаватель департамента социальных наук, менеджер факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики
- Ширманова М.Ю.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Щавелёв С.П.** – доктор философских наук, доктор исторических наук; профессор, заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета
- Ярослав Шиманек** – доктор политических наук, Аналитическое управление Канцелярии Сейма (Польша)
- Яцек Залесны** – доктор юридических наук, факультет политологии и международных исследований Варшавского университета, Польша

Подписной купон

Прошу оформить подписку на журнал «Научные ведомости Белгородского государственного университета» Серия _____ на следующие номера за 201_ год

1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал

(Отметьте, пожалуйста, требуемые номера в таблице)

комплект(ов)

Стоимость редакционной подписки в 2017 г.

(включает стоимость почтовой доставки заказной бандеролью по России):
на 1 месяц (1 номер) – 1100 руб.; на 12 месяцев (4 номера) – 3800 руб.;

ФИО _____
 Индекс _____
 Республика/Край/Область _____
 Город/Село _____
 Улица _____ дом _____ кв. _____
 Телефон _____ E-mail _____
 Дата _____

Квитанция

ИЗВЕЩЕНИЕ	Форма № ПД-4		
	НИУ «БелГУ»		
	Наименование получателя платежа ИНН 3123035312; КПП 312301001; ОКАТО 14401365000; Р/с 40503810207004000002 в Белгородском отделении № 8592 ПАО Сбербанк БИК 041403633 К/счет 30101810100000000633 Вид платежа КОД 07430201010010000130 за что Подписку на журнал «Научные ведомости БелГУ. Серия « _____ » (наименование банка, другие банковские реквизиты)		
	(Фамилия, И.,О., адрес плательщика)		
		Вид платежа	Дата
Кассир	Подписка на журнал «Научные ведомости БелГУ» Серия _____ на _____ 20__ года		
Плательщик			
КВИТАНЦИЯ Кассир	Форма № ПД-4		
	НИУ «БелГУ»		
	Наименование получателя платежа ИНН 3123035312; КПП 312301001; ОКАТО 14401365000; Р/с 40503810207004000002 в Белгородском отделении № 8592 ПАО Сбербанк БИК 041403633 К/счет 30101810100000000633 Вид платежа КОД 07430201010010000130 за что Подписку на журнал «Научные ведомости БелГУ. Серия « _____ » (наименование банка, другие банковские реквизиты)		
	(Фамилия, И.,О., адрес плательщика)		
		Вид платежа	Дата
	Подписка на журнал «Научные vedo- мости БелГУ» Серия _____ на _____ 20__ года		
Плательщик			